

Центральноевропейские
исследования.
Выпуск 1

Авторитарные режимы

в Центральной и Восточной
Европе

Москва 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Центральноевропейские исследования. Выпуск 1.

Авторитарные режимы
в Центральной и Восточной Европе
(1917–1990-е годы)

Москва
1999

Сборник подготовлен по материалам российско-венгерской научной конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 1994 г.

В статьях всесторонне осмысливается феномен тоталитаризма и его место в истории XX века, на конкретном материале Центральной и Восточной Европы показаны некоторые характерные формы авторитарных и тоталитарных режимов, механизмы их внутренней и внешней политики, анализируются возможности и выявляются пределы их либеральной эволюции.

Редколлегия:

Т.М. Исламов, А.С. Стыкалин

Рецензенты:

кандидат исторических наук И.М. Благодатских
кандидат исторических наук С.А. Романенко

*Издание выполнено
при содействии Венгерской Академии наук,
Культурного, научного и информационного центра Венгрии в Москве
(директор Р. Майер)
и Венгерского Института русистики
(руководители Д. Свак и Т. Краус)*

ISBN 5-7576-0067-5

© Институт славяноведения РАН, 1999

Век тоталитаризма (Вместо предисловия)

Наш уходящий XX век можно без особого преувеличения и смело назвать веком тоталитаризма, подобно тому как XV вошел в историю как век Гуманизма и Возрождения, XVIII – век Просвещения и Ratio-Разума, а XIX – век Романтизма и победного шествия по континентам буржуазной цивилизации.

Хотелось бы, правда, надеяться, что настоящее столетие, отмеченное двумя «горячими» и одной «холодной» (но при этом – глобальной) мировыми войнами, завершится как век Просветления.

Но Просветление – избавление от тяжкого груза совершенных против человечества и человечности преступлений – возможно только в том случае, если причастные к преступлениям нации совершат своего рода обряд Покаяния, как это сделали в свое время немцы Западной Германии, чей нравственный пример до сих пор, к сожалению, никем не был подхвачен. Покаяние, в свою очередь, возможно только через осмысление всей глубины содеянного и осознание вины нациями, сопричастными к человеческой трагедии XX века. Скромный долг историка перед соплеменниками, а не только перед собственной нацией, долг перед своим веком и самим собой – честно разобраться во всем, что произошло и происходит вокруг него в мире. Это касается особенно историков Восточной, Средней и Юго-Восточной (Балканы) Европы, где нет нации, сохранившей иммунитет к болезни века.

Пока, насколько мне известно, в мировой исторической науке анатомией эгоизма своей нации всерьез занимались одни только немцы (не восточные, конечно). Тотальным пересмотром германской истории, прежде всего национал-социалистического периода, но также эпохи Отто фон Бисмарка и Вильгельма II, уже в 50-х годах западногерманские историки (честь им и хвала!) сумели расщелкаться с национализмом и даже сдали в архив свой пресловутый историзм, который прямо или косвенно способствовал расцвету националистической идеологии в Германии. Однако почти до самого

последнего времени они тщательно избегали касаться таких сюжетов, как национальная идея, германская идея и т. п., а само понятие «нация» уступило свое место в словаре германской исторической науки термину «общество». Весь круг вопросов, связанных с нацией, в Германии находился как бы под запретом; по справедливому замечанию видного венгерского публициста, «нация не была нормальным словом, нормальным словом было общество»¹.

Из всех исторических школ ареала Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы в условиях социализма ближе всех к самокритичной ревизии своего прошлого подошла венгерская. И то лишь на сравнительно короткий срок, в 60–70-х годах. Однако полемика по проблемам национализма в венгерской истории, а также националистических воззрений в историографии, развернувшаяся на исходе 50-х годов по инициативе академика Эрика Молнара, выдохлась к концу 70-х и, как это часто бывает с дискуссиями историков и в нашей стране, так и осталась незавершенной. Такая же судьба постигла другую, небольшую по масштабам и глубине охвата проблемы, дискуссию – по фашизму. Обе они были внутренне теснейшим образом взаимосвязаны, и вторая, в сущности, стала естественным продолжением первой. Значение этих научных обсуждений переросло венгерские рамки, поскольку они так или иначе косвенно, а во многих случаях и прямо касались соседних стран, ибо «мадьярской истории» как таковой, изолированной от истории словаков, хорватов, румын и других народов Средней Европы, не существует. Более того, до 1920 г. венгерская история – это история многонациональной Венгрии, в составе которой эти и некоторые другие народы жили и развивались на протяжении столетий. Точно так же прошлое ряда современных государств, исторических областей и территорий (Словакии, Хорватии, Воеводины, Трансильвании, Закарпатской Украины, австрийского Бургенланда) нельзя изучать, не учитывая их связи с венгерской историей, а последнюю – вне контекста австрийской истории, безотносительно к истории империи Габсбургов, в составе которой Венгрия находилась в 1526–1918 гг. В ходе дискуссии стало очевидно, что венгерский национализм может быть понят, осознан и освещен не на собственной основе, исходя только из саморазвития венгерской национальной идеи, а лишь с учетом всей совокупности его связей с конкурирующими национализмами со-

седних народов, в их взаимодействии и взаимовлиянии, как негативном, так и позитивном, и, разумеется, в их конфликтах друг с другом и столкновениях между собой.

Международное значение венгерской дискуссии по национализму состояло также в том, что впервые открытой и публичной критике была подвергнута не только старая Национальная историография, что было в порядке вещей, но и официальная, марксистская. Была она по самой болезненной точке – деформированному, во многом из-за идеологического воздействия авторитарных и тоталитарных режимов довоенного и послевоенного образца, национальному сознанию. Однако инициатива венгерских историков не нашла последователей в соседних странах, несмотря на то, что к некоторым из них она имела прямое отношение. Ее попросту проигнорировала и «самая передовая» национальная школа марксистской историографии – советская. В ряде случаев в соседних странах венгерской дискуссией некорректно воспользовались лишь для того, чтобы указать пальцем на национализм мадьяр: вот, мол, истинный виновник злоключений народов региона. На несколько раздраженную реакцию Будапешта: «Пусть каждый подметает у собственного порога!», соседи не реагировали. Желающих заниматься критическим рассмотрением явлений национализма в собственной истории и историографии не нашлось.

Наша современная постсоветская историография в достаточной степени критична и самокритична, и готова удариться даже в самобичевание, когда затрагивает многие явления нашего недавнего советского прошлого, например сталинизм, материалистическое понимание истории, марксизм (с ленинизмом и даже без ленинизма) и т. д. Но для развернутой критики национализма с обязательной самокритикой она пока еще не созрела, несмотря на вроде бы обретенную в результате краха старого режима свободу творчества. Наоборот, получив свободу, избавившись от опеки всемогущего Главлита, бдительнейшей из всех существовавших в истории цензур, иные из историков, похоже, скорее, готовы повернуть от марксизма к национализму, прикрываемому такими понятиями-лозунгами, как «державность», «славянское единство», «славизм», «всеславянство», «славянская идея», «русская идея» и пр. и пр., лозунгами столь же популярными сейчас, сколь иллюзорными и бессодержательными, если, конечно, не считать достойным внимания «содержанием» са-

моизоляцию от окружающего мира в лучшем случае, а в худшем – порождающее агрессию стремление к господству в нем. Для полноты картины пока не хватает лишь двух других словечек из известной формулы графа С.С. Уварова, министра народного просвещения России в эпоху Николая I – «народности» и, конечно же, «православия». Последнее, впрочем, судя по намечающейся в настоящее время тенденции общественного развития, когда ярые атеисты внезапно и подчеркнуто демонстративно превращаются в испуганно верующих христиан, имеет неплохие шансы стать одной из составляющих новой государственной идеологии. Иными словами, мы стали свидетелями поразительного по своей алогичности, неестественности и антиисторичности явления, находящегося в явном противоречии с фундаментальным положением европейского Просвещения и либерализма вообще об «отделении государства от церкви». Забыли как будто, что просвещение Европы и просветление ее начинались с потрясающего по силе воздействия страстного призыва фернейского старца «Раздавите гадину!».

Любая власть, если она бездуховна, если она ощущает свою неполноценность, обязательно ищет опору в массах, прибегая к помощи национальной идеи или религии (и, обязательно, церкви!), либо к комбинации обоих видов идеологий.

Вот и нашлась замена отвергнутому ныне по идеологическим соображениям интернационализму. Не надо быть глубоким знатоком всемирной истории, чтобы понять: от идеологии национализма ведет прямая дорога к какому-нибудь варианту авторитарного правления. Национализм в сущности антинационален, поскольку, прикрываясь так называемыми «национальными интересами», он ориентирует нацию на достижение ложных целей, отвращает ее от созидания и творчества, отравляет общество духом милитаризма и шовинизма и в конце концов неизбежно приводит эту самую «избранную Богом нацию» к национальной катастрофе. Верная дорога к ней – тоталитарная организация общества, власть концентрированная и бесконтрольная.

«Национализм, наконец, – пишет выдающийся австрийский историк Рихард Георг Плашка, вдумчивый и оригинально мыслящий исследователь проблем нации, – часто был движущим элементом авторитарных или тоталитарных режимов XX века, и не в послед-

ную очередь, фашизма и национал-социализма»². Станным образом не замечают всего этого, – как знать, может быть кое-кто и сознательно – не только наши российские историки, но и их собратья по ремеслу в бывших соцстранах, располагающие богатейшим по этой части печальным опытом истории как собственной нации, так и соседей. Удивительное дело: лагерь распался, и участники Восточного блока разошлись в разные стороны, но по отношению к феномену национализма во всех этих странах без исключения наблюдается поразительное единодушие и даже некое однообразие. Складывается впечатление, что националистическая идеология поощряется преднамеренно, причем не только заинтересованными в разжигании иррациональных страстей и в манипулировании массами политическими группами, партиями, государственным аппаратом, но и, что хуже всего, обществом в целом. Если общество готово терпеть и принять национализм, то оно также готово терпеть и принять авторитаризм, обещающий возродить мнимое былое величие нации. Всюду, в Восточной, Юго-Восточной и Средней Европе, поднимает голову национализм. Публично. Открыто. Легально и легитимно!

При всей очевидной общности генезиса националистической идеологии и ряда ее основополагающих принципов, она вовсе не лишена национального своеобразия и специфических черт, свойственных только данной стране. Всего ярче и рельефнее эти черты проявляются в сфере политической культуры и на бытовом уровне: антимадьярский национализм, практикуемый в Румынии или Словакии, так же как и антитурецкий, антиисламский национализм в агонизировавшей социалистической Болгарии перед самым ее падением, изощренно изобретательный, упражнявшийся в придумывании и навязывании в насильственно-административном порядке славянских имен туркам, не сравнить с рафинированным, достаточно упорным антинемецким национализмом части чешского общества, или же с «цивилизованным» венгерским национализмом с традиционной для него антиславянской направленностью (исключение по традиции делалось для поляков, которые в число его объектов не входили). И уж нечего говорить о бывшей Югославии, где механизмы функционирования целого ряда национализмов и некоторые детали техники исполнения по своим зверствам и жестокостям вызывают в

памяти характерные черты балканского культурного наследия времен османского средневекового владычества в этом регионе.

Создается впечатление, что приглушавшиеся сорокалетним господством блоковой дисциплины и лагерной солидарности, сдерживаемые железной рукой московского «старшего брата» восточноевропейские национализмы переживают нынче вторую молодость³. Москва не разжигала националистические настроения в странах-сателлитах не только потому, что правила игры в пролетарский интернационализм и провозглашенный постулат «нерушимой дружбы и сплоченности народов социалистических стран» не позволяли делать это, но и по более прагматической причине. Она разумно полагала, что подобные настроения в конце концов легко могут трансформироваться в антисоветский и антирусский национализм.

В этой связи заслуживает внимания один эпизод из истории Коминформа. В 1949 г., в разгар советско-югославского конфликта, Матьяш Ракоши («лучший венгерский ученик товарища Сталина», как его величала венгерская партийная пропаганда, а на деле, судя по документам, ставшим ныне достоянием историков, первейший среди коммунистических вождей доносчик и интриган международного масштаба) предложил Секретариату Коминформа поддерживать на страницах его печатного органа «За прочный мир, за народную демократию!» националистические настроения в отдельных частях Югославии, освещать положение национальных меньшинств⁴. Сталин, однако, то ли по своей природной осторожности, то ли потому, что был лучше информирован о боевом настроении народов Югославии, сплотившихся вокруг строптивого маршала в минуту угрозы с севера, не пошел на опасную игру с подстрекательством национализма.

В то же время Москва не поощряла и попыток чересчур тесного сближения своих вассалов между собой. С какой жесткостью, если не сказать грубостью, она пресекала все попытки установления в лагере неконтролируемых советскими органами горизонтальных связей. Из новейшей нашей литературы хорошо известно, как в 1948 г. Кремль своим вмешательством в самый последний момент сорвал подписание Й. Броз Тито и Георгием Димитровым документа об образовании федерации между Югославией и Болгарией, задуманной как первый шаг к созданию Балканской федерации⁵. Немного ранее Сталин не дал хода инициативе румынского премьера

Петру Гроза о создании между Румынией и Венгрией таможенной унии с перспективой превращения ее в будущем в румыно-венгерскую федерацию, само существование которой сбило бы остроту болезненного для обеих стран трансильванского вопроса. Этот интересный эпизод из истории далеко не добрососедского прошлого двух соседних народов остался, к сожалению, вне поля зрения историков. Разумеется, затушевывая межнациональные противоречия в регионе и бдительно следя за тем, чтобы они не вырвались наружу, Москва стремилась соблюсти, в первую очередь, собственные интересы – стратегические, геополитические и пр.⁶ Но известный позитивный смысл в этой политике, несомненно, был, поскольку она не давала простора готовым взорваться националистическим страстям. С другой стороны, постоянное советское присутствие во всех сферах общественной жизни стран-сателлитов, унижающая национальное достоинство необходимость подражать во всем «старшему брату» и при этом восхвалять его, преобразовали традиционный национализм в этих странах в незаметный для внешнего мира, тихий антисоветский национализм с явно выраженным антирусским оттенком, последствия которого ощущает на себе и сегодняшняя некоммунистическая Россия. И неизвестно, как долго он еще будет стоять стеной между нами и теми народами, которых советские солдаты избавили от фашизма в 1945 г. Так великая освободительная миссия народов СССР в Восточной Европе постепенно, а с 1948 г. все более открыто и форсированно, деформировалась в типичный империалистический гегемонизм, превратившись тем самым в свою противоположность.

Та же отмеченная выше тенденция постоянного подчеркивания приоритета блоковой солидарности и пролетарского интернационализма осуществлялась и при эпигонах Сталина, хотя гораздо менее последовательно, с неуклонно убывавшей эффективностью. Поэтому искусственно сдерживавшиеся советской мощью противоречивые национальные интересы государств соцсодружества готовы были вырваться из-под спуда по крайней мере уже на рубеже 70–80-х годов. Что и последовало незамедлительно после крушения социализма в Европе.

Но, пожалуй, самый поразительный феномен в нынешней средневропейской ситуации – это эксцессы явно расистского толка, происходящие время от времени в восточных провинциях федера-

тивной Германии, и напоминающие о недавнем фашистском прошлом этой страны. Удивления достойно то, что социальную базу вспышек коричневой чумы составляют поколения, выросшие при социализме, прошедшие школу гэдзэровских пионерии, комсомола, СЕПГ и прочих полумилитаристских организаций эпохи Ульбрихта–Хонеккера, т. е. воспитанные в духе «беззаветной любви» к пролетарскому интернационализму и ненависти к национал-социализму, расизму, шовинизму и т. д. Говорит ли все это в пользу теоретической возможности замены в одно историческое мгновение тоталитаризма одного цвета (в данном случае красного) тоталитаризмом другого, коричневого цвета? Не знаю. Судить об этом еще рано. Но ждать осталось недолго. Ответ даст, вероятно, уже первое десятилетие XXI в.

Отмечу лишь некоторое необъяснимо странное, возможно, чисто случайное или внешнее сходство отдельных черт общественного развития у нас и в ГДР. Там, в Восточной Германии, функционерами СЕПГ при социализме стали многие бывшие воспитанники «Гитлерюгенда» и NSDAP, у нас, в нынешней быстро капитализирующейся России, политическая элита почти сплошь рекрутируется из бывших воспитанников ВЛКСМ и КПСС, а финансово-индустриальная – из партийно-хозяйственной номенклатуры всесоюзного, республиканского, областного уровня. На этом социальном фоне и происходит произвольное, на мой взгляд, стирание различий между фашизмом и коммунизмом. Причем некоторые, кичащиеся своим антикоммунизмом публицисты и ораторы (как правило, из бывших правоверных коммунистов), идут еще дальше, сознательно подтасовывая очевидные факты, переносят преступления и недостатки так называемого «реального социализма» на коммунистическое учение, одно из крупнейших завоеваний европейской теоретической мысли прошлого века. Вместе с восточноевропейским социализмом гильотинируется марксизм⁷.

Нарочитое и явно спекулятивное отождествление коммунизма с фашизмом, выраженное в пропагандистской формуле о «красно-коричневой» угрозе, не только способно провоцировать дальнейшую нетерпимость и взаимную ненависть, но неверно в принципе. Ведь в основе идейного багажа искаженного сталинизмом коммунизма лежат мечты многих поколений о справедливом обществе и благоденствии: от социального идеала раннего христианства до про-

ектов общественного переустройства Мабли, Фурье, Сен-Симона, Бабёфа и других социалистов-утопистов и коммунистов XIX в. Словом, за коммунизмом стоят идеалы свободы, равенства, братства. А что же за фашизмом, какие идеи стоят за ним? Человеконенавистничество. Голое насилие. Людоедство. Господство одной, «избранной» нации над всеми другими. Откровенный расизм и антисемитизм⁸.

При всем сходстве некоторых черт, свойственных обоим вариантам тоталитаризма, четко классифицированных Бжезинским и оригинально прокомментированных Раймоном Ароном⁹, я не вижу тем не менее достаточных оснований для того, чтобы разделить позицию тех, кто в духе Оруэлла полностью отождествляет сталинизм с гитлеризмом. Точно так же не могу согласиться с точкой зрения глубоко мною уважаемого венгерского литературоведа Ласло Иллеша, который вслед за крупнейшим германским писателем Гюнтером Грассом утверждает: «За обеими уничтожившими демократию, следовательно, контрреволюционными формациями стоял хотя и находившийся на различных стадиях развития, но по сути один и тот же экономический строй в своем частнокапиталистическом и государственно-капиталистическом варианте»¹⁰.

В самом деле, в дискуссии вокруг тоталитаризма кардинальнейшим является вопрос о тождественности экономического строя фашистских и социалистических режимов. Некоторые критики сталинизма утверждают, что в СССР в результате запоздалого и ускоренного (форсированного) процесса первоначального накопления капитала сложился уродливый госкапитализм, прикрывавший свою подлинную сущность социалистической фразой¹¹. Насчет «уродливости», пожалуй, можно согласиться, но только имея в виду уродливую деформацию нормального экономического роста. Однако с госкапитализмом, как мне представляется, дело обстоит несколько иначе. Тот строй, который господствовал у нас, на одной шестой части суши, можно назвать как угодно, только не госкапитализмом, ибо капитализма в нашей экономике не было даже в виде отдельного островка или сектора. Оттого и не действовали в Советском Союзе законы капиталистической экономики. В лучшем случае, сфера их действия была чрезвычайно ограничена, и как показал И.В. Сталин в своем последнем «нетленном» труде об экономических проблемах социализма в СССР, в экономике страны закон стоимости действовал в преобразованном виде, будучи подчинен общим закономер-

стям социализма (можно было бы сказать иначе: государственного монополизма, подчиненного воле партии и ее вождя, непререкаемого авторитета во всех науках). Это фундаментальное различие в экономическом строе и государственном устройстве двух систем, представленных гитлеровской Германией и Советским Союзом, «критики социализма справа», на которых ссылается Л. Иллеш, полностью игнорируют, когда провозглашают их тождественность. Ближе к истине, видимо, все-таки Тамаш Краус, выдающийся венгерский знаток троцкизма, сталинизма и некоторых других темных явлений недавнего нашего прошлого. В своих монографических работах и многочисленных статьях он акцентирует некапиталистический характер советского строя и ищет его генетические корни в глубинных пластах так называемого русского менталитета (хорошо еще, что не «русской души», излюбленного предмета глубокомысленных рассуждений западных советологов), а также в особенностях исторической эволюции России. В публикуемой в настоящем сборнике статье Краус широко пользуется термином «сталинизм», хотя и понимает его ненаучность. Пытаясь дать более научное определение этого феномена, Краус прибегает к понятию «государственный социализм», причем последний неизбежно национально окрашен, ибо речь идет не о какой-то отвлеченной социологической категории, а о чисто русском явлении, уходящем своими корнями в специфически российскую историческую и культурную традицию. Самодержавие, община, отсутствие органического процесса становления буржуазии являются, по мнению автора, составляющими этой традиции. Государственный капитализм Краус усматривает лишь в нэпе. Но это был, по-моему, во-первых, лишь весьма кратковременный эпизод советской истории, а во-вторых, новая экономическая политика стала сворачиваться уже при Ленине, а Сталин добил ее окончательно. Потому правомерно говорить лишь о быстро засохших ростках госкапитализма в Советской России.

Сталинизм с гитлеризмом роднит, на мой взгляд, прежде всего высочайшая степень тотальности контроля над обществом, не достигнутая ни одной из типологически близких к ним систем власти. При этом надо иметь в виду, что ни там, ни здесь тотальность в смысле всеобщности охвата контролем всех ячеек общества и подчинения их государству в лице партии власти, не была столь всеобщей, как иногда принято считать. Я согласен с философом

А.А. Кара-Мурзой в том, что, строго говоря, «тоталитаризм – это в первую очередь тенденция, это движение в точку тоталитаризма. Но достигнув этой точки, режим стагнирует»¹². Правда, если быть совершенно точным, стагнировать он начинает с момента своего зарождения. Важно, однако, то, что абсолютная тоталитаризация общества, человеческих взаимоотношений, абсолютное подчинение индивидуума так называемому «коллективу», а на самом деле воле какой-либо группы меньшинства, ни в каком обществе практически невозможны – можно привести тьму примеров этого.

Все же в своем стремлении достигнуть подобного состояния «красный коммунизм» И.В. Сталина преуспел, вне всякого сомнения, больше, чем коричневый фашизм Гитлера и Геббельса, хотя бы потому, что первому и времени было отпущено историей на несколько десятилетий больше. Тем не менее необычайно быстрый и тотальный крах русско-советского социализма (причем крах по всем статьям) показал, что громадный пропагандистский аппарат КПСС работал в значительной мере вхолостую. Ему так и не удалось окончательно искоренить традиционные ценности, нормы поведения и модели общения из сознания основной массы населения СССР. Не удалось и глубоко внедрить «социалистическую по содержанию и национальную по форме» новую советскую культуру – особенно в неподатливых для инноваций мусульманских обществах Союза. Не удалось при том, что в этих обществах было применено такое мощное средство культурной ассимиляции, как русификация алфавита путем насильственного навязывания тюркоязычным и мусульманским народам несовместимой с особенностями строя их языков кириллицы. В результате подобной национально-культурной политики целые поколения этих народов, выросшие при советской власти, может быть, кое-что узнали о Пушкине, Горьком и Маяковском как «лучшем поэте советской эпохи», но ничего или почти ничего о Фирдоуси, Омаре Хайяме, Саади, Низами и Навои. Искусственно оторванные от своих традиционных культурных корней – цивилизации Востока – они так и не сумели полноценно адаптироваться к европейской цивилизации даже в русском ее переложении.

Правда, советская власть совершила свою культурную революцию, ликвидировав с помощью обязательного всеобщего начального образования массовую, почти стопроцентную, неграмотность. Но это поистине великое благодеяние было сведено на нет практически

поголовным уничтожением в 30-е годы, во время великих сталинских чисток, под предлогом борьбы с панисламизмом и пантюркизмом, национальной интеллигенции, в значительной своей части выращенной той же самой советской властью. Неутешительными оказались результаты большевистского культуртрегерства и среди русских, более восприимчивых к новым коммунистическим идеалам советского патриотизма. В подтверждение точки зрения о неудаче большевистского эксперимента по сотворению нового советского человека приведу один пример, убедительно показывающий, что в действительности скрывалось за трескучими фразами партийной пропаганды о морально-политическом единстве советского народа.

В 1944 г. в Нью-Йорке вышла в свет довольно объемистая книга под названием «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939»¹³. Ее автором был русский писатель-эмигрант В.М. Зензинов. В ней речь шла о трагической и в то же время позорной войне великого Советского Союза против маленькой Финляндии, подвергшейся неспровоцированному нападению большого соседа. Известно, каких тяжелых потерь стоил нам прорыв линии Маннергейма. На заснеженных полях Карельского перешейка полегли десятки тысяч советских людей – жертвы упрямства, преступной самоуверенности и бездарности военного и политического руководства СССР*.

В карманах погибших красноармейцев были обнаружены письма их родных и близких из тыла – аутентичные документы,

* Оценка автором статьи неоднозначных исторических последствий «финской кампании» 1939–1940 гг. не во всем совпадает с мнением другого редактора-составителя сборника, полагающего, что объявление войны Финляндии Советским Союзом, при всей спорности установленных в Версале советско-финляндских границ, явно незаконное с точки зрения норм международного права, было продиктовано в первую очередь соображениями безопасности СССР в условиях уже начавшейся второй мировой войны. На наш взгляд, есть некоторые основания считать, что без военно-стратегических преимуществ, приобретенных Красной Армией, к сожалению, непростительно дорогой ценой, в результате захвата территорий, принадлежавших Финляндии, в 1941–1942 гг. произошло бы неминуемое падение Ленинграда, которое стоило бы советскому народу не меньших жертв и могло бы иметь самые катастрофические последствия для исхода войны в целом.

позволяющие с достаточной степенью достоверности судить о царивших в стране в то время настроениях. Отобранные автором для исследования 542 письма, главным образом колхозников (80–90%), дали основание для двух важных выводов. Во-первых, о слабой результативности широкомасштабной антицерковной и антирелигиозной пропаганды, проводившейся партией и государством с особой интенсивностью, рвением и жестокостью как раз в период между двумя мировыми войнами. И во-вторых, об отсутствии в этих письмах признаков поклонения Сталину, Коммунистической партии, социализму, что начисто опровергает широко распространенное во время Великой Отечественной войны представление о том, что бойцы Красной Армии поднимались якобы в атаку с именем вождя, под крики «Ура! За Родину, за Сталина!». Автор рецензии на монографию Зензинова А.И. Еремин, комментируя вышеприведенные выводы, пишет: «Это говорит о пределах проникновения *тоталитаризма* (курсив мой. – И.Т.) в духовный мир советского человека»¹⁴. И он прав в этом своем умозаключении, подтверждаемом множеством других свидетельств и источников.

* * *

Интересующая нас проблематика имеет также континентально-региональную специфику, и без соотнесения с ней невозможно до конца осмыслить исторические процессы, ареной которых стали отдельные страны Восточной, Средней и Юго-Восточной Европы. Прежде всего несколько слов о Европе, колыбели современной научно-технической цивилизации и в то же время эпицентре неслыханных злодеяний. О Европе, ставшей, по крайней мере, с XV–XVI вв. центром мирового прогресса, откуда по всему миру распространялись новые производственные технологии, передовые идеи в области философии, самые главные открытия в сфере искусств. Благодаря своей духовной открытости европейская цивилизация через Возрождение и Гуманизм сделала достоянием всего культурного человечества высочайшие достижения античного мира. Веками наш континент «тащил» за собой и Америку, и Азию, и Африку. Но он же «одарил» мир двумя поистине сверхъестественными, глобально-го характера катастрофами – первой и второй мировыми войнами

(можно надеяться, что в оставшееся до конца века время он не успеет сотворить третьей).

Сейчас трудно еще сказать, каким будет общий баланс уходящего столетия, что перевесит на безошибочных весах истории: невиданный ли прогресс во всех областях человеческой деятельности, гигантский ли рост производства, науки, техники, технологии, либо немислимые, фантастические масштабы невозвратных потерь – не только материальных ценностей, но и жизней?

Наш XX век войдет в историю как век мировых войн, первая из которых породила, пусть в зародыше, концлагеря, орудия массового уничтожения, другие формы ведения тотальной бойни, которые пышным цветом распустились во время и после второй мировой войны.

Оба военных конфликта начались в Европе. В 1914–1918 гг. вне войны остались Япония и ряд латиноамериканских и азиатских стран, вторая стала тотальной, охватив весь мир. Она превзошла и первую и все предыдущие войны по всем статьям, установив рекорды по числу уничтоженных человеческих жизней и материальных благ. Но заметим: все несчастья XX столетия начались с первой мировой, которую историк, писатель и публицист Голо Манн назвал «матерью катастроф века», т. е. родоначальницей века что ли?

Наш ареал, именуемый в отечественной историографии Центральной и Юго-Восточной Европой и образуемый тремя самостоятельными историко-географическими регионами – восточноевропейским (Россия, Украина, Белоруссия), юго-восточноевропейским (балканским) и средневропейским, к обеим войнам причастен, и причем довольно основательно. Первой, как известно, предшествовали двойное убийство в июне 1914 г. сербским националистом в боснийской столице Сараево австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда и его ни в чем не повинной супруги графини Хотек. Рассматриваемый ареал причастен и к возникновению второй мировой войны, официальным началом которой считается, как известно, нападение на Польшу гитлеровской Германии, к которой через две недели присоединился сталинский Советский Союз.

Сараевские выстрелы и последовавший за ними сараевский июльский кризис положили начало гигантской по масштабам цеп-

ной реакции охвативших весь мир военных, социальных, революционных потрясений продолжительностью почти в целый век. Есть немало оснований считать 1914 год началом XX в. (ведь недаром же в 20–30-х годах первую мировую нередко называли Великой войной), а 1989 год, устранивший угрозу ядерно-ракетного самоуничтожения, будем надеяться, навсегда, – считать его концом.

Необходимо также иметь в виду, что война, поводом к которой послужили выстрелы сербского террориста в июне 1914 г., не закончилась, как гласит официальная историография, в 1918 г., и Версаль надо считать не миром, а перемирием, передышкой перед возобновлением схватки. А для Советской России и кемалистской Турции, подвергшейся греческой агрессии, она кончилась лишь в 1922–1923 гг. Начиная с середины 30-х годов, один за другим вспыхнули новые очаги вооруженных конфликтов – в Абиссинии, Испании, и, наконец, в 1937 г. произошло японское вторжение в Китай, которое фактически и стало началом того, что мы называем второй мировой войной. Не прошло и двух лет, как с нападением Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 г. пожар охватил и Европейский континент. То есть между окончанием первой и началом второй мировой войны не было даже 15-летней мирной паузы.

Точно так же после формального завершения второй мировой войны капитуляцией Германии и Японии в 1945 г. совсем без передышки началась гражданская война в Китае, за которой последовали войны в Корее и Вьетнаме, десятилетняя афганская экспедиция маршала Брежнева плюс бесконечная серия кровавых африканских войн – и все это как бы в насмешку над собой мы называем «послевоенной эпохой»!!! А главное: весь мир плавно вошел в эру «холодной войны», стоившей человечеству гигантского напряжения ресурсов, усилий, бесполезной траты нервной энергии, умственного потенциала.

Вот почему есть основания утверждать, что начатая в 1914 г. война, пройдя несколько этапов, закончилась лишь с ликвидацией раздела мира на два враждебных лагеря, завершением «холодной войны» и тихим самороспуском Варшавского пакта, СЭВа и прочих общих учреждений европейского соцсодружества, т.е. на рубеже 80–90-х годов. По существу, послевоенная эпоха только-только начинается, да и то уже имеет в своем «активе» военные конфликты в

Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине и в нашей крошечной Чечне, где Россия воюет как бы сама с собой, ибо Чечня согласно российской конституции есть Россия и ничего более.

Первая мировая война, ее последствия породили первые в истории человечества тоталитарные диктатуры в Европе – соблюдая хронологию: в Советской России, в хортистской Венгрии, в Италии, позже в Германии. Что их объединяло? Недовольство Версальской системой, возмущение побежденных и морально униженных произвольной перекройкой карты Европы под лицемерным лозунгом права наций на самоопределение, отчаянное материальное положение масс, многократно усугубленное на рубеже 20–30-х годов первым глобальным кризисом капиталистической экономики. Оба архетипа тоталитарной диктатуры произросли, таким образом, из одного корня, явились порождением одной цивилизационно-исторической эпохи. Фашистская разновидность тоталитаризма, как уже упоминалось, в известном смысле явилась реакцией на большевизм и учитывала его исторический опыт. Касаясь внутренней взаимосвязи двух разновидностей тоталитарных диктатур, известный чешский «инакомыслящий» демократ Хайек, идет, как мне кажется, несколько дальше, чем диктуется сутью исследуемых явлений, утверждая, что нацизм и фашизм были «не реакцией на социалистические тенденции предшествующего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций»¹⁵. Подобная трактовка фашизма представляется неправомерной по той простой причине, что национал-социализм образца Гитлера ничего общего кроме методов осуществления своей власти с социализмом даже в его сталинском издании не имел.

Строго говоря, вторая мировая война во всемирно-историческом масштабе явилась простым продолжением (после незначительного по историческим меркам перерыва) первой войны, порождением которой она стала. В роли зачинщиков во всех случаях выступали тоталитарные режимы – итало-фашистский, германо-нацистский и милитаристско-японский.

Косвенным участником положивших начало второй мировой войне акций еще до рокового для нас 22 июня 1941 г. волей Сталина стал Советский Союз, который, опираясь на поддержку одной из воюющих стран, а именно нацистской Германии, своего идеологического антипода, ввел свои войска в 1939–1941 гг. в Польшу, При-

балтику, Бессарабию, совершил вооруженную агрессию против Финляндии. Неважно, какими мотивами руководствовалась при этом сталинская верхушка и насколько справедливы были с исторической, этнической, геополитической и стратегической точек зрения эти захваты. Существенно то обстоятельство, что насилие, агрессия, язык диктата, угроз и грубых ультиматумов в отношении соседних малых стран, сделались инструментом политики первого в мире социалистического государства, провозгласившего себя «отечеством трудящихся всего мира» и начертавшего на своем знамени лозунг борьбы за сохранение мира во всем мире.

То, что ни Гитлер, ни Сталин не смогли договориться с западными демократиями, – хотя такие попытки, как известно, предпринимались до самого рокового сентября 1939 г. – и в то же время очень быстро нашли общий язык друг с другом, невозможно исчерпывающе объяснить лишь тактическими соображениями. Определенную роль в этом сыграло, по-видимому, известное сходство некоторых существенных черт двух режимов, по сути своей, я глубоко убежден, принципиально отличавшихся друг от друга, если иметь в виду коренную противоположность социальных, экономических и мировоззренческих основ общественного устройства гитлеровской Германии и СССР, а также и непримиримую несовместимость империалистических интересов и устремлений этих двух великих держав на Балканах, в Восточной Европе, на Ближнем Востоке. Нельзя вместе с тем игнорировать и напрашивающуюся аналогию в средствах и методах осуществления поставленных целей, как и психологический феномен взаимоотношений двух диктаторов, двух несомненно сильных личностей, которые характеризовались одновременно как отталкиванием, так и неизъяснимым взаимным притяжением. Иначе ни понять, ни объяснить, зачем понадобилось генералиссимусу, победителю Гитлера, хранить в кремлевском сейфе череп своего поверженного противника?

Война и фашизм близнецы-братья, утверждала когда-то наша пропаганда, перефразируя известные слова Маяковского о Ленине и партии. И это было верно, поскольку вторую мировую войну не мы начинали. В свете более позднего исторического опыта следовало бы заменить слово «фашизм» в этой формуле понятиями «тоталитаризм» и «авторитаризм». Будучи порождением войны, тоталитарные режимы любого происхождения и любой окраски с присущим им

милитаристским духом ведут к милитаризации хозяйственной жизни и общества, а в конечном счете к войне. Без войны и насилия – а насилие и репрессивность, как показала в своей классической работе Ханна Арендт¹⁶, суть имманентное свойство тоталитаризма – некоторые авторитарные режимы и дня не могут прожить. Они находятся в состоянии войны постоянно: либо, что лучше всего и удобнее, с врагом «наследственным», национальным, с которым данная нация имеет старые счеты, либо, если нет под рукой внешнего врага, то на худой конец, с врагом внутренним, чаще всего выдуманым, искусственно создаваемым. В нашей многострадальной стране борьба велась постоянно – сначала с классовым врагом, с кулачем, недобитыми буржуями, одним словом, с классово чуждым элементом, чуть позднее – с троцкизмом и всевозможными лево-правыми уклонами в собственных рядах правящей коммунистической партии. В Германии главным внутренним врагом был иудео-большевизм. Одновременно шла подготовка к внешней войне. Предлог для нее всегда можно найти: защита «национальных» интересов, которые неизменно «справедливы» (как будто у других они менее справедливы), потенциальная угроза со стороны вероятного противника и т.д.

Хотя до сих пор в этих заметках речь шла в основном о тоталитарных режимах, совокупный исторический опыт нашего обширного ареала показывает некоторую непригодность самого термина «тоталитаризм» для характеристики недемократической модели организации общества и государства. Прежде всего в силу неадекватности отражения им всего многообразия исторической действительности. Неадекватен же он потому, что неразборчивое, недостаточно нюансированное его применение не учитывает существенных различий между недемократическими режимами, установившимися в 20–80-х годах в подавляющем большинстве стран региона, за исключением Чехословакии в межвоенный период. Вероятнее всего, более подходящим представляется термин «авторитарный режим». Несмотря на известную расплывчатость, он все же способен, на наш взгляд, отразить весь широкий спектр принципиально различных фашистских и социалистическо-коммунистических режимов от национал-социализма немецкого образца, фашизма Муссолини, а также сталинского социализма до брежневского «развитого», а по существу, застойного, выродившегося социализма. Режимы Тито в Югославии, Кадара в Венгрии чисто тоталитарными не назовешь¹⁷.

И даже советская власть довоенного периода имеет по меньшей мере два ясно различимых этапа – до 1929 г. и после. Точно так же ошутимы принципиальные различия между ракошизмом и кадаризмом в Венгрии, хотя в обоих случаях речь идет о коммунистической диктатуре. Перечень можно продолжать... Тоталитаризм так же опасен и заразителен, как и любая доктрина, доведенная до абсурда, особенно, если она становится господствующей идеологией и единолично, монопольно владеет властью. Он представляет собой скорее состояние того или иного государства-общества, когда общество поглощается государством, которое уже перестает быть представителем политических интересов более или менее крупных социальных групп. Коммунистическим диктатурам удается сохранить видимость представительства большинства, либо значительной части общества, дольше, чем фашистским.

Главный вопрос: являются ли две основные разновидности тоталитаризма, т.е. коммунистическая и фашистская, феноменами одного порядка, или их надобно считать принципиально разными общественно-политическими системами? Авторитаризм и тоталитаризм – понятия родственные, но далеко не тождественные. Знаменитый Франсуа Фюре, большой знаток проблемы и оригинальный мыслитель, в своей нашумевшей и буквально взбудоражившей французских интеллектуалов книге «Прошлое одной иллюзии. Эссе о коммунистической идее XX века» дал превосходный и остроумный анализ двух разновидностей тоталитаризма. Постоянно сопоставляя их, Фюре глубоко и действительно всесторонне исследует качественные различия между коммунизмом и фашизмом в их генезисе, идейных истоках, теоретических предпосылках и политической практике. И при всем жестко критическом подходе автора к коммунизму в книге нет никакой заданности, нет демонстрируемого нынешней российской демократической элитой априорного осуждения коммунизма как такового – ни марковского, ни домарковского, ни даже ленинско-большевистского. Хотя и коммунизм, и фашизм в его глазах одинаково тоталитарны. Более того, фашизм, полагает Фюре, есть, собственно говоря, реакция на коммунизм, реакция антикоммунистическая, и ссылается при этом на конкретный пример Баварии, где вслед за Венгрией была на пару месяцев установлена Советская власть. Утверждение, с моей точки зрения, малоубедительное хотя бы потому, что Баварская Советская республика – явление

для Германии локальное, провинциальное, незначительный эпизод. Военное поражение, германская ноябрьская революция, Версаль и экономический крах – таковы, на мой взгляд, главные «возбудители» коричневой чумы. Но Фюре, безусловно, прав, когда констатирует: «большевизм и фашизм – дети первой мировой войны»¹⁸. Принципиально отвергая всякое тоталитарное устройство, Фюре вместе с тем отдает должное универсальности и притягательности коммунизма, ибо, как пишет автор, «большевизм начиная уже с 1914 г. радикально выступал против войны» и, более того, дал соизмеримый с жестокостью этой войны «беспощадный рецепт исцеления» – уничтожение виновников всемирной бойни, т. е. международной буржуазии и империализма.

Касаясь универсальности русской революции, он делает любопытное, не лишенное элемента неожиданности заключение: «Российские события 1917 года, начиная со следующего года, с того момента, как народы Европы вышли из войны, в сущности уже перестали быть русскими событиями. То, что может быть принято в расчет, – это провозглашение русскими мировой революции. Успешный путч, осуществленный в самой отсталой стране Европы коммунистической сектой во главе с решительным лидером стал благодаря конъюнктуре событием, имеющим ценность модели, которая, как в свое время французская революция 1789 г., призвана направлять мировую историю»¹⁹. Фюре признает за коммунизмом не только интеллектуальное превосходство над фашизмом, но (и в этом еще один неожиданный поворот его мысли) даже потенциальную способность, преодолев демократию, достичь «автономии личности», являющейся краеугольным камнем классического либерализма²⁰. Отнюдь не праздное любопытство заставляет многочисленных специалистов в области различных гуманитарных наук и более широкую общественность обращаться к вопросу о природе политического строя и социального облика государств ареала Центральной и Юго-Восточной Европы в недавнем историческом прошлом. Как бы мы ни верили в идею закономерности общественного прогресса, поступательного хода эволюционного процесса и как бы ни были убеждены в превосходстве демократии над диктатурой, мы не можем, не должны и не имеем права полностью исключать даже на рубеже XX и XXI вв. возможность рецидива болезни века. В частно-

сти и в особенности в восточноевропейском ареале. Исторический опыт не стал еще полностью уделом прошлого, отнюдь не все страны избавились от традиций авторитаризма, где-то он вновь возрождается, обретает новое дыхание. Массовый геноцид и «чистки» неугодного населения на территории бывшей Югославии – тому наглядный пример. Никакое государство, как бы его руководители ни клялись в верности демократическим идеалам, не может иметь никаких шансов войти в число культурных наций и стать правовым государством, находясь в состоянии объявленной или необъявленной войны с частью своего населения.

Внимание исследователей существенно больше обращено на изучение анатомии тоталитарно-авторитарных режимов, нежели их генезиса. Между тем история и есть та отрасль знания, которая единственно способна показать динамику процесса фашизации общества, показать его в движении, проследить этапы и раскрыть механизм функционирования, а также предпосылки и условия возникновения авторитарных систем власти.

Я хотел бы избежать глобальных обобщений, хотя наш век предоставляет для этого материал в изобилии, и по этой причине также не считаю желательным пускаться в отвлеченное малопродуктивное теоретизирование насчет и вокруг тоталитаризма. Попробую ограничиться лишь минимумом необходимого. Прибегнув к помощи абстрактных понятий, предельно обобщая исторический опыт нескольких поколений XX в., можно было бы сказать примерно так: война порождает тоталитаризм, а тоталитаризм войну.

Обратимся к началу века. Наибольшие потрясения социальные, политические, морально-психологические – от первой в истории человечества мировой войны испытали (если не считать «полупобедительницы» Италии, оказавшейся среди держав-победительниц, не успев выиграть ни одного сражения, и не удовлетворенной доставшимся ей благодаря победе Антанты плодами) побежденные страны: Россия, Германия и Австро-Венгрия. Во всех потерпевших военное поражение государствах (плюс в Италии, давшей миру первый образец классического фашизма) были установлены авторитарно-тоталитарные режимы с различной степенью тотальности. И все они спустя короткий промежуток времени стали зачинщиками новой мировой войны.

Одна из побежденных в войне стран, Россия, стала родиной величайшей в истории социальной революции, наложившей свой отпечаток на все последующее мировое развитие. Она же одарила человечество социалистическим экспериментом ленинско-большевистского толка. Породившему повсюду надежду и в самом деле многообещающему эксперименту через короткое время суждено было выродиться в деспотический сталинизм, самую совершенную форму тоталитарной диктатуры. Принципиально отличны от русского тоталитаризма системы власти в Италии, Германии, Австрии, другие режимы восточноевропейского региона, сохранившие в почти нетронутом виде старые, основанные на частнокапиталистической собственности порядки. Национал-социализм превзошел все известные нам образцы тоталитарной организации общества (включая, вероятно, и советско-сталинский тип) высочайшей организованностью и эффективностью. Всего каких-нибудь шесть лет понадобилось ему, чтобы оболванить высокоцивилизованную Германию, вооружить ее до зубов самым современным оружием, и еще шесть лет на то, чтобы заставить *das Kulturvolk* приносить словно бессловесное послушное существо неслыханные жертвы во имя мифической цели установления «нового порядка» в Европе.

В сжатом виде исторический путь любого основанного на откровенном насилии и бесправии режима укладывается в формулу: война – тоталитаризм – война. Война, таким образом, порождает тоталитарные режимы, которые, в свою очередь, становятся источником новых войн. Надо внести лишь небольшое уточнение: первое звено трехчленной формулы включает в себя, как правило, и понятие внутренней войны. Характерен классический пример России царской и советской, когда мировая война, в сущности без перерыва, переросла в превосшедшую ее по масштабу опустошений и жертв гражданскую. Своеобразными формами внутренней войны против собственного народа надо считать, видимо, и коллективизацию с раскулачиванием, и великую сталинскую чистку 1937–1938 гг.

Авторитарные режимы Восточной Европы генетически были связаны сначала с гитлеровской Германией, а позднее с социалистическим Советским Союзом. Но фашизоидное по характеру общественно-политическое устройство в регионе возникло задолго до прихода к власти Гитлера в 1933 г. И пальма первенства здесь безуслов-

но за Венгрией, где уже в 1919–1920 гг., вслед за разгромом Венгерской коммуны, воцарился контрреволюционный хортистский режим с типологическими чертами тоталитарных диктатур – «белым террором», унесшим, кстати, гораздо больше жизней, чем предшествовавший ему террор «красный», и антисемитизмом. Тогда же, в 1920 г., в этой стране был принят первый антиеврейский закон, *numerus clausus*, за которым в 30–40-х годах последовали еще три закона, один бесчеловечнее другого, правда, уже под непосредственным жестким давлением Гитлера. Все это, как известно, кончилось депортацией, массовым истреблением сотен тысяч венгерских евреев в газовых камерах Аушвица (Освенцима) и других концлагерей²¹.

Аншлюсу Австрии, автоматически распространившему на эту страну гитлеризм, предшествовал свой доморощенный, рожденный в огне гражданской войны февраля 1934 г., хаймверовский фашизм, официально именованный «сословным государством». По образному выражению Карла Реннера, австрийцы «пережили сначала ... зеленый фашизм, его сменил коричневый», а в настоящее время, добавлял он, «многие кокетничают с красным фашизмом». Слова эти были сказаны престарелым классиком австромарксизма на партийной конференции Австрийской социалистической партии через три месяца после того, как значительные территории его родины и он сам лично были освобождены от нацистской тирании советскими войсками, в августе 1945 года²².

Как видим, использование цветовой гаммы для обозначения различных типов тоталитаризма имеет давнюю традицию, однако соединение двух цветов, коричневого и красного в один, красно-коричневый, спустя полвека после Реннера, есть безусловное открытие российской демократии 90-х годов XX в. В одном Реннер, однако, ошибся. «Красного фашизма» в Австрии не получилось. За десятилетнюю оккупацию Советской Армией Восточной Австрии и четвертой части австрийской столицы продвинуть к власти Коммунистическую партию Австрии при всех прилагаемых усилиях не удалось²³. Наоборот, начиная с конца 1945 г. после первой волны эйфории по поводу освобождения от гитлеровской оккупации военными усилиями СССР, влияние партии в массах стало неуклонно падать, а после заключения Государственного договора 1955 г. и под прямым воздействием событий 1956 г. в Венгрии и «интервенции пяти» в

Чехословакию в 1968 г. она превратилась в не имеющую сколько-нибудь значительного влияния сектантскую группу.

Когда мы говорим о генетической связи возникновения в регионе авторитарных режимов с геополитической ситуацией, то имеем в виду, в первую очередь, гегемонию либо любую иную форму господства одной из двух великих держав, соседних с регионом Средней Европы. Однако эта генетическая связь, без которой необъясним ход и характер общественных процессов ни в одной из стран региона, имеет и некоторые другие аспекты, не получившие должную оценку в современной исторической литературе, в особенности заинтересованных стран. Общественность бывших соцстран за небольшим исключением и с редчайшим единодушием, сначала втихомолку, а затем, после краха лагеря, все более громко и открыто обвиняет во всех бедствиях и несчастьях своих народов почти исключительно (или, по крайней мере, преимущественно) «империю зла» – Советский Союз. Забывая при этом зачастую продумать элементарную хронологическую последовательность событий, приведших к установлению в регионе советской гегемонии, и причинно-следственную связь между той ситуацией, которая сложилась в закабаленной Гитлером Восточной Европе, и тем, что последовало за военным разгромом держав «оси» в 1945 г.

На эту связь недавно обратил внимание венгерский публицист Дьёрдь Конрад. Он призывает своих соотечественников, подводя итоги второй мировой войны и говоря о ее последствиях, думать не только «о невинных жертвах немецкой военной машины»²⁴. Судя по литературе, в настоящее время в Венгрии мало кто вспоминает о действиях венгерской армии на Украине и на Дону, в Хорватии – о кровавых злодеяниях усташей, в Сербии – о преступлениях четников, в Румынии – о «прикличениях» румынского воинства в Одессе или Херсоне, в Словакии – об участии «независимой Республики Словакия» и патера Йозефа Тисо в войне против СССР. Табуированная еще в коммунистические времена, тема представляет собой достаточно редко встречающийся сюжет исторических сочинений и сегодня. Оно и понятно. Есть чего стыдиться. Однако замалчивание малоприятных страниц национального прошлого – не слишком праведный путь к восстановлению гармонии исторической памяти и исторического сознания нации.

Необходимо, чтобы хотя бы историки честно взглянули на прошлое своей нации. Честно – значит объективно, беспристрастно, без оглядки на партийные, национальные, расовые симпатии и антипатии. С благодарностью в душе я прочитал в процитированной статье Д. Конрада обращение, которое, будь услышано теми, кому оно адресовано, могло бы стать шагом в направлении честного переосмысления истории региона: «За гнет, который испытали в послевоенные десятилетия (народы. – *Т.И.*), и за нынешнее далеко не благополучное состояние вся Средняя и Восточная Европа должна быть благодарна также и национал-социалистической Германии. За Сталина мы должны быть благодарны Гитлеру. Для того, чтобы русским иметь юридическое основание для размещения своих войск в наших странах, необходимо было сначала, чтобы другая вооруженная сила закабалила страны и народы, расположенные к востоку от нее (от Германии. – *Т.И.*). Одного оккупанта мог изгнать только другой оккупант»²⁵.

К этому стоило бы, наверное, еще добавить, что правящие классы старой Венгрии во главе с Хорти сделали все от них зависящее, чтобы отдать свою страну на милость Гитлера. По их вине Венгрия сделалась «последним сателлитом» фашистской Германии, а ее территория стала ареной кровопролитнейших сражений на заключительной стадии второй мировой войны. Таким был финал венгерского тоталитаризма фашистского типа – диктатуры гитлеровской креатуры Салаша, отстранившего от власти при помощи немецко-фашистских оккупантов самого Миклоша Хорти, чьим именем был назван господствовавший в стране четверть века авторитарный режим. Тот самый режим, который после относительной квазилиберализации в 1925–1944 гг. и открыл путь в этой средневропейской стране к торжеству тоталитаризма со знаком красной звезды.

Национализм, тоталитаризм, война – таковы главные составляющие последнего века второго тысячелетия от Р.Х.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Konrád Gy.* Se bossz, se megbocsáts // *Kritika.* 1995. № 10. 171.

² *Plaschka R.G.* Nationalismus in Ostmitteleuropa: Begriff und Perspektiven. Wien, 1993. S. 20.

³ Венгерский писатель-публицист Д. Конрад считает, что национализмы держала в узде биполярная блоковая система, с ликвидацией кото-

рой исчезло и это сдерживающее начало. И в таком подходе к вопросу о внешних условиях и предпосылках принудительного интернационализма, несомненно, содержится зерно истины. См.: *Konrád Gy.* Op. cit. 18 l.

⁴ Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 96.

⁵ См.: *Гибрианский Л.Я.* Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995; *Он же.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // «Холодная война»: Новые подходы, новые документы. Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995.

⁶ Иногда подобная «бдительность» Москвы принимала довольно причудливые, если не сказать, гротескные формы. Вот что доносил, например, своему московскому начальству советник Посольства СССР в Венгрии 20 октября 1950 г.: «...венгерская коммунистическая партия в первые годы после освобождения имела целый ряд серьезных ошибок. Эти ошибки в основном сводились к недооценке роли и значения Советского Союза, к боязни (?) распространить правдивую информацию в стране о Советском Союзе, к исканиям каких-то (?) путей строительства социализма, отличных от советского пути. В этот период в партии особенно живуча была националистическая идеология, выражавшаяся в ряде случаев во враждебном отношении к советским представителям в стране, в стремлении нанести ущерб интересам Советского Союза. Руководство партии терпимо относилось к троцкистским и иностранным агентам в рядах партии, а также к носителям буржуазной идеологии в музыке, литературе, изобразительном искусстве, философии и т. д.» См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 22. Д. 243. Л. 72.

⁷ «Судить о Марксе на основе "реального социализма" такой же ляпсус, как судить о Христе на основе инквизиции, крестовых походов, или даже на основе так называемого реального христианства», – пишет современный венгерский публицист. См.: *Kertesz A.* Szellemekek és kísértetek // *Kritika.* 1995. N 6. 19.1.

⁸ Философ А. Бутенко, констатируя известные черты сходства между двумя антагонистическими режимами, в то же время подчеркивает противоположность идейных установок советских людей и немцев, оболваненных нацизмом. См.: *Бутенко А.* Тоталитаризм в России и пути его преодоления // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10. С. 168–170.

⁹ *Friedrich C.J. and Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956. Законченно тоталитарными Р. Арон, однако, считает лишь те общества, в которых наличествуют все пять базовых признаков разработанной им классификации. По моему мнению, абсолютизация конструктивных элементов концепции приводит к ее абсолютизации в целом, что

затрудняет применение концепции Арона при конкретно-историческом анализе не укладывающихся в ее жесткие схемы национальных типов тоталитарного устройства. См.: *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 230–231.

¹⁰ *Grass G.* Was Erfurt außerdem bedeutet? Rede zum 1. Mai 1970 // *Deutscher Lastenausgleich.* Frankfurt a. M., 1990. S. 74–87.

¹¹ См.: *Илеш Л.* Смена парадигмы и тоталитарные диктатуры (Очерк о 30-х годах) // *Власть и интеллигенция.* Вып. 3. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999.

¹² Вместо введения: «Тоталитаризм – явление XX века»? // *Тоталитаризм как исторический феномен.* М., 1989. С. 25.

¹³ *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. См. рецензию: *Еремин А.И.* Забытая книга // *Отечественная история.* 1996. № 1. С. 196–198.

¹⁴ *Еремин А.И.* Указ. соч. С. 198.

¹⁵ *Хайек Ф.* Дорога к рабству // *Вопросы философии.* 1990. № 10. С. 118.

¹⁶ *Arendt H.* *The Origins of Totalitarianism.* London, 1962.

¹⁷ Интересно заметить также, что в глазах правоверных коммунистов соседних с Венгрией стран и ракошистская тирания образца 1949 г. была недостаточно жесткой. Венгерских коммунистов обвиняли в том, что страна слишком медленно идет к социализму: средняя промышленность и розничная торговля не национализированы, господствует буржуазная атмосфера, Венгерская партия трудящихся представляет из себя некий конгломерат «из коммунизма и западничества» – так излагали «обиды» венгерских коммунистов на своих коллег из братских партий венгерские посланники в Румынии послу СССР в Бухаресте С.И. Кавтарадзе, докладывая последнему о результатах совещания дипломатических представителей ВНР в СССР и в странах народной демократии, состоявшегося в Будапеште в середине декабря 1949 г. Итак, нет предела совершенства, полагали те, кому не терпелось поскорее сделать всю Восточную Европу тотально однообразным безликим целым. См. *АВП РФ.* Ф. 07. Оп. 23. П. 51. Д. 343. Л. 8.

¹⁸ *Furet F.* *Le passe d'une illusion. Essai sur l'idee communiste au XXe siecle.* Paris, 1995. P. 35.

¹⁹ *Ibid.* P. 36–37.

²⁰ *Ibid.* P. 41.

²¹ Прекрасный анализ венгерского антисемитизма времен хортизма еще в 1987 г. дал в сжатой форме талантливый историк Дьёрдь Ранки, рано, к величайшему сожалению, упревший из жизни. См.: *Ranki Gy.* *Northy, Tiso*

and the Holocaust // *Bildungsgeschichte, Bevölkerungsgeschichte, Gesellschaftsgeschichte in den Bohemischen Landern und in Europa*. Festschrift für Jan Havranek zum 60. Geburtstag / Hrsg. von H. Lemberg, K. Litsch, R.G. Plaschka und Gy. Ranki. Wien; München, 1988. S. 413–426.

²² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 117. Л. 99.

²³ Даже сектанты типа коммунистического венгерского диктатора Матьяша Ракоши сознавали необходимость привлечения масс на свою сторону для укрепления собственной власти, не очень ясно представляя себе, однако, возможные средства достижения этой цели. Ракоши в 1949 г., подчеркивая необходимость «завоевания большинства народа на свою сторону, т. к. это является предпосылкой диктатуры пролетариата», поучал вместе с тем (а поучать он любил страстно) руководство Коминформа, приводя в качестве урока провал коммунистов в Австрии и Финляндии: «Советский Союз освободил нас от фашизма, но этого еще недостаточно. Компартии должны завоевать большинство (там, где этого не поняли – советская зона Австрии, Финляндия – там большинство народа не завоевано)». При этом Ракоши забывал сказать о том, что и австрийцы, и финны, неразумные люди, упрямо не желали стать таким «большинством». См.: РЦХИДНИ. Ф. 575.

²⁴ *Konrád Gy.* Op. cit. 15 l.

²⁵ *Ibidem.*

Тамаш Краус
(Венгрия)

Сталинизм как историческое явление (Тезисы)

Историография периода смены систем после 1989 г. – в том числе и в самом Советском Союзе – в своей терминологии обратилась к различным традициям западной и, в первую очередь, американской исторической науки. И вот перед читателями в качестве новой проблемы, чуть ли не сенсационного открытия, предстало сегодняшнее, второе издание теории тоталитаризма. Вместе с этим распространяется такой подход, при котором любая «незападная» общественно-политическая система определяется как тоталитарная и анализируется на основе западных структурных форм развития. И хотя понятие тоталитаризма возникло еще в 1930-е годы (а, может быть, и раньше), одно не оставляет сомнений: именно в Америке в

60–70-е годы самые видные советологи-историки, «ревизионисты» так называемой общественно-исторической школы, в противоположность консервативным кремлинологам, вышли за рамки этой всеобъясняющей схемы, которая преподносится в качестве пригодной для описания практически любой системы независимо от ее общественного пространства и времени, политической и социальной функции.

Новый взлет интереса к категории тоталитаризма неотделим от смены систем в Восточной Европе, от связанной с ней политической апологетики, т.е. от политической публицистики. Надо сказать, что публицистика вообще «делала выпады» против исторической науки и по поводу других тем также. Получил распространение такой «неогегельянский» подход к истории, в основу которого положены теоретические модели, рассматривающие историю как воплощение определенных ценностей и идей, снизошедшее на землю. Морализирующая публицистика распространяет подобные воззрения, исходя из которых, история это не что иное, как осуществление «хороших» и «плохих» идей. В соответствии с этим, советская система трактуется как результат руководящей деятельности коммунистической партии или же субъективной злонамеренности Сталина. Такой исторический подход представляет собой вывернутый наизнанку вульгарный марксизм.

Теория «тоталитаризма» на основе формальной аналогии и идентификации не делает различий между фашизмом, сталинизмом, разного рода военными диктатурами и исламскими режимами, размывает границы между самыми непохожими общественными и экономическими структурами, обходя вниманием целые периоды исторического развития, весь круг проблем, связанных с его преемственностью и непрерывностью. С другой стороны, она никак не реагирует на тот факт, что сталинизм – это результат не регионального развития, а порождение и мировой системы.

Если согласиться с тем, что научный анализ и научные теории имеют последствия и выводы, относящиеся к области морали, тогда наиболее проблематичным «вкладом» теории тоталитаризма надо признать то, что она, если и не оправдывает, то, по крайней мере, способствует оправданию фашизма. Ибо признание того, что «большевизм является лишь одним из обличей тоталитаризма», означает стирание всех тех структурных, исторических различий между советской системой и фашизмом, которые на протяжении целых десятилетий описыва-

лись, в частности, и теми исследователями, которые сегодня в силу разных причин на это уже не способны. Когда-то Сталин и Зиновьев, а вслед за ними и многие советские историки, называли социал-демократию «умеренным крылом фашизма», сегодня же, похоже, историзация работает в обратном направлении.

Но не будем прикидываться наивными. То, что теория тоталитаризма опять вошла в моду, объясняется и вполне рациональными идеологическими потребностями, вытекающими из того, что после крушения государственного социализма марксистские концепции общественно-экономических формаций утратили свою легитимацию, превратились в духовные останки старой системы, кажутся таковыми. Анти-тоталитаризм стал господствующей идеологией новой правящей элиты, с помощью которой она хочет избавиться от старого теоретического наследия. Не случайно, таким образом, что проблема сталинизма сведена до тематики «террористических диктатур».

Многообразие путей исторического развития низведено до одной общей черты, что, с методологической точки зрения, равносильно, к примеру, такому подходу, при котором Англия и Индия попадают в одну категорию развития, в один «регион» только на том основании, что и та, и другая страна имеет плюралистическое, многопартийное политическое устройство.

В отличие от характерного для теории тоталитаризма мышления в аналогиях, мы попытаемся в форме тезисов выделить те основные проблемы истории, которые нельзя обойти в историческом анализе на сегодняшнем уровне знаний при рассмотрении феномена сталинизма. Несколько лет назад казалось, что концептуальные споры о природе сталинского режима исчерпали себя. Однако возвращение теории тоталитаризма в историческую науку снова актуализировало эти теоретические дискуссии. После того как во второй половине 1980-х годов автором этих строк была опубликована написанная в соавторстве монография о Сталине*, появилось множество новых источников и работ, посвященных Сталину и сталинизму. Свежие данные, несомненно, во многих случаях потребуют пересмотра положений нашей работы, но сути методологического подхода они не меняют. Мы не узнали ни одного такого факта, который побудил бы нас вгонять исторические процессы в прокрустово ложе

* Краус Т., Беладди Л. Сталин. М., 1989.

теории тоталитаризма.

Понятие сталинизма используется многофункционально, однако методологически его отнюдь нельзя считать обоснованным. Многие ставят под вопрос его использование в качестве научной дефиниции. И тем не менее, именно благодаря исключительной его распространенности, оно привилось и в научной сфере. С методологической точки зрения это понятие приобретает смысл в том случае, если мы применим к нему одновременно общественно-формационный и исторический подход. Тогда под сталинизмом можно понимать некую исторически определенную форму организации общества и экономики, функция которой состоит в том, что она является своеобразным инструментом «русской» модернизации. С теоретической точки зрения сталинизм вместе с капитализмом, с отношениями частной собственности уничтожил и рожденные революцией зачатки форм самоуправления и обобществления в производственной сфере и политической жизни. Сталинизм по его сути можно определить понятием государственного социализма.

Исторические основы сталинизма глубоко коренятся в государственно-централистских и бюрократически-коллективистских традициях русской истории (самодержавие, община, отсутствие органического процесса становления буржуазии и т. д.). Сталинизм как историческую категорию не следует рассматривать в отрыве от того человеческого материала, который был сформирован российской историей. Нельзя его исследовать и без учета процессов, протекавших в мировой системе того времени, и исторически сложившейся структуры международного, общеевропейского разделения труда. Невозможно понять его и вне контекста исторических традиций революционного и рабочего движения. Весьма существенными для понимания сталинизма являются идея «государственного социализма», рожденная в Германии в XIX в., и восходящая к Фихте, а не к Марксу, а также традиции «русского якобинства». Как раз в отличие от антиэтатистской традиции марксизма и других социалистических теорий сталинизм заменяет традиционную государственную власть господством новой элиты плебейского происхождения, пренебрегая при этом революционной традицией общественного контроля над властью в государстве. Важным объективным фактом является то, что политическая идеология социал-демократического «патерналистского народного государства» возникла на исторической почве

немецкого (буржуазного полицейского) и русского (самодержавного царского) государств. Для сталинизма это стало отправной точкой. Разгром исторического большевизма, осуществленный сталинизмом, означал как раз уничтожение антиэтатистской традиции и порожденных ею политических структур.

Сталинский «термидор» дал ответ на три основных, дополняющих друг друга вопроса, которые с особой остротой встали вследствие того, что «социализм остался один», оказавшись в международной изоляции: а) характер государственного устройства, перспектива концентрации государственной власти и «имперской» централизации, б) «первоначальное социалистическое накопление капитала» (включая проблему того, как посредством «неравномерного обмена», перераспределяется накопленный капитал), в) проблематика перемещения собственности. Эти вопросы были в 1920-е годы в центре внимания различных партийных дискуссий и борьбы оппозиционных группировок, в результате чего левая оппозиция, как и следовало ожидать, была разбита, ибо между условиями, сложившимися в процессе развития российского государства, и целями, которые ставил перед собой самоуправленческий социализм, зияла непреодолимая пропасть. Революционные идеи разбились о факты русской действительности. Государственный капитализм нэпа преобразовался в сталинский государственный социализм, что в свое время многими определялось как термидорианский переворот. Справедливо замечает Роберт В. Даниэлс: «Левая оппозиция не просто неправильно трактовала понятие Термидора, когда в середине двадцатых годов бросилась в атаку на партийное руководство. Их шансы направить события “термидора” в ином направлении были невелики, во всяком случае не под лозунгом рабочей демократии. После русской революции на успех мог рассчитывать лишь тот, кто умел как следует обращаться с инструментами власти и мог привести в согласие традиционные средства власти с потребностями переживающего кризис модернизации общества». Неправильно было бы однако полагать, — а с таким взглядом мы часто встречаемся в исторической литературе, — что «альтернатива» самоуправленческому социализму появилась в 1928 г., когда Сталин и другие лидеры сделали «неправильный выбор». Так называемая сталинская альтернатива была процессом, наметившимся, собственно говоря, в связи с кризисом новой экономической политики в 1923 г., хотя Сталин в то

время выступал как один из самых рьяных защитников нэпа. 1928/29 год можно считать датой, завершающей развитие этой альтернативы.

Нельзя рассматривать сталинизм и без учета той конкретной исторической ситуации, которая сложилась после Октябрьской революции. Особенно важными представляются такие известные проблемы конца 20-х годов, как кризис нэпа, зерновой кризис и расхождение крестьянства, ибо прежде всего они мотивировали тот поворот («вторую революцию», «революцию сверху», «большой поворот»), в другой интерпретации — «бюрократическую революцию», даже термидорианский переворот и т. д., здесь мы ограничимся упоминанием лишь самых употребительных из этих определений), в ходе которого Сталину удалось осуществить свою личную диктатуру. При анализе явления сталинизма необходимо также учитывать особенности структуры российского общества и «социокультурный» фон, возникший в результате гражданской войны и предшествовавших ей событий.

Личную диктатуру Сталина нельзя считать лишь продолжением традиции государственной централизации, это новая, современная по своему типу политическая организационная структура, включавшая в себя советские, партийные, профсоюзные аппараты, механизмы экономического управления, военные и милицейские органы. Все эти обособленные от общества организации взяли на себя задачи, функции, связанные с менеджированием власти и самим ее осуществлением. Одним из наиболее существенных признаков сталинской диктатуры является то, что она занимала позицию как бы контроля сверху над стычками внутри аппарата, над теми схватками, которые велись за влияние, за власть, являясь гарантом «порядка» против сил «хаоса». Эта борьба всегда принимала идеологическую и политическую форму, идеологически вплотную смыкаясь с усилиями по сохранению Советского Союза. В подобных бюрократических схватках находили свое выражение различные местные, региональные интересы аппаратов. Постоянный страх возможного падения режима привел к невиданному росту роли аппаратов. Своеобразным проявлением бюрократического осуществления власти оказалась манипуляция, явление отнюдь не русское. Более того, сталинская диктатура в значительной мере использовала те самые «готовые» методы, которые она видела на Западе и которые, в соответствии со своей программой, хотела превзойти. Однопартийная система еще не опреде-

ляет сущности политической диктатуры, ведь партия, по сравнению с революционной диктатурой 20-х годов, оказалась в подчиненном положении по отношению к органам госбезопасности, сосредоточившим в своих руках почти всю исполнительную власть и находившимся в непосредственном распоряжении Сталина. В организованной по принципу сверху вниз бюрократической системе произошло «огосударствление» партийных, профсоюзных органов и вообще политических движений. Граждане, трудящиеся «могли» выразить свой протест только в рамках официальных аппаратов, не имея никакого иного выхода, кроме стихийного бунта.

Плановая экономика и в руках государства находящаяся система перераспределения (редистрибуция) основывались на государственной собственности на средства производства и бюрократически-коллективистских формах распределения. Их главной целью было воспроизводство процессов общественной интеграции для того, чтобы не допустить частного присвоения, ограничить проявления рыночной экономики, распространение капитализма, чтобы регулировать отношения между предприятиями, производителями и потребителями. Функция центрального руководства по согласованию интересов предполагает и такой властный аспект, как исключение легальной политической оппозиции. Сталинизм был такой командной системой, при которой волюнтаристские по своей сути цели политической власти отражали специфические условия, сложившиеся в Советском Союзе к концу 20-х годов. Эта плановая экономика, в отличие от ее более поздней разновидности «рыночного сталинизма», исключала частную инициативу и не допускала смешанных форм хозяйствования. В конце своей жизни Сталин снова обратился к вопросу о несовместимости «социализма и рынка». Выводы, к которым он пришел, конечно, не носили антиэкономического характера, ибо всю тенденцию вмешательства государства в экономику он позаимствовал, в частности, из опыта капиталистических стран, не заметив, однако, того, что и рузвельтовский «нью-дил», и фашизм были специфической реакцией на мировой экономический кризис капитализма. Планирование же, ставшее, как свидетельствует более поздний опыт развития, источником сложнейших проблем, требует особого рассмотрения, выходящего за рамки настоящих тезисов.

Общественной базой системы являлись прежде всего те группы, слои населения, миллионы представителей которых в 20-е и 30-е

годы в результате невиданной доселе в истории социальной мобильности, будучи выходцами из низов, заняли достаточно престижные позиции, предлагаемые промышленно развитым обществом, – квалифицированные рабочие, преподаватели, ученые и т.д. Государственная и партийная бюрократия, сотрудники военных и других охранительных органов были такой же опорой системы, как сельская и техническая интеллигенция, более того, приверженцем советского государства являлась часть безземельного или бедного крестьянства, работающая в колхозах. Культ личности Сталина, явление в принципе городское, был прежде всего результатом сознательных манипулятивных действий высшей бюрократии, однако исторические предпосылки его дали себя знать уже во времена Ленина, который при этом публично выступал против проявлений этого феномена. Это быстрое за одно поколение восхождение по общественной лестнице также можно считать одним из основных источников «культа». Политические, экономические и военные элитарные группы не преобразовали или не могли преобразовать свой контроль над государственной собственностью таким образом, чтобы сделать ее собственностью, передаваемой по наследству. Поэтому не оправдалось предположение Троцкого, высказанное в 1936 г. Возможность преобразования государственного социализма в настоящий социализм, предполагающий слияние труда и собственности, попытки «демократизации» советов, как писал тогда Троцкий, натолкнутся на жестокое сопротивление государственной бюрократии, которая любой ценой (даже передачей по наследству государственной собственности, т. е. превращением ее в частную собственность, по сути дела, реставрацией капитализма) будет настаивать на сохранении своего привилегированного положения, несмотря на то, что эту новую бюрократию, профессиональный аппарат составляют миллионы выходцев из трудящихся классов.

При анализе проблемы сталинизма неизбежно встает и вопрос о цене развития общества. Царская Россия считалась в Европе бедняком, производя в 1916 г. не более 6% от совокупного общественного продукта США, в то время как к концу 30-х годов это соотношение достигло 45%. Система привела к небывалому росту производственной и оборонной мощи страны. Всего за четверть века Советский Союз стал второй промышленной державой мира. Целые народы прошли за это время путь от состояния полной безграмотности до

начальной ступени современной цивилизации. Вместе с тем духовность и искусство понесли значительный урон, подверглись разрушению, их место занял своеобразный «русифицированный» кич, который, несмотря на всю свою идеологическую несуразность, способствовал распространению определенных «модернистских» образов. Наиболее уязвимыми участками системы были достигающая исторических масштабов отсталость сельского хозяйства и относительное отставание в техническом и технологическом развитии.

Пора, наконец, рассмотреть больной вопрос о человеческих жертвах на основе научно обоснованных данных. Те политические споры, которые велись и ведутся вокруг определения числа заключенных ГУЛага, неприемлемы с моральной точки зрения. После публикации Земскова и Максудова данные, определяющие число жертв в размерах от 10 до 50, а то и до 60 млн человек, естественно, должны быть отвергнуты, что никоим образом не может означать никакого ослабления морального осуждения.

Требуется необходимых прояснений и вопрос об идеологии сталинизма. Его эклектические идеологические источники нельзя свести ни к какой «ультралевиэне» и подобным ей духовным традициям, но несомненно, что значительную роль в нем сыграли стремление революционных (и не только революционных) масс к осуществлению идеалов, а также «жертвенность», не чуждая, кстати, и православию.

Официальная легитимационная идеология сталинской системы объявляла датой своего рождения Октябрьский переворот, делая акцент прежде всего на том, что она осуществила задачи революции: уничтожила старые правящие классы и, как это было провозглашено Конституцией 1936 г., построила социализм. Идеологический трюк здесь заключался в том, что понятия огосударствления и обобществления не различались. В центре доктрины сталинского госсотциализма оказались положения о необходимости опираться только на собственные силы («социализм в отдельно взятой стране») и «догнать» развитые западные страны. Была создана целая прослойка «производителей» идеологии, которые занимались удовлетворением идеологической потребности в консервации власти. В то же время среди идеологических тезисов системы можно найти и немало таких, в которых пропагандируются гуманистические взгляды. Официальная идеология провозглашала дружбу и братство народов. Советский

Союз видел свою историческую миссию в освобождении всех угнетенных народов мира. И в то время, как повсеместно вплоть до школьных учебников прославлялся официальный интернационализм, во второй половине 30-х годов произошла реабилитация русского национализма, не говоря уже о том, что в 1941–1944 гг. были депортированы целые народы. Все это указывает на «конспиративный» характер сталинизма, т. е. на то, что он идеологически маскировался, т. е. скрывал свое истинное, антидемократическое, лицо. Постоянное столкновение между официальной системой ценностей и реальной действительностью угрожало возможностью распада. (Великая Отечественная война, укрепившая интеграционные процессы, продлила тем самым жизнь системе и доказала миру, что она не израсходовала еще все свои ресурсы. Для современной левой и националистической оппозиции эта война и по сей день является одним из главных легитимирующих моментов.)

Фигура Сталина также продолжает оставаться предметом не прекращающихся споров. Исторически сложившуюся структуру сталинизма нельзя вывести из личности ее создателя, представить ее только как результат его персонализированной политики, но и анализировать ее без учета личных особенностей Сталина невозможно, ибо колоссальное значение роли руководителя, «вождя», одного великого и «множества маленьких Сталиных» (по словам Георга Лукача) определялось сущностью самой системы.

Сталин всегда доводил до крайностей те альтернативы, которые возникали в рамках самой системы. На основе его личных данных, хорошо известных нам по литературе, его политическую карьеру вряд ли можно проанализировать со строгой научностью. Он не был ни дилетантом, ни гением, и это лишь самые полярные из тех упрощенных его характеристик, с которыми мы обычно встречаемся. Сталин был мелочным и мстительным человеком и в то же время политиком, сумевшим построить империю и обладавшим особым талантом в решении проблем внешней политики, а незаурядные организаторские способности признавали за ним даже заклятые его враги. Масштабы и трагизм преступлений Сталина пропорциональны грандиозности исторической «задачи». Он действовал и как кровавый тиран, и как крупный политик, которого и на Западе многие признавали одним из наиболее выдающихся государственных деятелей своего времени. В этом признании, конечно, сыграло роль и то

обстоятельство, что при участии Сталина удалось осуществить сложнейшую работу по созданию механизмов управления мировой системой в целом после разгрома фашизма, решить сложнейшие задачи по территориальному и политическому переделу мира. Благодаря этому, несмотря на «холодную войну», в Европе установился относительно стабильный международный порядок. Период сталинизма был одним из этапов истории государственного социализма, окончательно распавшегося после революций 1989–1991 гг. Обще-ственно-экономические и политико-психологические предпосылки распада содержались в самой этой системе. Прекратив свое существование как конкретное явление, госсocialизм тем не менее продолжает бытовать как историческая традиция, фактор, влияющий на альтернативы будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Волкогонов Д. Сталин. М., 1989. Т. I–IV.

Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1992.

1917 Az orosz forradalom. Szovjet Füzetek VIII. Magyar Ruszisztikai Intézet. Bp., 1993.

Cohen S.F. Rethinking the Soviet Experience. New York–Oxford, 1985.

Daniels R.V. Trockiy, Sztalin és a szovjet kommunizmus kialakukasa // Észmélet. 1992. 17. 116–140.

Krausz T. Partviták és történettudomány. Viták az oroszországi történelmi fejlődés sajátosságairól, különös tekintettel a húszas évekre. Bp., 1991.

Tucker R. Stalin as Revolutionary. 1870–1929. N.Y., 1973.

Диктатура белогвардейских генералов в период гражданской войны в России. 1917–1921 гг.

Во время гражданской войны в России реально существовавшую альтернативу власти большевиков представляли лишь диктатуры белых генералов. Остальные попытки, среди них и восточнороссийская эсеро-меньшевистская, т. е. демократическая контрреволюция, оказались или слишком кратковременными, или довольно ограниченными территориально. Почему диктатуры (и именно генеральские) являлись реальной альтернативой советской власти?

Как известно, большевики действовали в соответствии с той концепцией, которую проводила в жизнь их вооруженная определенной идеологией и жестко организованная партия. В противоположность этому антибольшевистский лагерь включал в себя несколько политических направлений, имевших различные, часто весьма противоречивые концепции и представления о будущем или вообще не имевших никакой концепции, кроме той, что их позиция всецело определялась борьбой с новыми идеями. Из-за этого оказалось практически невозможным выработать какую-либо минимальную общую программу, альтернативную большевистской. Все соглашались лишь с тем, что большевиков надо победить и что это возможно только с помощью вооруженной силы под руководством профессионалов, генералов.

Основной причиной политической доминанции генералов в рамках белого движения и вместе с тем популярности идеи диктатуры среди белогвардейцев был характер возникновения антибольшевистского сопротивления. По мнению Милукова, оно выросло из первой мировой войны. Непосредственно перед Февральской революцией значительная часть генералитета, недовольная политикой царя, не возражала против изменения и даже определенного реформирования правительственной власти. Военное командование, опасаясь крупного конфликта в тылу во время войны, сначала признало февральский режим, от которого ожидало прежде всего сохранения по-

рядка в стране и продолжения военных действий. Но антивоенная пропаганда, проводимая радикальными революционными силами и направленная на нейтрализацию старой армии, и демократизация армии скоро выбили почву из-под ног профессионального офицерского корпуса. Этих людей, конечно, раздражали происходившие события, ведь разложение армии ударяло по их материальному положению и социальному статусу. Правительство, не сумевшее сохранить их позиции в обществе, обеспечить порядок, продолжение войны и целостность империи, в глазах офицеров доказало свое бессилие. Поэтому кажется естественным, что прежде всего среди военных сформировалась идея власти «сильной руки», которая направила бы события в «правильное русло». Выполнению этих задач наиболее соответствовала военная диктатура, а кандидатов в диктаторы искали в первую очередь среди царских генералов, так как они не только принадлежали к наиболее недовольным, но пока еще обладали реальной вооруженной силой.

В поисках диктатора наконец остановились на кандидатуре главнокомандующего армией генерала Л. Корнилова. Популярный среди офицеров, смелый, всегда готовый к авантюрам и в то же время всегда далекий от политики генерал в своей роли всех объединяющего «сильного вождя» устраивал различные политические направления. Личность Корнилова характеризует его телеграмма, отправленная Временному правительству еще до известного августовского выступления, в которой Корнилов настаивал на «ответственности главнокомандующего только перед своей совестью и народом» (т.е. на его независимости от правительства) и требовал «исключительных полномочий в деле армейских назначений». С помощью возобновления смертной казни, упразднения солдатских комитетов Корнилов намеревался навести порядок в армии и в тылу.

Корниловский путч остался, в принципе, попыткой установления порядка военной силой, в котором политический момент был выражен достаточно слабо. Буржуазия и кадеты не проявили открытой солидарности с генералами. Путч не преследовал ярко выраженных реставрационных целей, так как еще не произошли решающие радикальные изменения форм собственности. Его вожди попытались прежде всего остановить дальнейшую радикализацию общества.

В результате неудавшейся попытки захвата власти рухнули надежды генералов на возрождение остатков регулярной армии. Заго-

ворщики попали в тюрьму г. Быхова, откуда их в октябре 1917 г. освободил генерал Духонин, последний верховный главнокомандующий. Заключенные, решив, что борьбу надо продолжать, еще в тюрьме начали работу над так называемой корниловской программой, в которой предполагалось до созыва Учредительного собрания создать «от всяких неответственных организаций независимую» авторитарную правительственную власть и «от самочинных, нелегитимных органов» (значит, советов) независимую местную власть и суды. Остальные проблемы авторы программы намеревались решать после «возобновления порядка» и созыва парламента; новое правительство они представляли себе как умеренный, «деловой» орган¹.

Пока Корнилов, Деникин, Марков, Романовский и др. находились в тюрьме, их коллега, бывший начальник штаба царской Ставки, генерал Алексеев уже осенью 1917 г. на юге России начал организовывать первые добровольческие отряды из антибольшевистски и националистически настроенных офицеров, юнкеров и гражданской молодежи. Позже к нему присоединились бежавшие из тюрьмы «корниловцы», ставшие ядром южнороссийской белой контрреволюции. Имея в своем распоряжении лишь несколько сотен солдат, белые вожди уже размышляли об оптимальной форме временной власти. Новую ее систему они представляли в виде своего рода «военной хунты». Это доказывает в мемуарах Деникин, ссылаясь на разработанный план, наделявший полнотой власти триумвират в составе Алексеева, Корнилова и Каледина². Алексеев как старейший генерал, имевший к тому же опыт административной работы в Ставке, управлял бы гражданскими, финансовыми и внешнеполитическими ведомствами. Военные дела и армия были бы в ведении Корнилова. Присутствие во властных структурах Каледина как донского атамана и главы местного правительства было бы, естественно, также необходимым.

План триумвирата из-за поражения восстания донских казаков и самоубийства Каледина в действительности реализовался в несколько измененной форме. Весной 1918 г., когда белогвардейцы закрепились на Кубани, Алексеев стал главкомом южнороссийских белогвардейцев, взяв на себя руководство, как это предполагалось ранее, всеми сферами гражданской жизни на занятой территории. Армией и военными делами руководил сначала Корнилов, а после его ранней смерти Деникин. Бывший командующий фронтом,

Деникин, изначально принадлежа к белогвардейской элите, долгое время не выдвигался кандидатом в диктаторы, так как Алексеев и Корнилов по месту в иерархии и по известности опережали его. Но после смерти престарелого и больного Алексеева вся власть, все управление, разумеется, перешли в его руки. Официально он стал главнокомандующим вооруженными силами Юга России. Этим, в принципе, завершился процесс формирования генеральской диктатуры.

Хотя в течение 1918-го и 1919 г. деникинцы заняли огромные территории на Юге России, их власть не была повсеместной. Им приходилось считаться с господством атамана Краснова на Дону, с кубанской радой, равно как и с влиянием западных союзников в портах Черного моря. Но в большинстве районов власть деникинцев была неограниченной. По воспоминаниям самого Деникина, режим, сложившийся на Юге России, носил характер настоящей военной диктатуры, хотя официально этого никто не провозгласил. Иногда этот режим называли и национальной диктатурой. Решающее влияние генералов чувствовалось везде – в Ставке, в правительственных совещательных органах, в губерниях, штатские лица играли при них лишь вспомогательную роль.

На верху правительственной структуры находился верховный главнокомандующий как единоличный и полномочный диктатор. Ему подчинялось Особое совещание, имевшее представительный и совещательный характер. Совещание, в принципе, выполняло функции квазипарламента и квазиправительства. Его деятельность состояла прежде всего из подготовки различных законопроектов, указов и решений, которые получали силу закона только после одобрения Верховным Главнокомандующим. Для определенных, так называемых умеренных общественных сил, Совещание служило представительным форумом, не имевшим права принимать самостоятельные решения. Формирование Совещания контролировал сам Деникин, который лично выбирал и назначал его членов. Наряду с преобладавшими в нем генералами и правыми здесь заседали и либералы. Большинство военных по своим взглядам принадлежало к правым, только генерала Романовского, начальника штаба, личного друга Деникина и его предполагавшегося преемника, считали либералом. Кстати, позже, уже в эмиграции его убили монархисты из крайне правых. Даже наиболее умеренные социалисты не получили места в Совещании, радикальным правым офицерам не нравилось само при-

существование в нем либералов. С другой стороны, и черносотенные лозунги, пропагандирующие крайне правые взгляды, тоже вначале не допускались в Совецание. В целом в этом правительственном органе преобладала воля умеренных консервативных генералов³.

По мнению Деникина, такая вынужденная коалиция была еще приемлема для антибольшевистских сил Юга России, так как пыталась реально отразить соотношение сил внутри местного контрреволюционного лагеря. Что касается отношения деникинцев к умеренным социалистам, здесь надо иметь в виду два факта. Южнорусская диктатура официально признавала законность дооктябрьского режима, опорой которого являлись как эсеровская, так и меньшевистская партия. Кроме того, эти партии обладали достаточно значительным влиянием в местной прессе, органах самоуправления и профсоюзах, которые хотя и под строгим контролем, но продолжали работать.

На территории, занятой добровольцами, во многих местах восстановили прежние административные учреждения вместе со старым аппаратом. Решающим влиянием все-таки обладали командующие военными округами. Восстановление существовавших ранее учреждений с присущей им прежде и усилившейся в сравнении с дореволюционным временем коррупцией, террор со стороны самочинно возникавших и без всякого контроля работавших органов контрразведки отталкивали от белогвардейского режима даже те слои населения, которые не симпатизировали красным. Все это вместе со слабой дисциплиной добровольцев и казаков, а также влиянием черносотенной пропаганды стало хорошей почвой прежде всего для еврейских погромов, но насилию военных часто подвергались и деревни с православным населением. Деникин знал об этом негативном явлении и, очевидно, понимал, каковы могут быть его последствия, но, если не считать нескольких прокламаций и приказов, запрещающих погромы, не сумел принять решительных мер в борьбе с подобными акциями, разлагающими армию и тыл⁴.

Режим барона Врангеля был органическим наследником деникинской системы, хотя и вырос на почве ее критики. Аристократ и убежденный монархист, Врангель возглавил антиденикинскую правую оппозицию, недовольную неопределенностью позиции Деникина в вопросе о монархии, его тактикой лавирования между правыми и либералами. Благодаря поддержке многих генералов и политиков,

в том числе П. Струве, в апреле 1920 г. он стал главнокомандующим белыми войсками (вернее – их остатками). Врангель проводил в жизнь весьма популярный лозунг «левой политики правыми руками», с помощью которой правые вожди пытались за счет радикальной земельной реформы расширить социальную базу белого режима. Но что касается механизма власти, в нем ничего менять не собирались и продолжали придерживаться идеи диктатуры, которую хотели осуществлять как более дисциплинированную и решительную, чем во время Деникина.

Белогвардейский режим в Сибири при Колчаке складывался несколько иначе, хотя и привел к тем же последствиям, что и деникинщина. В организации антибольшевистского движения Восточной России и Сибири кроме офицеров значительную роль играли местные эсеры, кадеты и сибирские областники, которым в течение весны и лета 1918 г. удалось создать две армии (Народную и Сибирскую) численностью более 200 тыс. солдат. Но между самарским Комучем (т.е. эсеровским Комитетом членов Учредительного собрания, избранного в конце 1917 г.) и более правым омским правительством шла неухающая политическая борьба за ведущую роль в антибольшевистской войне. Ситуацию осложняли недовольные генералы, крайне правые офицеры и монархисты, желавшие преобразования слишком демократического для них режима в военную диктатуру деникинского типа. В результате компромисса этих разнородных сил 23 октября 1918 г. образовалась пятичленная уфимская Директория, как обладающий всей полнотой власти верховный коллективный орган контрреволюции на Востоке России. Странников «чистой военной диктатуры» это решение не удовлетворило, они продолжали добиваться отстранения социалистов и демократов от власти. Результатом их недовольства был и государственный переворот 18 ноября 1918 г., когда омским диктатором стал выдвигенец военных, правых политических и финансовых кругов адмирал Колчак. Но популярный в офицерской среде Колчак не оправдал доверия тех, кто связывал свои надежды с его сильной волей и рукой. Неуравновешенный, эмоциональный, далекий от политики адмирал скоро стал орудием в руках своего окружения, омской камарильи.

Колчаковская правительственная структура состояла из трех-четырёх органов. Всей полнотой власти обладал Всероссийский верховный правитель Колчак, без чьего одобрения ни один закон-

ный акт не мог вступить в силу. Ему подчинялся Совет министров, в котором все важные посты разделили между собой организаторы государственного переворота. Кроме преобладавших в Совете кадетов и правых, там заседало и несколько бывших эсеров, но так как колчаковский режим официально объявлял себя внепартийным и надпартийным, все его члены формально вышли из своих партий. Наряду с правительством очень важную роль играл Совет верховного правителя, орган типа консультативного кабинета, в котором заседали наиболее влиятельные министры и генералы Пепеляев, Лебедев, Сукин, Гинс, обладавшие тесными связями с различными лобби и офицерскими организациями и, по воспоминаниям многих современников, притягивавшие к себе многочисленные группы спекулянтов и авантюристов. Все это только усугубляло специфичность характера сибирского режима как камарильи.

Аполитичному или, как его называли сами белогвардейцы, «деловому» характеру режима вполне соответствовало Государственное экономическое совещание (ГЭС), в которое наряду с влиятельными чиновниками входили представители частных банков, кооперативов, профессиональных союзов. Задачей Совещания было сотрудничество с властью при определении финансовой политики и помощь в снабжении армии⁵. Кроме того, ГЭС служило консультативным и представительным форумом для сил, поддерживающих режим. Белогвардейские генералы всегда легче примирялись с органами делового или корпоративного типа, которые не занимались политикой, выдвигали только умеренные экономические требования, своей цели достигали с помощью договоренностей с властями и, как уважающие законы иерархии, более покорно подчинялись авторитету военных.

Что касается провинции, Колчак во многих местах восстановил средние и низшие звенья аппарата старого государственного управления, но настоящими хозяевами и здесь были военные, прежде всего командиры отдельных воинских подразделений. Огромные сибирские просторы только усиливали их почти ничем не ограниченную власть.

Бывший колчаковский министр Гинс в своих воспоминаниях описал процесс формирования так называемых «маленьких военных диктатур» на местах. Вожди различных антибольшевистских офицерских организаций постепенно влились в крупные белые армии, но базой своих отрядов продолжали считать те районы, в которых

возникли. Находившуюся во владении белых территорию они разделили между собой, расчленив ее на военные округа. Каждый округ обладал «автономией», вследствие чего вооруженные отряды пополнялись в первую очередь из местных жителей и снабжались в основном за счет также местных средств. Такую структуру управления уже современники называли атаманщиной, т.е. это была система власти относительно независимого от центра местного военного командира и его приближенных⁶.

Режим генерала Юденича на Северо-Западе России по своей структуре власти значительно отличался от диктатур его коллег-генералов. Назначенный Всероссийским верховным правителем Колчаком на пост главнокомандующего Северо-Западной армией, Юденич, находившийся до этого в Хельсинки, не участвовал в организации местной армии. Это явилось причиной того, что Юденичу, уже немолодому в то время, весьма консервативному, а, по мнению Милукова, и довольно ограниченному генералу, при его пассивном характере и непонимании психологических особенностей гражданской войны так и не удалось наладить нормальные отношения со своими подчиненными. Англичане, звавшие об этом, опасались того, что мало соответствовавший своей должности генерал оттолкнет от себя не только местных жителей, но и эстонцев. По этим соображениям они начали организовывать из местных левых и либеральных политиков так называемое демократическое правительство Северо-Западной области, в которое Юденича вообще не собирались включить. Свой не столь уж почетный пост военного министра в этом правительстве генерал получил наконец только по настоянию местных политиков, боявшихся конфликта с Колчаком. Но командование армией и право распоряжаться деньгами, полученными из Омска, все-таки остались в его руках.

Подводя итоги, следует заметить, что при идеологической характеристике описанных выше генеральских диктатур надо быть достаточно осторожным. Не совсем правильно называть эти режимы протофашистскими, так как в этом плане им не хватало современной, направленной на завоевание масс, идеологии, организованной социальной базы и определенного представления о будущем. Белые вожди по существу не очень заботились о расширении своей социальной базы, а опирались прежде всего на офицеров, которым доверяли почти беспредельно. Но именно в это время все больше офице-

ров попадали под влияние черносотенных лозунгов, вступали в различные радикальные крайне правые организации и постепенно превратились в главный двигатель разлагающего государство крупномасштабного белого террора. Вероятно, эти организации в сотрудничестве с черносотенными политиками стали бы в случае победы почвой для русского фашизма, выраставшего из крайне правого радикализма и монархизма, как это имело место позднее среди части эмиграции.

Из известных русских белогвардейских вождей ближе всех к фашизму подошел Григорий Семенов, атаман дальневосточных белых отрядов. Во время своей харбинской эмиграции в 30-х годах под влиянием немецких и итальянских образцов он выработал свою, достаточно запутанную теорию «россизма». Россизм как государственная идеология, имевшая целью свержение коммунизма, подчеркивал преимущество монархической идеи. Вместе с тем эта концепция предусматривала для всех национальностей право на культурную и, хотя и ограниченную, территориальную автономию, сходную со статусом казачества в царской России. С другой стороны, семеновская идеология не оставляла места ни для партий, ни для парламента, так как, по мнению атамана, они выражали только определенные, а не всенародные интересы. Престиж церкви возносился им выше всех светских авторитетов в обществе. Решение всех социальных и экономических проблем Семенов намерен был отложить до окончательной победы над большевизмом⁷.

В руководстве белым лагерем все-таки преобладали (наряду с кадетами) более прагматически настроенные, однако весьма консервативные генералы. Хотя большинство из них симпатизировало идее монархизма и восстановления прежнего строя, открыто они не решились этого проповедовать. Более того, многие из них осознавали, что полная реставрация царского самодержавия уже невозможна. Как осознавали это и в контрреволюционной Венгрии в окружении адмирала Хорти, бывшего адъютанта Франца Иосифа. Хорти формально восстановил монархию, но верховную власть сохранил за собой, воспрепятствовав двум попыткам последнего кайзера, Карла IV, вернуться на венгерский престол. Контрреволюция в Венгрии восстановила традиционно-консервативный режим, выражавший интересы прежде всего крупных землевладельцев, высокопоставленных бюрократов и военных, но с определенными уступками как умеренно

Трианонский мирный договор и идеи возрождения Венгрии

Победа стран Антанты и США в первой мировой войне, революционные события 1917–1919 гг. в России, Германии и Австро-Венгрии предопределили установление новой системы международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. На руинах Габсбургской монархии образуется независимая Чехословакия. В новых границах утверждается Румыния. В результате объединения самостоятельных Сербии и Черногории с землями, ранее входившими в состав Австро-Венгерской монархии, создается (фактически под эгидой Сербии) многонациональное Королевство сербов, хорватов и словенцев. После почти полуторавекового небытия возрождается независимое польское государство.

Для венгерской нации последствия войны и революций были не менее ощутимыми, хотя и совсем иными, чем для народов, добившихся собственной государственности или расширения пределов своих границ. Подход держав-победительниц, определявших послевоенные судьбы региона, к решению проблем Венгрии коренным образом отличался от их представлений о статусе только что образованной Чехословакии или же Сербии, воевавшей на стороне Антанты, в новой системе международных отношений. Как одна из составных частей двуединой Австро-Венгерской монархии, обладавшая не только суверенитетом во внутренних делах, но и влиявшая через свои правящие круги на внешнеполитический курс дунайской державы*, Венгрия вполне могла быть причисленной к лагерю,

* Соглашение между Австрией и Венгрией, подписанное в 1867 г., разделило монархию Габсбургов на два многонациональных государственных образования – «королевства и земли, представленные в рейхсрате» (Цислейтанию), и Венгерское королевство. И Вена, и Будапешт самостоятельно осуществляли свою внутреннюю политику. В общем ведении находились иностранные дела и армия. Консолидирующую функцию в системе дуализма выполнял институт монархической власти. Австрийский император Франц Иосиф, многие десятилетия управлявший державой, был одновременно венгерским королем Ференцем Йозефом.

проигравшему войну. Подобное отношение к ней доминировало, в частности, и на послевоенной Парижской мирной конференции. Факт участия Венгрии в первой мировой войне на стороне Германии был осмыслен державами Антанты в свете их долгосрочных, стратегических интересов в центральноевропейском регионе. Не останавливаясь подробно на различиях в позициях каждой из стран-победительниц, заметим, что ни США, ни Великобритания, ни Франция, сосредоточившаяся в основном на создании системы противовесов на случай возможного усиления пока ущемленной, но всегда опасной для нее соседней Германии, не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства. В нем видели не только потенциального союзника Германии, но и наиболее вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. (Попытки некоторых французских кругов поставить венгерскую экономику под контроль своего капитала и превратить тем самым Венгрию в опорный пункт Франции в Восточной Европе оказались нереальными прежде всего из-за сопротивления Британии, опасавшейся чрезмерного усиления позиций своего главного конкурента в европейских делах)¹. Таким образом, при формировании Версальской системы общая линия Антанты в отношении Венгрии свелась к стремлению по возможности низвести ее до положения одного из малых государств, зависимого в своей внешней политике от воли более сильных соседей.

6 мая 1920 г. председатель Парижской мирной конференции премьер-министр Франции Э.-А. Мильеран вручил венгерской делегации текст окончательных условий мирного договора. Договор с Венгрией, занявший свое место в ряду документов, подводивших итоги первой мировой войны, был подписан 4 июня в Версале, в Большом Трианонском дворце, и 13 ноября того же года ратифицирован в Будапеште венгерским парламентом. Конкретные обстоятельства заключения Трианонского договора, перипетии многомесячной (и безуспешной) борьбы венгерской дипломатии за более приемлемые его условия получили довольно подробное освещение в исторической литературе².

В данной статье ограничимся лишь краткой характеристикой содержания договора, навязанного Венгрии волей западных держав, и его результатов для страны. Итак, 4 июня в Трианонском дворце был юридически оформлен распад дуалистической монархии. Венгрия отделилась от Австрии, тогда как национальные меньшинства,

находившиеся в подчинении Будапешта, стали независимыми от Венгрии. Венгерскому правительству – и в этом главный итог Трианона – пришлось отказаться от значительных территорий в пользу соседних государств. Румынии достались Трансильвания и восточная часть Баната, Чехословакии – Словакия и Закарпатская Украина, Австрии – область на западе Венгрии (современная австрийская провинция Бургенланд). Объединенному югославянскому государству были переданы Хорватия (обладавшая автономией в рамках венгерской половины монархии), а также Воеводина. В результате территория нового венгерского государства, определенная условиями Трианонского мирного договора, составила менее 30% владений венгерской и хорватской короны в составе Габсбургской монархии, с 325 тыс. кв.км она сократилась до 93 тыс. кв.км. Численность населения уменьшилась с 18 млн (без автономной Хорватии) до 7,6 млн человек. Важно заметить при этом, что наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства – хорваты, сербы, румыны, словаки, украинцы, к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса, в частности, в Южной Словакии. В этих странах оказалось, по некоторым данным, около 3 млн венгров, половина из которых проживала компактно; в пограничных с Венгрией районах, но ни в одной статье договора не затрагивался вопрос о гарантиях прав венгерского национального меньшинства³. Таким образом, неизменно претендовавшая на роль гегемона в дунайско-карпатском геополитическом ареале Венгрия оказалась малым государством, с трех сторон окруженным более крупными соседями (и Румыния, и Чехословакия, и Королевство сербов, хорватов и словенцев превзошли Венгрию и по площади, и по численности населения).

Однако к установлению новых границ Венгрии договор отнюдь не сводился. Он предусматривал также запрет на производство и импорт некоторых видов вооружения (в том числе авиации, танков и тяжелой артиллерии), ограничение численного состава армии, выплату больших репараций странам-победительницам.

Дискриминационный по отношению к Венгрии характер Трианонского договора ущемлял национальные чувства миллионов венгров, вызывал недовольство среди широких слоев венгерского общества, равно как и среди мадьяр в соседних странах. Итоги Трианона воспринимались как психологическая травма «не только шовини-

стами, но всеми, кто понимал, что означают для венгерской культуры Надьбана, Коложвар, Пожонь» *, – по мнению одного из мемуаристов⁴. Существовала, таким образом, питательная среда для усвоения массовым сознанием различного рода концепций ревизии Трианона. Стремление к пересмотру границ в пользу Венгрии, возврату отобранных земель, лежавшее в основе внешней политики хортизма, могло найти и находило поддержку в самых разных слоях населения. Но говоря о последствиях Трианона для Венгрии, надо также иметь в виду, что договор не только уязвлял национальное достоинство венгров, но и усиливал социальные противоречия в стране. Массовый приток в 20-е годы венгров из соседних стран, и прежде всего бывшего чиновничества, привел к перенасыщению рынка рабочей силы в определенных сферах деятельности, увеличив тем самым безработицу, обострил жилищную, продовольственную проблемы **.

Оставаясь на протяжении всего межвоенного периода одной из доминант венгерского общественного сознания, фактор Трианона предопределил некоторые важнейшие явления духовной жизни хортистской Венгрии. Грандиозные политические катаклизмы, потрясшие Венгрию в 1914–1920 гг. (первая мировая война с ее неудачным для страны исходом, революция, кратковременное существование власти Советов, Трианон как, можно сказать, закономерный итог всей предшествующей полосы исторического развития), сделали

* В современной Румынии Надьбана – это Бая-Маре, Коложвар – Клуж-Напока; Пожонь – венгерское название Братиславы. Речь идет о традиционно важных центрах венгерской культуры.

** В литературе о Трианоне до сих пор иногда дискутируется вопрос о том, в какой мере на суровое отношение к Венгрии в Версале повлияла Венгерская Советская республика, не явился ли Трианон хотя бы в некоторой степени расплатой за социалистический эксперимент 1919 г.⁵ Не говоря уже о том, что установление (как оказалось, всего на 133 дня) власти Советов явилось во многом следствием непродуманных действий союзников, поставивших в чрезвычайно сложное положение дружественное в отношении Антанты правительство Каройи⁶, следует подчеркнуть, что делегации стран-победительниц, собравшись в Версале, руководствовались в первую очередь более прагматическими соображениями, чем простое стремление найти «меру наказания» за произошедшие в той или иной стране революционные эксцессы.

невозможным восстановление в прежнем виде политико-идеологической структуры Венгрии эпохи дуализма. Неудача социалистического эксперимента 1919 г. привела не только к дискредитации марксизма. Был нанесен серьезный удар по левой идее в любом ее воплощении. Поражение революции повлекло за собой эмиграцию многих ведущих интеллектуалов, стоявших на левых политических позициях. За пределами Венгрии оказались виднейшие мыслители О. Яси, Д. Лукач, молодой К. Манхейм, Е. Варга, братья К. и М. Полани, А. Хаузер и др. Кроме того, под влиянием событий 1918–1920 гг. происходила заметная перемена умонастроений и той части венгерской интеллектуальной элиты, которая продолжала оставаться в стране. Если накануне 1918 г. почти все, что было сильным и самобытным в венгерской культуре, тяготело к левому флангу политической жизни, то после Трианона ситуация стала меняться. Многие интеллигенты утрачивали веру в действенность и справедливость революционного пути, в их сознании происходил сдвиг вправо. Умерил свой былой радикализм влиятельнейший общественно-литературный журнал «Нюгат». Этот журнал продолжал оказывать влияние на умы, но настоящими властителями дум интеллигенции в 20-е годы оказались писатель Дежё Сабо и историк Дюла Секфю, занимавшие в то время (а Сабо и позднее) правые политические позиции. Д. Сабо в романе «Унёсенная деревня» и Секфю в книге эссе «Три поколения», ставших бестселлерами после своей почти одновременной публикации в 1920 г., пытались объяснить причины национальной катастрофы вмешательством инородных сил, причем в мировоззрении Д. Сабо особенно отчетливо проявила себя антисемитская тенденция.

Взгляды Сабо и Секфю оказали заметное влияние на формирование так называемой «христианско-национальной» системы ценностей, с начала 20-х годов выполнявшей функцию официальной идеологии хортистского режима. Выступив поначалу как относительно монолитный идейный комплекс, «христианско-национальная» доктрина в последующем распалась на несколько течений, которые при всех заметных различиях в вопросах политической стратегии и особенно тактики роднила между собой не только ярко выраженная антикоммунистическая, но и известная антилиберальная направленность. При этом спектр идей «христианско-национального» мировоззрения включал и консервативные ценности, лишённые каких-

либо великодержавных амбиций (Д. Секфю), и крайне шовинистические концепции.

Говоря об истоках «христианско-национальной» идеологии, необходимо упомянуть виднейшего идеолога венгерского католицизма начала XX в. Оттокара Прохаску (1858–1927). Сын офицера чешского происхождения, уроженец города Нитра (ныне – в Словакии), избрав для себя путь священника, он получил блестящее теологическое образование в Риме. Именно на молодые годы Прохаски пришелся один из важных исторических поворотов в деятельности римско-католического клира. Движимая стремлением восстановить пошатнувшийся авторитет церкви, отвоевать постепенно утраченные ею позиции, обеспокоенная все более широким распространением социалистической идеи, подъемом рабочего движения в развитых странах мира, ватиканская иерархия во главе с папой Львом XIII впервые за много десятилетий выступила с обстоятельной программой лечения социальных болезней. Энциклика «Рерум новарум» (1891) призывала католических священников активнее вести посредническую деятельность при урегулировании отношений между трудом и капиталом. Предусматривалось, в частности, создание в противовес социал-демократии рабочих организаций католической ориентации. На протяжении многих лет профессор теологии в Эстергоме и Будапеште, затем, с 1905 г., епископ в Секешфехерваре, Прохаска проявил себя как наиболее энергичный и последовательный сторонник «нового курса», главный его идеолог в Венгрии.

Его борьба за модернизацию католической церкви, наполнение ее деятельности социальным содержанием встречала резкое сопротивление консервативного духовенства не только в Венгрии, но и в Ватикане. Однако как лектор и публицист Прохаска был довольно популярен в начале века в среде либеральной светской интеллигенции. Между тем, не чураясь еще тогда эксплуатировать социалистическую идею, отдавая, в частности, известную дань лозунгам «христианского социализма», распространенного в то время во Франции и Италии, он и в эти годы был непримиримым противником марксовской теории классовой борьбы, выдвигал противоположную ей концепцию классовой гармонии и возрождения венгерской нации на христианских основах.

Неудача эксперимента 1919 г. придала новое звучание идеям Прохаски, влияние его взглядов за пределами церкви возрастало. Не

только правящие круги хортистской Венгрии, но и многие разочаровавшиеся в левых доктринах представители интеллигенции увидели в его концепциях наиболее действенную духовную альтернативу марксизму. «Взгляды инстинктивно потянулись к нему. Политики и народ видели в нем тайный ориентир... выразителя боли нации, ее самых высоких чаяний», – вспоминал позднее младший современник Прохаски философ А. Шютц⁷. Так епископ Прохаска вошел в число наиболее влиятельных идеологов хортистского режима. Какова же была его система взглядов?

В противовес марксизму с присущей ему апологией интернационализма и классовой борьбы последователи Прохаски делали упор на национальное начало, смотрели на нацию как на единое целое. «Национальная идея как осознание народом себя единой семьей... есть великий принцип сплочения, есть сила, способная оградить нас от разрушительных внешних воздействий, которые отрывают пролетарские слои от проявления таких наиболее естественных для человека чувств, как чувства отечества, родины, нации»⁸, – писал Прохаска. В его трактовке нации прослеживается влияние распространившейся с начала XX в. и в Венгрии «философии жизни», в том числе взглядов такого ее ведущего представителя, как Ф. Ницше. «Разве есть более естественный инстинкт, чем поддержание жизни, относится ли это к индивидууму или же ко всей нации? Есть ли более непосредственно воспринимаемая действительность, нежели общность крови, духа, судеб?.. Все это делает нацию»⁹. Разгул контрреволюционного террора на рубеже 1919–1920 гг. Прохаска пытался объяснить как «естественную реакцию нации на действия, подрывающие ее единство. Это было проявление жизненных сил нации. Его надо поддерживать, нельзя ему дать ослабнуть... Есть необходимость в вооруженной силе, если хотим жить и быть счастливыми... Сила столь же необходима, сколь вера, мораль, право»¹⁰, – так оправдывал Прохаска белый террор*.

Идеология, о которой идет речь, объявляла себя «христианско-национальной». Как соотносились в ней христианское и националь-

* Белый террор 1919–1920 гг. – отнюдь не пропагандистская выдумка марксистской историографии. Современная «посткоммунистическая» историческая наука Венгрии в лице ее наиболее серьезных представителей, считающих постыдным для себя создавать новые мифы вместо старых, не

ное начала? Прохаска видел в христианстве наднациональную идею, не отрицающую в то же время национальных ценностей: «У человечества есть общие жизненные интересы более высокого порядка в сравнении с национальными. Они нисколько не ослабляют национальную идею, а... сплавляют нации в более высокую общность»¹². Принятие венграми христианства явилось решающим шагом на пути их приобщения к европейской культуре. Христианство, а значит, религиозная культура создала венгерский народ... Наши национальные корни произрастают из Азии, но с тех пор, как привилось христианство... в исторической жизни венгерской нации, в ее духовном существовании, в ее чувствах находит проявление ее христианский характер, и поскольку венгерский дух един, нельзя провести границы между христианским и национальным»¹³. Большое внимание власти уделяли активизации церквей (не только католической, но и реформатских – кальвинистской и лютеранской), созданию общественных организаций христианского толка. Какую цель это преследовало, четче других выразил министр просвещения и культов хортистского правительства граф К.Клебельсберг: «Борьба идет между церковью и социализмом... В этой связи на венгерские церкви ложится громадная ответственность. Только сильная церковь сможет поставить преграды на пути дехристианизации человеческого духа. Беда, если церковь не выдержит испытания, проиграет в схватке с социализмом за умы людей. Именно это случилось, как мы знаем, в России... Мы должны дать нашей церкви всю ту поддержку, которая ей необходима от нас для успеха в этой борьбе»¹⁴.

Идеологи хортизма были последовательны в своем консерватизме. Острое неприятие революции 1918–1919 гг. определяло их негативное отношение не только к большевистской агитации, но и к революционному пути развития в принципе; более того, ко всей многовековой традиции национально-освободительной борьбы венгерского народа. Залог благополучия венгерской нации на протяжении последних столетий ее истории виделся ими не в конфрон-

обходит и роли регента Хорти в этих событиях»¹¹. Думается, на ослабление террора не в последнюю очередь повлияла угроза международного бойкота Венгрии: содействуя Хорти в закреплении у власти в 1920 г., представители Антанты требовали в то же время соблюдения законности, пресечения внесудебных расправ.

тации с Габсбургами, а в союзе с ними. По мнению идеологов режима, занесенные в Венгрию с конца XVIII в. идеи французского Просвещения, а затем и Великой французской революции подорвали «духовное здоровье» нации, вынудили ее свернуть в 1848–1849 гг. с легитимистского пути на «пагубный» революционный. Соглашение 1867 г., напротив, означало торжество здравого смысла. Но семена противостояния с Габсбургами, посеянные в предшествующие десятилетия, продолжали давать новые всходы. Отношение Хорти и его окружения к эпохе дуализма не было однозначным. Отмечая некоторую преемственность своего режима от системы дуализма, представители официальной «христианско-национальной» идеологии в то же время подвергали критике правительства той эпохи за чрезмерный либерализм, попустительство в отношении различного рода радикальных течений, которые, пользуясь уступчивостью властей, «прибрали к рукам» многочисленные органы печати, другие культурные институты и начали усиленно распространять «подрывные идеи» социализма и классовой борьбы, ввергнувшие нацию в пучину хаоса 1918–1919 гг. Вся ответственность за Трианон и связанное с ним ущемление интересов нации возлагалась на марксизм и – шире – революционную и отчасти даже либеральную традицию, а проводимая на протяжении всей эпохи дуализма недалеконидная политика мадьяризации национальных меньшинств оказывалась в ряду восторженных факторов.

Проблему Трианона в силу значимости ее для венгерского национального сознания не могло обойти ни одно из идейных течений межвоенной Венгрии. Естественно, она привлекала большое внимание и мыслителей «христианско-национального» направления. Выдвигаемая ими программа возрождения венгерской нации после пережитых ею потрясений одну из важнейших задач видела в установлении более справедливых государственных границ для Венгрии, чем те, что были определены Трианонским договором. В этом также содержался известный элемент полемики по отношению к большевистской традиции. Как известно, внешнеполитическая доктрина Венгерской Советской республики, ориентировавшаяся на идею мировой революции и рассматривавшая венгерские события прежде всего как одну из попыток раздуть «мировой пожар», придавала достаточно подчиненное значение вопросу о самоопределении венгерской нации в установленных территориальных границах. «Мы

воспринимали нашу революцию как часть международной пролетарской революции и никогда не подходили к ней с узковенгерской точки зрения, а всегда с точки зрения мировой пролетарской революции», – признал впоследствии Бела Кун, оценивая свои позиции 1919 г.¹⁵ Совершенно противоположным образом относились к этой проблеме идеологи «христианско-национального» направления, делавшие акцент, как уже отмечалось, на приоритет национального начала. Апелляция к фактору Трианона и связанного с ним национального унижения способствовала расширению социальной базы этой идеологии в силу того отклика, который находили в самых широких массах не только сам факт национальной дискриминации, но и социальные последствия Трианона, о чем речь уже шла выше. Особенно благодатную почву для восприятия идей ревизии Трианона составляли переселенцы из отошедших к соседним странам земель, оказавшиеся на положении изгоев в своем собственном национальном государстве. Вместе с тем «христианско-национальная» идеология не была однородна, и эта неоднородность отражала классовые различия в венгерском обществе, так и не преодоленные вопреки декларациям о единстве нации перед лицом подрывных антинациональных сил. Например, имевшие на себе отпечаток антисемитизма взгляды Дежё Сабо воспринимались прежде всего в среде джентри и мелкой городской буржуазии, вызывая в то же время настороженность крупной буржуазии еврейского происхождения*. Важно, однако, заметить, что даже традиционный консерватизм, соответствующий в первую очередь интересам крупной аристократии, извлекает уроки из опыта недавнего прошлого и, не желая целиком отдавать на откуп левым силам идею общественных реформ, под влиянием Прохаски эволюционирует в сторону все большей отзывчивости на требования социальных низов.

* Наиболее состоятельная и политически влиятельная прослойка венгерского общества – земельная аристократия – была достаточно индифферентна к еврейскому вопросу, поскольку ассимилированная еврейская буржуазия Будапешта не могла ослабить ее ведущие экономические и политические позиции в обществе. Антисемитизм исходил, главным образом, от другого правящего слоя Венгрии – выходцев из обуржуазившегося среднепоместного дворянства (джентри), которые еще с конца XIX в. видели в еврейской буржуазии серьезного и весьма преуспевающего конкурента.

Среди концепций ревизии Трианона были как экстремистские, ориентированные на насильственный путь возврата отторгнутых земель, так и умеренные, предполагавшие проведение референдумов среди жителей этих территорий и последующее решение вопроса о пересмотре границ путем переговоров и арбитражей при соблюдении международных правовых норм. Однако и в том, и в другом случае сохранялось стремление хортистской элиты подвести под свои, в известной мере, справедливые территориальные претензии солидные геополитические обоснования. Фигурой, во многом определявшей геополитическое мышление венгерского правящего слоя в межвоенную эпоху, был граф Пал Телеки (1879–1941), не только крупный политический деятель своего времени, но и ученый с мировым именем. Этот человек принадлежал к старинной аристократической фамилии, оставившей заметный след в истории венгерской нации и ее культуры. Один из его родственников Шамуэл Телеки прославился в 70–80-е годы прошлого века как организатор и финансист комплексных научных экспедиций в Центральную Азию, обогативших представления европейцев о некоторых отдаленных уголках этого региона. Решив с юных лет посвятить себя науке, Пал Телеки пошел по стопам своего дяди, еще студентом увлекся и усердно занимался географией.

В отличие от многих своих сверстников из аристократического окружения, Телеки действительно преуспел на научном поприще. Его работа по картографии Японских островов (1909), равно как и ряд последующих трудов по более общим географическим проблемам получили общеевропейскую известность, были переведены на иностранные языки. Но, занимаясь далекой Японией, Телеки не забывал и о политической карьере – еще в эпоху дуализма он был избран депутатом венгерского парламента от правящей партии. Резко не приняв революцию, Телеки уже в 1919 г. занял видное положение в лагере антикоммунистических сил (пока Будапешт находился во власти Советов, в оккупированном французами Сегеде собрались представители аристократии, стремившиеся перехватить политическую инициативу, направить ход событий в русло монархического легитимизма). В эти месяцы и произошло сближение Телеки с будущим регентом Хорти. В 1920 г., вскоре после того, как Хорти приступил к своим обязанностям главы государства, Телеки впервые стал премьер-министром и, находясь в этой должности,

пытался установить законность в стране, ограничить определенными рамками кампанию белого террора. Некоторая причастность к легитимистским политическим кругам, составившим опору Карла Габсбурга в его попытках овладеть венгерским тронem, вынудила Телеки уйти в отставку в 1921 г., уступив пост премьер-министра И. Бетлену. В последующие годы, сочетая активную политическую деятельность с научной, Телеки направил все свои усилия и весь свой интеллект на обоснование геополитической концепции хортистского режима. Рубежи «королевства святого Иштвана», раннефеодального венгерского государства, созданного в 1000 г. практически одновременно с введением в Венгрии христианства, провозглашались в его работах границами пространственного существования венгерского «национального духа» в христианскую эпоху. В геополитических концепциях графа П. Телеки и его школы утверждался тезис о несоответствии установленных Трианом границ естественному «жизненному пространству» венгерской нации, о их узости для венгерского «национального духа»¹⁶. Проблема самоопределения венгерской нации в сложившейся после войны системе международных отношений сводилась, таким образом, к необходимости расширения «жизненного пространства», а добиться этого можно было только за счет соседних государств при условии пересмотра всей Версальской системы. Действительно, эта система была отнюдь не безупречна. Но поднимая вопрос об ущемленности своей нации, хортистские идеологи не всегда в достаточной мере учитывали волю других народов, их естественное нежелание возвращаться «в Венгрию» даже при условии получения автономии, которую обещали предоставить меньшинствам после ревизии Трианона наиболее дальновидные хортистские политики. (Недоверие к обещаниям венгерских властей было обоснованным. Характерно, что когда в 1938–1941 гг. Венгрии при поддержке Германии удалось заполучить обратно ряд отторгнутых согласно договору 1920 г. земель, тогдашнее хортистское правительство не только не предоставило меньшинствам никакой автономии, но еще более усилило в сравнении с эпохой дуализма политику угнетения национальных меньшинств)¹⁷.

Идея превосходства венгров над своими славянскими и восточно-романскими соседями была неотъемлемым компонентом «христианско-национальной» идеологии во многих ее вариантах, хотя акценты ставились разные – в некоторых случаях идея превосходств

ва приобретала расистский оттенок, но гораздо чаще речь шла о том, что более длительная и богатая традиция своей национальной государственности дает венграм «историческое право» на доминирующее положение в дунайско-карпатском регионе. Одновременно утверждался тезис о культурном превосходстве венгров над славянскими народами (а также румынами) и в этой связи о культурно-просветительской миссии венгерской нации на востоке Центральной Европы. Поскольку Венгрии не удалось сохранить за собой политическую гегемонию в регионе, хортистские правительства пытались компенсировать крах своих политических амбиций утверждением собственной доминации в области культуры. Министр просвещения и культов правительства Бетлена граф К. Клебельсберг в 1922 г. выступил с крупномасштабной и вследствие экономических трудностей лишь частично осуществленной программой культурного строительства. Развитие культуры, – не уставал повторять Клебельсберг, – «это главное для нас поле боя», высокая культура – «единственное средство... способное искоренить опасный вирус революционной демагогии» и, кроме того, доказать всему миру несправедливость Трианона¹⁸. В 20-е годы возникли многие новые вузы, научные центры, музеи, библиотеки. Немалые средства выделялись на архитектуру и монументальное искусство, большое внимание уделялось издательскому, архивному делу, реставрации памятников. Предпринимая подобные шаги, консервативное венгерское правительство заботилось прежде всего о повышении своего международного престижа – неудивительно, что приоритет отдавался институтам элитарной культуры. Несколько хуже обстояли дела с культурой на другом ее полюсе и, в частности, в системе народных школ.

Одним из неотъемлемых элементов «христианско-национальной» идеологии, заимствованных из предшествующей политико-правовой традиции венгерского дворянства, явилась идея «святой короны». Уже в самые первые месяцы после свержения Венгерской Советской республики силы, стоявшие во главе нового режима, пришли к единству взглядов относительно предпочтительности монархической формы правления для Венгрии (революция октября 1918 г., приведшая к установлению республики, и события марта 1919 г., когда глава первой венгерской республики граф М. Каройи, не выдержав напора крайне левых сил, требовавших немедленного осуществления социалистических преобразований по российскому

образцу, передал им власть, воспринимались как звенья одной цепи, элементы в процессе распада венгерской нации и ее государственности). На выбор в пользу монархии повлиял не только негативный опыт демократической революции, не сумевшей направить развитие Венгрии в русло буржуазной конституционности, сказалась, несомненно, и более чем девятивековая к тому времени монархическая традиция. Ведь корона «святого Иштвана», дарованная папой римским первому королю Венгрии на рубеже X–XI вв., продолжала символизировать венгерскую государственность даже в те времена, когда последняя имела чисто номинальный характер – землям венгерской короны в монархии Габсбургов с середины XVI в. и до 1867 г. была предоставлена весьма ограниченная автономия. Гораздо более спорным в 1919–1921 гг. был вопрос о правящей династии. Попытки низвергнутых Габсбургов вновь овладеть венгерским тронном, тем самым хотя бы отчасти компенсирова свои утраты, понесенные в результате распада огромной империи, не отвечали интересам соседних молодых государств, резонно связывавших с воцарением в Венгрии прежних властителей угрозу реваншистских устремлений с их стороны. Реставрация некогда могущественной династии на венгерском престоле не устраивала и державы-победительницы, привыкшие видеть в Габсбургах надежных союзников Германии. Находившийся после 1918 г. за границей законный претендент на престол Карл Габсбург в расчете на поддержку своих не столь уж малочисленных венгерских сторонников дважды в течение 1921 г. предпринял попытки захвата власти. При этом во второй раз, в октябре, он решил прибегнуть к помощи военной силы – часть армейских подразделений перешла на сторону бывшего короля, без разрешения властей прибывшего в западную Венгрию и предпринявшего рейд на столицу. Попытка мятежа оказалась неудачной – приверженцы Габсбургов, легитимисты, не сумели овладеть сложившейся ситуацией. Опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор сторонникам Карла. Потерпев неудачу, бывший монарх бесславно покинул страну¹⁹. А вскоре Национальное собрание приняло акт, лишивший дом Габсбургов прав на венгерский престол. Немаловажную роль в принятии такого решения сыграл и тот, в чьи обязанности входило временное замещение монарха, – речь идет о регенте Миклоше Хорти. Этот человек в

1909–1914 гг. служил в Вене флигель-адъютантом императора Франца Иосифа. Полтора года регентства не прошли, однако, даром. С познанием вкуса власти стало притупляться чувство верноподданничества. В личные планы Хорти едва ли входило уступать свои весьма широкие полномочия кому бы то ни было, даже прежним (и законным) властителям. С изгнанием Карла Габсбурга с венгерской земли в борьбе за королевский трон произошла развязка, Венгрия в последующие четверть века оставалась монархией без монарха.

Консолидация хортистского режима пришлось на годы, когда во главе кабинета министров стоял граф Иштван Бетлен (1874–1947). Этот человек был прямым потомком некогда могущественных трансильванских князей, в XVII в. на протяжении нескольких десятилетий успешно отстаивавших независимость своего государства в борьбе против венского двора. Однако, если в XVII в. отношения Бетленов и Габсбургов осложнялись непримиримыми противоречиями, то в начале XX в. положение было иным: теперь молодой способный отпрыск родовитой бетленовской фамилии мог сделать хорошую политическую карьеру не иначе как при соблюдении должного пиетета перед его величеством королем Ференцем Йозефом. Старая фамильная традиция дала знать о себе лишь в начале 20-х годов. Когда Карл Габсбург попытался силой захватить венгерский престол, Бетлен был в числе тех, кто воспрепятствовал ему в этом.

В Венгрии начала 20-х годов XX в. с особой остротой стояла проблема модернизации аграрных отношений. Эту проблему не могли обойти и мыслители «христианско-национального» направления. В некоторых их концепциях, в 30-е годы получивших дальнейшее развитие в идеологии так называемых «народных писателей», крестьянство понималось как «становой хребет» нации, ее опора, хранитель глубинных национальных традиций. Иногда оно противопоставлялось городским слоям, в большей степени испытавшим на себе влияние чуждых венгерскому «национальному духу» начал. «Венгерская нация древними узами привязана к земле. Нам надо прочно обосноваться на земле, и никакая опасность не будет нам угрожать»²⁰, – писал Прохаска. В начале 20-х годов бетленовским правительством проводится земельная реформа – куца в сравнении с заявленными в программе мерами, не сумевшая остановить процесс обнищания основной массы крестьянства. Все земли, принад-

лежавшие аристократии, остались у прежних владельцев. Единственное исключение было сделано для опального графа М. Каройи, чьи богатейшие наследственные земельные владения были полностью и безвозмездно конфискованы²¹. Все же обещаниями более кардинальных реформ и установления порядка в стране Бетлену и Хорти удалось склонить к поддержке своей политики силы, представлявшие интересы наиболее зажиточного крестьянства. Лидер Партии мелких сельских хозяев И. Надьатади Сабо получил министерский пост, а сама эта партия не только перестала быть оппозиционной, но довольно быстро прекратила свое существование, растворившись в бетленовской партии единства (восстановление Независимой партии мелких сельских хозяев произошло только в 1930 г., в условиях экономического кризиса, еще более обострившего аграрную проблему в стране).

Партия единства, по замыслу своего создателя, как бы символизировала консолидацию нации, преодоление ее раскола перед лицом «антинациональных» внешних сил, подготовивших трианонскую катастрофу. В этой партии, по словам одного из мемуаристов, «как в хорошей лавке можно было найти все: и земельного магната, и джентри, и фабриканта, и банкира-еврея, и поборника христианства, и буржуа, и кулака»²².

Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ) в 20-е годы сохранила право на легальное существование и даже парламентское представительство, хотя ее деятельность была поставлена в строгие рамки. Подписав соглашение с правительством, руководство СДПВ обязалось не применять такое орудие как политические забастовки, не агитировать за республику, поддерживать внешнюю политику режима, отказаться от работы среди крестьянства²³.

В лице Бетлена Хорти имел, вероятно, лучшего за долгие годы своего правления советника по внешнеполитическим вопросам. Способность премьер-министра идти, там где нужно, на компромисс со своими внутривнутриполитическими противниками сочеталась в нем с реализмом во внешней политике. Идея ревизии Трианонского договора продолжала занимать главное место в официальной системе ценностей, вместе с тем Хорти и Бетлену, занимавшему пост премьер-министра до 1931 г., хватало здравого смысла не обострять отношения ни с западными державами, победившими в войне, ни с соседними странами. Вопрос об изменении статуса Венгрии в ре-

гионе ставился в зависимость от пересмотра всей Версальской системы, образования более устойчивой системы международных отношений в Центральной Европе²⁴. Наиболее близким своим союзником Хорти и его окружение в 20-е – начале 30-х годов считали Италию, с которой в 1927 г. был заключен договор. Непримири-мость отличала их отношение к СССР. «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – такова была позиция регента, изложенная в одном из писем²⁵. Правда, в буржуазных кругах осознавалась выгода экономических отношений с советским государством, тем более что Венгрия находилась во враждебном окружении стран Малой Антанты* и искала различные пути выхода из внешнеполитической и внешнеэкономической изоляции. В 1924 г. была предпринята первая попытка установить дипломатические отношения с СССР, но парламент отказался ратифицировать уже подписанное соглашение²⁶.

Кризис 1929–1933 гг. не только резко усугубил экономическую ситуацию в стране, но оказал немалое воздействие на политическое развитие Венгрии. Осознав свою неспособность вывести страну из глубокой депрессии, в 1931 г. ушел в отставку Бетлен, завершился связанный с его именем период консолидации. В политической жизни неизменным оказался процесс поляризации, правительственная партия единства все более сталкивалась как с левой, так и с правой оппозицией, возникли и оформились новые политические движения: на левом фланге – воссозданная Независимая партия мелких сельских хозяев, несколько позднее – движение «народных писателей», на правом фланге – партии профашистской ориентации.

В 30-е годы, в новых условиях, произошли изменения и в христианско-национальной идеологии. В это время в ней обозначилось несколько идейных образований. Лишь некоторые из них эволюционировали в направлении правого радикализма, для большинства же идеологов христианско-национального направления фашизм был в корне неприемлем и, не в последнюю очередь, из-за своего демонстративно антихристианского характера. Интересно в этой связи ду-

* В основе блока лежал ряд договоров, заключенных между Чехословакией, Румынией и Югославией. Сближению этих государств способствовала наряду с прочими факторами их общая цель – воспрепятствовать возможным реваншистским устремлениям Венгрии.

ховное развитие Д. Секфю. Уже к концу 20-х годов он разочаровался в возможностях подлинного возрождения венгерской нации на тех идейных основаниях, что были предложены после падения Венгерской Советской республики. В дальнейшем Секфю с позиций консервативного гуманизма подверг острой критике планы установления в Венгрии тотальной фашистской диктатуры и в конечном итоге оказался в лагере антифашистского сопротивления. В 1946–1948 гг. он был первым послом Венгрии в СССР.

Все же консерватизм не сумел стать той духовной силой, которая смогла бы составить преграду на пути все большего сближения Венгрии с Третьим рейхом. В своем стремлении преодолеть внешнеполитическую изоляцию она все более ориентировалась на Германию, также глубоко неудовлетворенную установлениями Версальской системы и жаждавшую реванша. Мечтая заполучить обратно Трансильванию, другие отторгнутые Трианоном земли, Хорти и его окружение рассчитывали на понимание всегда могущественной, хотя теперь и ущемленной державы, также стремившейся к пересмотру границ в Европе. Крупный венгерский ученый-политолог И. Бибо в своей работе 1946 г. показал связь между Трианонским договором 1920 г. и судьбой Венгрии во второй мировой войне. «Венгерское политическое мышление, – писал он, – расценило раздел Венгрии как жестокое насилие, как лицемерный шаг стран-победительниц и оказалось неспособным ощутить различие между отделением созревших для этого иноязычных территорий и немотивированным и несправедливым отторжением земель с венгерским населением. В результате оно так и не смогло освободиться от иллюзорной мечты о великой исторической Венгрии (т. е. о Венгрии в границах империи святого Иштвана XI в. – А.С.), и в душевном настрое венгров все более определяющим стало сознание того, что Европа совершила по отношению к ним вопиющую несправедливость. На этом основании после 1938 г. Венгрия сочла себя свободной от каких-либо обязательств по отношению к Европе, и когда ей представилась возможность изменить свой территориальный статус, она не пожелала ограничиться лишь венгерскими территориями, а, насколько позволяли возможности, попыталась осуществить свою мечту о великой исторической Венгрии, вступив на путь, который прямо вел ее к катастрофе 1944 года, когда венграм пришлось уже окончательно расстаться с иллюзией о великой исторической Венгрии»²⁷.

Как известно, Третий рейх пошел на уступки Венгрии в ее территориальных претензиях. В результате захватов, санкционированных Гитлером, и в соответствии с Венскими арбитражами 1938 и 1940 гг. венгерская сторона в 1938–1941 гг. получила обширные земли – большую часть Трансильвании, часть Словакии, Закарпатье, Воеводину. Крайне правые силы использовали присоединение ряда земель венгерской короны для раздувания шовинистического угара, слышнее становился голос тех, кто толкал Венгрию ко все большему сближению с Германией. Фактор трианонской катастрофы и в это время продолжал в значительной мере определять настроения в венгерском обществе. Многие венгры связывали с победой Германии надежды на дальнейшее расширение рубежей своего государства, присоединение к нему и других земель венгерской короны – Южной Трансильвании, Восточного Баната, Северной Словакии. Перелом в общественном сознании стал намечаться только после серьезных неудач Германии и ее сателлитов на Восточном фронте.

Роль Венгрии во второй мировой войне не давала ей оснований полагаться на благосклонное к себе отношение со стороны не только СССР, но и западных держав при решении вопроса о ее статусе в послевоенной Европе. Государства-победители не пошли ей навстречу в территориальных претензиях (в это время Венгрия рассчитывала на присоединение сравнительно небольшой территории – части Северной Трансильвании). Парижский мирный договор 1947 г. определил для Венгрии границы, с незначительными изменениями, опять же не в ее пользу, совпадавшие с теми, что были установлены в Трианонском дворце в 1920 г. Новый расклад сил в Центральной Европе, превращение Венгрии, как и соседних Румынии, Чехословакии (а до 1948 г. и Югославии), в сателлита Советского Союза, последовательная установка СССР на недопущение внутренних распрей в восточноевропейском блоке сделали невозможной в последующие десятилетия постановку вопроса об установлении более благоприятных границ для Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ormos M. Magyarország a hatalmi játékterekben // Világosság.* 1990. N 8–9. См. также дискуссию о Трианоне: *Világosság.* 1988. N 4.

² На русском языке см.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М., 1981. Гл. 3.

³ В договоре был в то же время затронут вопрос о гарантиях национальных меньшинств в Венгрии, однако этот вопрос не был столь актуален, поскольку в новой, посттрианонской Венгрии национальные меньшинства составили лишь незначительный процент населения. См.: *Galantai J.* Trianon és a kisebbségvédelem. A kisebbségvédelem nemzetközi jogrendjének kialakulása. 1919–1920. Bp., 1989.

⁴ *Papp O.* Felszabadulás művészete (vázlat és emlékezés) // *Kultúra és közösség.* Bp., 1983. 5 sz. 11 old.

⁵ См. ряд статей о Трианоне : *Világosság.* 1990. № 8–9 и дискуссию: *Ibid.* 1988. № 4.

⁶ О ноте Вика и ее последствиях см.: *Пушкаш А.И.* Указ. соч. Гл. 1.

⁷ Цит. по: *Gergely J.* A «keresztény-nemzeti» ideológia (1919–1944) // *Társadalmi szemle.* 1986. 2 sz.

⁸ *Prohászka O.* Összegejtött munkái. Bp., 1928–1929. XI köt. 287 old.

⁹ Цит. по: *Gergely J.* Op. cit.

¹⁰ *Prohászka J.* Összegejtött munkái. XXII köt. 217 old.; XXV köt. 256 old.

¹¹ См., например: *Ormos M.* Ismerjük-e Horthy Miklóst? // *Kritika.* 1991. 2 sz.

¹² Цит. по: *Gergely J.* Op. cit.

¹³ *Prohászka O.* Összegejtött munkái. XX köt. 310 old.

¹⁴ Цит. по: *Krajkó A.* A «keresztény kurzus» művelődéspolitikájáról // *Irodalomtörténeti dolgozatok,* 37 sz. Szeged, 1964. 21–22 old.

¹⁵ *Кун Б.* О Венгерской Советской Республике. М., 1966. С. 365.

¹⁶ См.: *Tilkovszky L. Pál Teleki* (1879–1941). A Biographical Sketch. Bp., 1974.

¹⁷ *Tilkovszky L.* Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. 1938–1941. Bp., 1967.

¹⁸ *Klebensberg K.* Beszédei, cikkei és törvényjavaslati. Bp., [é.n.]. 365, 638 old.

¹⁹ *Пушкаш А.И.* Указ. соч. Гл. 3.

²⁰ Цит. по: *Gergely J.* Magyarország története 1919 ősztől a II. világháború végeig. Bp., 1990. 70 old.

²¹ О результатах аграрной реформы 20-х годов см.: *Gunszt P.* A paraszti társadalom Magyarországon a két világháború között. Bp., 1987.

²² *Дарваш Й.* Город на трясине. М., 1977.

²³ См.: *Sipos P.* Legális es illegális munkásmozgalom (1919–1944). Bp., 1988.

²⁴ См.: *Romsics I.* Ellenforradalom és konszolidáció. A Horthy-rendszer első tíz éve. Bp., 1982.

²⁵ Цит. по: *История Венгрии.* М., 1972. Т. 3. С. 292.

²⁶ См.: *Пушкаш А.И.* Указ. соч. Гл. 3.

²⁷ *Бибо И.* Нищета духа малых восточноевропейских государств // *Венгерский меридиан (Будапешт).* 1991. № 2. С. 51.

Венгерская социал-демократия об авторитарных режимах

Названная тема значительно перерастает узкие рамки данной статьи. Чтобы все-таки показать – пусть и схематично – позицию венгерской социал-демократии в этом вопросе, мы проанализируем несколько высказываний, которые могут быть оценены как характерные. Их выбор в тематическом плане ограничивается проблемами диктатуры пролетариата и большевизма, контрреволюционного режима в Венгрии, наконец, вопросами фашизма и борьбы против него. Временные границы нашего обзора охватывают 1918–1939 гг. Если же говорить о выборе конкретных персоналий, то в центре нашего внимания оказались характерные высказывания, точки зрения двух видных идеологов и политических лидеров венгерской социал-демократии, Жигмонда Кунфи и Иллеша Монуша.

Кунфи, как известно, был представителем левого крыла Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ), который, благодаря своему решительному пацифизму и радикальной программе демократического (и в перспективе: социалистического) преобразования страны, приобрел все более значительное влияние в руководстве партии. Он с воодушевлением приветствовал российскую революцию (как ее февральское начало, так и Октябрьский переворот), увидев в ней реальную возможность осуществления идей социализма. В феврале 1918 г., на внеочередном съезде партии, Кунфи заявил: «Мы считаем большевизм принципиальным проявлением и осуществлением социализма. Все то, что было проделано большевистской революцией, большевистским правительством, знаменует собой настоящее моральное оправдание, величие мировоззрения социалистического движения. Мы непременно хотим создать новое общество с теми же идеями – и в случае надобности – теми же методами, что и большевики».

Спустя год, весной 1919 г., когда демократическая революция в Венгрии оказалась в критическом положении, Кунфи под влиянием бурного развития революционных процессов во всей Европе вместе с большинством товарищей по руководству СДПВ подписал акт об

объединении с коммунистической партией, так как верил в возможность применения «тех идей и методов», в необходимости которых теперь, весной 1919 г., надеясь на перелом в революции в Центральной Европе, он был глубоко убежден. После десятилетий существования социал-демократической организации, ее участия в профсоюзной борьбе, в работе по культурному образованию рабочих масс, писал Кунфи в конце апреля 1919 г., пролетариат в эпоху возможного осуществления социалистической революции должен встать на позиции большевизма. Он был убежден, что без *вооружения* рабочих, без *разоружения* буржуазии, социализм может остаться лишь пожеланием, преисполненным наивности, – в *действие* его приведет *теория и тактика большевизма*. «Даже весь экстремизм, беспощадность, нетерпеливость, заблуждения большевизма были и будут нужны для того, чтобы разбить экономические путы капитализма и политические оковы государства империалистического капитализма... В эпоху капитализма, не распространившегося через границы отдельных государств, социал-демократия была революционной силой; *в эпоху международного империализма эту роль перенял коммунизм и только он может ее исполнить*... В наши дни все истинные социалисты и революционеры должны связать будущее социализма с диктатурой пролетариата», – добавлял Кунфи, еще более ярко обозначив таким образом свою позицию.

Однако, спустя несколько недель, в статье, озаглавленной «Методы диктатуры», Кунфи предостерегал, что до тех пор, пока не осуществится международная революция, необходимо более осторожно проводить диктатуру пролетариата, продвигаться не столь быстрыми темпами. Диктатура должна считаться, продолжал он, как с внутренним, так и с внешним положением Венгерской Советской республики; ведь отдельные перегибы ослабляют, разрушают базу пролетарской власти. Кунфи вместе с тем отмежевался от излишних проявлений «неомилитаризма»; требовал прекращения нападков на профсоюзы и расширения свободы печати – она должна иметь возможность для критики, которая способствовала бы исправлению отдельных ошибок диктатуры.

После подавления Советской власти в Венгрии, будучи уже в эмиграции в Вене, Кунфи не отрицал идею рабочей власти, однако создание Венгерской Советской республики он оценивал теперь не в качестве составной части «мировой революции» (которая, в конеч-

ном счете, оказалась иллюзией), а называл «отчаянным экспериментом», на который решились левые социал-демократы в стремлении избежать своего противостояния рабочим массам, желавшим революции. «Мы не хотели брать на себя роль Носке», – конкретизировал он. Вместе с тем Кунфи подвергал анализу и критике экономическую политику венгерской коммуны, особенно в области аграрных отношений, главным же образом он отмежевался от способов применения принципов диктатуры пролетариата, сочтя методы российской гражданской войны в условиях Венгрии излишними. (По этим вопросам развернулась его острая дискуссия с Д. Лукачем и Б. Куном, с одной стороны, и с Э. Гарами – с другой.)

После спада волны революций в Европе Кунфи более основательно проанализировал реальные возможности революционных действий в ситуации, сложившейся вследствие мировой войны. Он считал теперь, что «у венгерского пролетариата отнюдь не хватает сил для того, чтобы держать под своим контролем все общественное развитие; степень его зрелости не позволяет ему уже в этот исторический период стать господствующим классом общества». Кунфи добавлял при этом, что все это относится в полной мере и к российскому пролетариату. Он сформулировал задачи пролетариата в новых исторических условиях.

Мировой пролетариат *все же* должен спасти русскую революцию, не должен допустить, полагал Кунфи, чтобы верх взяли русская и международная контрреволюция и реакция. Силы русской революции сами должны найти реальный и вместе с тем демократический путь развития.

Вторая задача: *«необходимо низвергнуть венгерскую контрреволюцию»*.

Одновременно успешное решение этих двух задач может привести к укреплению сил демократии и социализма в Европе. Кунфи жестко выступал против разгула террора со стороны контрреволюционных венгерских офицерских соединений; в созданной при его участии газете «Вилагошшаг» («Свет») он регулярно разоблачал беспощадные гонения на сторонников демократии и социализма, особенно резко осуждая кровавые расправы с политическими противниками (как в случае с Б. Шомоди и Б. Бачо – сотрудниками центральной газеты партии «Непсава»). Этот лидер социал-демократии оценивал контрреволюционный режим в Венгрии как особую форму

диктатуры буржуазии, однако проблемами соотношения классовых сил, структуры и механизмов действия раннего хортистского режима он не занимался.

Кунфи сотрудничал в группе «Вилагошшаг» с такими левыми социал-демократами, бывшими народными комиссарами Венгерской Советской республики, как В. Бэм, З. Ронаи, Ш. Гарбаи. Будучи активным деятелем 2^{1/2} Интернационала, одинаково отмежевываясь как от реформистских, так и от крайне революционных течений внутри международного социализма, он старался представлять концепцию *революционно-демократического социализма*. В это время в первой половине 20-х годов – Кунфи нередко критиковал II Интернационал, который, по его мнению, «даже теперь, в эпоху революций» считает своей первой задачей проведение отдельных реформ. В противовес этому другая крайность – III Интернационал – действует по отвлеченным «революционным» схемам, причем считает свои цели достижимыми исключительно методом насилия, установления диктатуры пролетариата. К тому же, заявлял он, эта организация находится в подчинении у русских коммунистов, которые делают ее орудием осуществления своих интересов. Однако путь русской революции, методы ее не являются приемлемыми для рабочего класса европейских государств.

Кунфи следующим образом резюмировал свою точку зрения в этом вопросе: «Пролетариату угрожают, с одной стороны, стремления к революционному путчу во что бы то ни стало; к революционному романтизму, считающемуся с действительными возможностями; к увлечению революционным милитаризмом и апологией насилия; с другой же стороны, ему угрожают увлечения реформами во что бы то ни стало; излишнее соглашательство; неспособность к раскрытию и использованию революционных ситуаций». От этой позиции он уже не отступал до конца своей жизни.

* * *

В изменившихся условиях начала 30-х годов Иллеш Монуш в основном продолжал развивать вышеизложенную позицию Ж. Кунфи. В центре политической концепции Монуша стояла задача защиты демократических ценностей, и он отвергал всякие попытки применения методов диктатуры как в рабочем движении, так и –

шире – в политической жизни, в международных отношениях. Исходя из этого, он не считал компартию представительницей интересов рабочего класса, называя ее группой заговорщиков, руководимой строго централизованной организацией – Коминтерном, который является не чем иным, как орудием государственных интересов СССР. В силу этого Монуш принципиально отрицал концепцию «единого рабочего фронта», представленную коммунистами, не выступая в то же время против членов нелегальной компартии внутри социал-демократических организаций, если они придерживались рамок легальных форм деятельности СДПВ.

С приходом к власти Гитлера, с усилением фашизма в международном масштабе Монуш все более остро осознавал угрозу, нависшую над Европой. В новых условиях он старался дать правильные ориентиры массам, приверженным демократии и социализму. В статьях на страницах газеты «Непсава», журнала «Социализмуш» он выступал с анализом новых опасных явлений в Европе. Этой же цели служила публикация им в журнале «Социализмуш» статьи К. Каутского «Пределы насилия», отвергающего наступательную антифашистскую тактику О. Бауэра и левых социалистов; в то же самое время Монуш издал брошюру последнего о февральском антифашистском восстании австрийских рабочих, причем в предисловии выразил солидарность как с повстанцами, так и с позицией левых социалистов. Вместе с тем Монуш резко осуждал «тактику насилия», предлагаемую коммунистическими партиями; в начале 1935 г. он даже применял формулировку: «фашистская диктатура и пролетарская диктатура – это близнецы».

В качестве альтернативы требованию коммунистов о создании «единого рабочего фронта» Монуш считал необходимым разработать «социалистический рабочий план» с программой расширения демократических свобод, оттеснения фашистских тенденций как в отдельных государствах, так и в международном масштабе. Помимо этого, подчеркивал он, необходимо развернуть «духовное сопротивление» фашизму. Этой цели служил специальный *антифашистский номер* журнала «Социализмуш», в котором многие видные представители интеллигенции и социалистического движения поместили статьи о проявлениях фашизма, о методах борьбы против него и т. д. Монуш в передовой статье этого выпуска журнала характеризовал фашизм как «прославление государственного могущества и наси-

лия», как форму политического господства, напоминающую «абсолютную власть видоизмененного средневекового сословного государства». В сфере экономики фашизм – это подготовка к войне; в области внешней политики – постоянное присутствие агрессии и экспансии; в духовной жизни – манипуляция массами с помощью культуры, науки, прессы. «Фашизм существует наперекор всему тому, – суммировал он свою позицию, – что было создано Великой французской революцией в ходе развития общества».

Монуш с воодушевлением приветствовал успехи международной борьбы против фашизма – победу народного фронта в Испании и во Франции. Он направил собственного корреспондента газеты «Непсава» Имре Гергеля в Испанию; печатал корреспонденции З. Ронаи из Франции. Монуш констатировал, что успехи народного фронта в этих странах привели к укреплению антифашистских сил и в международном масштабе, способствовали их сближению и сплочению. Он с радостью приветствовал позитивные изменения в международном статусе Советского Союза, его вступление в Лигу Наций, активное выступление за создание антифашистской коалиции с участием Франции, Чехословакии, Советского Союза. Подчеркивая международное военно-политическое значение этих шагов, Монуш в то же время связывал с ними свои надежды на возможность демократизации внутренней жизни СССР, имея в виду в первую очередь новую советскую конституцию как рычаг в этом преобразовании. Некоторые сомнения у него все же оставались. «Коммунисты меняют свою политику постольку, – писал он в этой связи, – поскольку СССР в защите своей родины нуждается в поддержке со стороны западных (прежде всего французской) демократий».

Такую же цель преследует и тактика народного фронта, проводимая Коминтерном, утверждал он. На вопрос, возможен ли народный фронт в Венгрии, он отвечал утвердительно, однако с оговоркой, что такое сотрудничество допустимо лишь внутри легально действующей Социал-демократической партии Венгрии.

Надежда Монуша оказалась кратковременной. Уже в сентябре 1936 г. он был вынужден защищаться от нападков со стороны крайне правых политических группировок в Венгрии. Монуш подчеркивал, что СДПВ «не только не имеет ничего общего с большевизмом, с его "единым фронтом", с III Интернационалом, а напротив, она неиз-

менно выступает в самой решительной форме против них. СДПВ стоит одновременно на позициях антифашизма и антибольшевизма».

Кроме того, изменению его позиции содействовали события в Советском Союзе. Проходившие в Москве громкие судебные процессы Монуш резко осуждал как новую форму проявления диктатуры, видя в происходящем «органическую часть большевизма». Вместе с тем он счел необходимым особо акцентировать свое мнение, написав о непосредственной причине этих событий следующее: «Кажущаяся “рабочая власть” в Советском Союзе вводит многих в заблуждение. Массы без всякой объективной проверки, руководствуясь ненавистью к фашизму, к реакции, делают выбор в пользу системы отношений в Советском Союзе, хотя одинаково следует отвергать всякое насилие, всякую диктатуру, одинаково следует выступать против всяких угнетателей духа, свободы личности, не смотря на то, каков цвет диктатуры в той или иной стране».

Эту же мысль Монуш развивал на съезде своей партии в апреле 1937 г. Он характеризовал судебные процессы в Советском Союзе как расчет нового поколения выдвинутых революции со старой гвардией, добавляя при этом: «Такова участь каждого общества и каждого государства, из которого исключается демократия». Монуш подчеркивал, что происходящее в СССР не имеет ничего общего с социализмом. «Социализм следует строго отличать от Советского Союза и большевизма, – говорил он. – СССР – это форма политического, государственного господства; социализм же – это общество будущего. И мы не хотим передать идею общества будущего следующему поколению скомпрометированной».

Надежды на антифашистский народный фронт к этому времени также постепенно развеялись, главным образом вследствие произошедших изменений в расстановке сил и из-за внутренней борьбы в рядах сторонников народного фронта в Испании. Монуш отвергал насильственно насаждавшуюся в этой стране позицию коммунистов, согласно которой рабочий класс должен стать руководящей силой народного фронта, чтобы таким образом постепенно трансформировать антифашистские выступления за демократию в борьбу за диктатуру пролетариата. Рабочий класс не может стать руководящей силой в антифашистских действиях, утверждал он, считая, что это задача «просвещенной буржуазии», которая поддерживается рабочим классом. Нельзя одних лишь рабочих «бросить» на передовую в

антифашистской борьбе, так как это даст возможность буржуазии устранить, что может, в свою очередь, привести к обескровлению рабочих. Вокруг этого вопроса развернулась острая полемика между Монушем и Йожефом Реван, который выступал за руководящую роль рабочего класса, возглавляемого коммунистами.

Советско-германский договор 23 августа 1939 г. Монуш расценивал как трагедию рабочего движения, акт предательства советских руководителей, видел в нем «союз диктатур». Он воспринимал развязывание войны как следствие временного перевеса сил фашизма и торопил начало сплочения демократических сил. В 1941 г., после создания антифашистской коалиции, его голос стал более оптимистическим. Свою энергию теперь он направлял на подготовку кадров партии, чтобы в послевоенный период она могла достойным образом представлять силы демократии и социализма. С этой целью он организовал рабочую академию, руководил курсами, на которых обучались молодые члены партии.

Ему не довелось дожить до окончания войны. В марте 1944 г. при оккупации Венгрии немецко-фашистскими войсками, он был арестован гестаповцами, позднее, при правительстве Г. Лакатоша (в августе 1944 г.), освобожден, а в ноябре 1944 г. снова схвачен и убит салашистами.

* * *

Два трагических жизненных пути – Кунфи и Монуша, наполненные то воодушевлением и решительностью, то огорчениями и отчаянием, однако неизменно насыщенные оптимизмом, могут послужить примером борьбы против авторитарных режимов и диктаторских методов управления народами, в защиту ценностей демократического социализма. Хотя оба они давно ушли из жизни, работа их дела, их идей все более подтверждается временем.

Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: некоторые политические аспекты (По новым материалам архивов России)

В связи с частичным открытием ранее секретных фондов ряда российских архивов для отечественных исследователей создались реальные условия преодоления прежней идеологической заданности в трактовке советского присутствия в регионе в 1944–1948 гг.

Первые итоги освоения нового архивного материала по данной проблеме представлены нами в ряде публикаций¹.

Сама же проблема отнюдь не является новой: именно она была на протяжении многих лет объектом острого противостояния советских и западных исследователей, трактовавших ее с диаметрально противоположных позиций. Если на Западе рассматривали присутствие Красной Армии в Восточной Европе как новую оккупацию, которая исключала какие-либо варианты в послевоенном развитии стран региона, то в СССР это присутствие однозначно определялось как позитивный фактор, обеспечивавший продвижение к «подлинной демократии».

Думается, что исследуемый исторический феномен был явлением куда более сложным и вряд ли он может подлежать однозначному толкованию.

В настоящей статье, не ставя задачу раскрыть все аспекты воздействия советского фактора на политические процессы в регионе, мы хотели бы привлечь внимание к двум, казалось бы, взаимоисключаемым тенденциям в советской внешней политике в Восточной Европе. Речь идет об использовании руководством СССР политических компромиссов, с одной стороны, и прямого силового, в том числе и военного, воздействия – с другой, для обеспечения интересов советского государства, как их понимала правившая тогда политическая верхушка.

Известно, что присутствие СССР в регионе являлось согласованным международно-правовым актом, направленным изначально на реализацию совместных решений «большой тройки», и было мо-

тивировано задачами разгрома фашизма, обеспечения тыла Красной Армии и выполнения положений Декларации об освобожденной Европе, принятой на конференции в Крыму (февраль 1945 г.).

Как показывают документы тех лет, советское руководство видело смысл военно-политического присутствия СССР в Восточной Европе не в насаждении классического оккупационного режима и немедленном осуществлении советизации с помощью вооруженной силы. Главная задача на том этапе сводилась к обеспечению участия во власти в восточноевропейских странах тех политических сил, которые так или иначе ориентировались на СССР. Без сомнения, в первую очередь речь шла о коммунистах, которые до второй мировой войны во всех этих странах, за исключением Чехословакии, оставались внесистемной структурой.

Документы НКВД СССР и ЦК ВКП(б) показывают, что в 1944–1945 гг. политико-психологическая ситуация в большинстве государств региона давала СССР возможность политическими методами выполнить роль посредника между различными легальными партиями и движениями, выступавшими под лозунгами демократизации послевоенного общества. В свою очередь почти все некоммунистические силы, вышедшие на политическую арену после войны, признавали не только «западный», но и «советский фактор» в качестве одного из важнейших регуляторов внутренних процессов. Стремление к взаимодействию с СССР как осознанную необходимость демонстрировали многие признанные в обществе политические лидеры, далеко не просоветски настроенные. Так, старейшина польского крестьянского движения В. Витос наставлял своих сторонников: с Советами надо дружить, целоваться не обязательно. Румынский либерал Г. Татареску объявлял ориентацию на СССР основой своей политики².

Немаловажную роль в признании советского военно-политического присутствия, необходимости сотрудничества с советской стороной и стоявшими за ней компартиями сыграл «германский фактор». Вне зависимости от того, существовала ли тогда реальная угроза со стороны Германии или это был стереотип общественного мнения военных лет, пролонгированный на послевоенный период, «германский фактор» оказывал серьезное влияние как на «стягивание» различных политических сил в блоки и коалиции, так и на внешнеполитическую переориентацию их на СССР.

В Москве улавливали воздействие этого фактора на обществен-

ные настроения и позиции правящей элиты, особенно в славянских странах, на потенциальные возможности использования антигерманских настроений в политических целях.

Записи бесед советских дипломатов с многочисленными и самыми разными политиками (Д. Марошан, А. Сакашич, Ф. Надь, Ю. Циранкевич, С. Матушевский, А. Оббов, Г. Рипка и др.) оставляют впечатление, что шла некая борьба за партнерство с СССР. Эти же документы отражают и стремление последнего к взаимодействию и контактам не только с идейно однотипными партиями, но и с политиками некоммунистического профиля. Курс на достижение компромиссов и формирование демократических блоков как основы коалиционной власти выступает важнейшим элементом советской внешней политики. Документальным подтверждением в этом отношении может быть резолюция заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского от 19 января 1945 г. на первой странице записи беседы сотрудника Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Румынии С. Дангулова с Г. Татареску: «Сообщите Дангулову, что нужно поддерживать связи и отношения с Татареску»³.

Эта же тенденция подтверждается реакцией советского посланника в Венгрии Г. Пушкина на итоги выборов в Будапеште в 1945 г., проигранных, как известно, коммунистами: «Компартия Венгрии отошла от общей линии, принятой в Югославии, Болгарии, Румынии и Финляндии*, где были созданы избирательные блоки дем. партий». Г. Пушкин настойчиво доказывал, что с демократическими задачами может справиться только «блок демократических партий, организованный на мирной основе, то есть блок коммунистов не только с социал-демократией, но и с национально-крестьянской партией и обязательно с независимой ПМСХ, как с самой влиятельной партией в стране»⁴.

Отправлявшиеся тогда в компартии ориентировки ЦК ВКП(б) были того же плана. Архивные документы дают многочисленные примеры на этот счет. А.А. Жданов, возглавлявший СКК в Финляндии, весной 1945 г. упорно внушал финским коммунистам: «...В одиночку ничего не проведете... Блок важнее, чем комбинации в правитель-

* Присутствие Финляндии в этом перечне, на наш взгляд, отнюдь не случайно, ибо представители компартии этой страны не только участвовали в коалиционной власти, но и контролировали силовые структуры.

стве... Вам нельзя изолироваться от других фракций сейма, если вы не хотите остаться в условиях блестящей изоляции... Прочное правительство надо создавать на демократической основе»⁵.

В тот же период в ЦК ВКП(б) отвергали даже намеки на политику советизации. «Вспышки» левого радикализма в компартиях Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии резко «гасились» советской стороной, что вовсе не было случайным. Проявления «коммунистической революционности» явно не состыковывались с концепцией мирного, парламентского, национального пути к социализму, которая вплоть до середины 1947 г. активно продвигалась И.В. Сталиным, А.А. Ждановым, Г.М. Димитровым в международное коммунистическое движение. По этому поводу есть прямые данные в записных блокнотах А.А. Жданова за лето 1944 г.⁶

Была ли ориентация руководства СССР на существенно отличный от советского путь к социализму стран Восточной Европы (и не только их) лишь его тактическим маневром или за этой идеей стояли попытки после второй мировой войны переосмыслить мировое развитие и кровавый внутренний опыт СССР? На основе доступных архивных материалов дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня затруднительно.

Но независимо от того, был ли это тактический ход или долгосрочный стратегический план, концепция национального пути к социализму, ориентированная на внутривластный компромисс и общественную консолидацию, имела убежденных сторонников из числа таких политических прагматиков в руководстве ряда компартий, как К. Готвальд, В. Гомулка, Г. Димитров, Й. Реваи, Л. Патрашкану и др. Этой частью руководства компартий стран Восточной Европы концепция национального пути была воспринята как стратегический курс, который достаточно последовательно ими реализовывался в 1944–1945 гг. И в 1946 г., и на рубеже 1946–1947 гг. расстановка внутренних сил в большинстве стран региона была такова, что возможности развития в соответствии с этой концепцией не были еще исчерпаны.

Ни одна из политических сил в Восточной Европе не могла парламентским путем (а иной путь тогда исключался) сосредоточить власть полностью в своих руках. Во внутривластной ситуации восточноевропейских стран все еще реален был партийно-политический компромисс. И в Москве, по-видимому, идея участия ком-

партий в демократических блоках продолжала рассматриваться как актуальная. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует реакция А.А. Жданова на выход французских коммунистов из правительства.

2 июня 1947 г. Жданов направил письмо в ЦК ФКП, которое позволяет утверждать, что Москва не ожидала такого поворота событий во Франции: «...Многие думают, – писал Жданов, – что французские коммунисты согласовали свои действия с ЦК ВКП(б). Вы сами знаете, что это неверно, что для ЦК ВКП(б) предпринятые вами шаги являются полной неожиданностью»⁷. Еще большая тревога звучала в черновом варианте этого письма: «Для ЦК ВКП(б) крутое изменение обстановки и соотношения сил во Франции в неблагоприятную для коммунистов сторону явилось полной неожиданностью. Сообщения, которые поступают в печать о позиции компартии, противоречивы и не дают возможности понять, что же произошло во Франции»⁸.

К этому времени в европейской международной ситуации обозначились новые тенденции: в отношениях СССР с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стала преобладать конфронтация, прежде всего по германскому вопросу и проблемам будущего Восточной Европы. Эта ставшая очевидной конфронтация развивалась на фоне изменения общественных настроений в Западной и Северной Европе. «Маятнику» этих настроений в 1947 г. «уходил» от «революционного радикализма» к эволюционному развитию на принципах либеральной демократии. Такая смена ориентаций проявилась в поражении коммунистов на выборах в Финляндии, удалении представителей компартии из итальянского правительства, в фактическом поражении коммунистического сопротивления в Греции, в нарушении взаимодействия социалистов и коммунистов не только во Франции и Италии, но и в ряде стран Восточной Европы.

Министр внутренних дел Венгрии коммунист Л. Райк весной 1947 г. откровенно рассказывал работникам ЦК ВКП(б) о возможностях «мирного развития венгерской демократии». Наибольшую опасность при этом он усматривал в поведении социал-демократов, которые, по его словам, пытаются «подражать французским социалистам» и будут стремиться взять власть⁹.

Принципиальные изменения в положении крупнейших западноевропейских компартий, а также предложение США об экономической помощи Европе (план Маршалла) со всей очевидностью оп-

ределили альтернативное социализму направление послевоенного развития. ЦК ВКП(б) и руководство компартий стран Восточной Европы оказались перед другой объективной реальностью: ставка на долговременное сотрудничество великих держав становилась несостоятельной и вследствие этого концепция эволюционного, парламентского пути к социализму утрачивала свою актуальность.

Такая ситуация ставила коммунистов Восточной Европы в политический цейтнот: восстановительный период был близок к завершению и вставал вопрос, какую программу и перспективу предложить обществу.

Руководство ВКП(б) и лично И.В. Сталин, еще не так давно, в 1946 г., признававшие необязательность для Восточной Европы советской власти и диктатуры пролетариата и ратовавшие за парламентский путь к социализму*, усмотрели в изменении международной ситуации и в динамике расстановки внутривнутриполитических сил в регионе серьезнейшую опасность как советскому присутствию, так и участию коммунистов в системе власти, а, следовательно и расчетам на создание в Восточной Европе «пояса» дружественных «малых» государств.

Такое развитие событий не могло не подталкивать советское руководство к пересмотру концепции коалиционной (действительной или мнимой на деле) власти и мирного, через парламентскую систему, пути продвижения к социализму в пользу советского опыта. Это последнее (в соответствии с политической логикой коммунистов и большевистской практикой) исключило бы возможности поворота ситуации к западному варианту развития. Тем самым делался принципиально важный шаг к биполярному расколу Европы и

* Например, в беседе с Б. Берутом и Э. Осубка-Моравским 23 мая 1946 г. И.В. Сталин, анализируя характер строя, установившегося в Польше после изгнания гитлеровцев, говорил: «В Польше нет диктатуры пролетариата и она там не нужна. Может быть и у нас в СССР, если бы не война, диктатура пролетариата приобрела бы иной характер. Ведь, как известно, впервые диктатура пролетариата возникла в 70-х годах во Франции в результате франко-прусской войны. После первой мировой войны диктатура пролетариата возникла у нас в России.

Чем она была вызвана?

У нас были сильные противники. Мы должны были свалить трех китов – царя, помещиков и довольно сильный, разбавленный иностранцами

мира. Применительно к восточноевропейскому региону это означало, что советское руководство снимало «клапан» (коалиционная власть), сдерживавший остроту межпартийной политической борьбы в структурах власти и борьбы внутри самих компартий.

Смена курса Москвой означала, что она теперь делает ставку на леворадикальные элементы в руководстве компартий, усиление позиций и активизацию сторонников внедрения советского опыта. Думается, именно политический цейтнот определил линию ВКП(б) и руководства компартий стран региона на экстренное уничтожение политической оппозиции как важнейшего элемента и принципа парламентаризма. Поиски политических решений спорных проблем и компромиссов в переломные моменты все чаще заменялись «силовыми» действиями. Именно «силовые» приемы были взяты на вооружение при подавлении политической оппозиции – носителей альтернативных коммунистам либеральной, либерально-демократической, а затем и социалистической концепций. «Силовая» тенденция появилась в политике коммунистов не вдруг и не в 1947 г. Более того, она была свойственна далеко не только им. Например, либерал Г. Татареску предлагал весной 1945 г. разрешить проблему демократизации «в течение двух часов: часть из них (противников правительства П. Гроза. – *Авт.*) мы посадим в тюрьму, кое-кого ликвидируем, кое-кого вышлем»¹⁰.

класс русских капиталистов. Для того, чтобы одолеть эти силы, нужна была власть, опирающаяся на насилие, т. е. на диктатуру пролетариата.

У вас положение иное совершенно. Ваши капиталисты и помещики в такой степени скомпрометировали себя связями с немцами, что их удалось смять без особого труда. Патриотизм они не проявили. Этого “греха” за ними не водилось. Несомненно, что удалить помещиков и капиталистов в Польше помогла и Красная Армия.

Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата.

Строй, установленный в Польше, это демократия. Это новый тип демократии. Она не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократии не могут братья вами в качестве примера и образца. Ваша демократия особая...

Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя» (Архив Президента РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 355. Л. 53–54).

С этой точки зрения, в отличие от иных политических партий, коммунисты располагали значительно большими возможностями: практически во всех странах региона они с 1944–1945 гг. по сути дела контролировали «силовые» министерства, создавали политическую полицию, руководили ее деятельностью, имели в своем арсенале такой весомый «аргумент», как прямая военно-политическая поддержка со стороны СССР.

Причем в некоторых странах, например, в Югославии и Польше, при решении вопроса о становлении власти с участием коммунистов органы безопасности проявили большую самостоятельность и независимость от властных государственных и политических структур. Их «деятельность» нередко приобретала такой размах, что они превращались поистине в «государство в государстве»¹¹.

Наиболее показательным примером в этом отношении может быть Польша, где уже с осени 1944 г. формировавшаяся с помощью Москвы польская служба безопасности с нарастающей активностью принимала участие в проводившихся подразделениями НКВД СССР массовых репрессиях, носивших откровенно политическую окраску¹². Здесь трудно отрицать вспышку гражданской войны за характер складывавшейся власти, за или против участия коммунистов в ней. Участие в этой войне войск НКВД и советских армейских подразделений – факт истории.

В других странах Восточной Европы участие советской стороны в силовом подавлении противников нарождавшихся новых режимов также имело место, хотя объемы его не были столь значительны, как в Польше. Документы ЦК ВКП(б) показывают, что в 1944–1945 гг. коммунисты предельно широко трактовали понятие «фашизм» и «масштабно» проводили акции по дефашизации в странах региона. Среди этих документов есть прямые свидетельства того, что, например (в Венгрии, где советские комендатуры осуществляли аресты венгерских граждан, обвинявшихся в фашистской и профашистской деятельности) уличные облавы и вывоз людей в исправительно-трудовые лагеря и рабочие батальоны на территорию СССР приобрели массовый характер.

Среди арестованных, как свидетельствует письмо М. Ракоши Г. Димитрову от 17 марта 1945 г., оказывались «люди просто с немецкими фамилиями», венгры, «проверенные антифашисты», «секретари партийных организаций и даже члены руководства партии»¹³. Пример-

ром такого расширительного толкования понятия «фашист» может служить способ исключения из политической жизни Болгарии лидера Болгарского земледельческого народного союза Г.М. Димитрова (Ге-мето) летом 1945 г. Во избежание репрессий он вынужден был укрыться в американском политическом представительстве¹⁴.

Документы ЦК ВКП(б) показывают, что советская сторона соответственно ориентировала и руководства компартий региона. В этом отношении весьма показательны беседы Г. Димитрова с В. Гомулкой, Т. Костовым, М. Ракоши, 3. Неедлым весной 1945 г., когда заведующий отделом международной информации настойчиво рекомендовал «дать по морде противникам режима», учредить концлагерь, провести показательные процессы и публичные казни фашистов¹⁵.

Новые документы из российских архивов свидетельствуют, что процесс устранения правительства Радеску и создания правительства П. Грозы в Румынии в марте 1945 г. в немалой степени обеспечивался политическим и военным давлением Москвы¹⁶. Но в данном случае сила, как показывают документы «особых папок» НКВД и НКВД СССР, использовалась всеми участниками конфликта: сторонниками Радеску, которые оттянули с фронта в Бухарест воинские части; Национально-демократическим фронтом, который вывел на улицы 600 тыс. человек, а часть из них была с оружием. На основе новых документов можно с достаточной точностью реконструировать советскую точку зрения и позицию компартии Румынии в критические дни марта 1945 г.

Так, в донесении сотрудников НКВД СССР в Москву Л.П. Берии о ситуации на 4 марта 1945 г. говорилось: «...королю удалось оттянуть окончательное решение этого вопроса (о новом правительстве. – *Авт.*) до понедельника 5 марта. Большая демонстрация нар.-дем. фронта ... перенесена на понедельник.

Руководство земляков (коммунистов. – *Авт.*), в случае несогласия короля, готовится к формированию намеченного кабинета Петре Гроза и собирается осуществить это явочным порядком, обратившись с воззванием к народу.

Нами предпринимаются соответствующие организационные мероприятия.

Руководство Союзной Контрольной Комиссии продолжает энергично проводить дальнейшее сокращение бухарестского гарнизона и изъятие оружия.

Ожидается прибытие в течение 4–5 марта в окрестности Бухареста трех наших дивизий (прибыли две дивизии НКВД, через месяц одна была выведена. — *Авт.*). Положение в столице так же, как и в районных центрах, продолжает оставаться напряженным»¹⁷.

В письме заместителю политического представителя Великобритании в Румынии г-ну Марджерикенксу А.Я. Вышинский объяснял действия СССР необходимостью создать в стране, «являющейся тылом Красной Армии», правительство, способное «обеспечить порядок и честное выполнение условий Соглашения»¹⁸.

Итак, на 1944–1945 гг. пришлось первая «волна» применения силовых методов в политике как советской стороной, так и компартиями стран региона.

Однако следует подчеркнуть, что для большинства этих стран превалирующими были все-таки не силовые методы. Преобладало (в разной мере) стремление к политическому диалогу и компромиссному решению, хотя силовая тенденция в политике Москвы и восточноевропейских коммунистов никогда не исчезала вовсе. Она непременно проявлялась в чрезвычайных для коммунистов ситуациях, например, в период референдумов или парламентских выборов или же в тех случаях, когда расстановка сил в парламенте или правительстве не позволяла компартиям и стоявшему за ними советскому руководству политическими средствами добиться желаемого результата и прежде всего сохранения власти.

С лета же 1944 г. в большинстве стран региона в политике коммунистов обычными инструментами политической борьбы стали разоблачения «антикоммунистических заговоров» и фальсификации результатов выборов в органы власти. Свою роль в этом, безусловно, сыграл тот политический цейтнот, в котором оказались коммунисты Восточной Европы в 1947 г.

Ставшие доступными новые архивные материалы показывают, что «рывок» компартий к монополии на власть в 1947 г. был во многом обеспечен именно использованием неполитических методов воздействия на ситуацию. В этом отношении весьма показателен материал по Венгрии, отложившийся в отделе внешней политики ЦК ВКП(б).

Весной 1947 г. министр внутренних дел Венгрии, член высшего руководства компартии Л. Райк в беседе с сотрудником вышеназванного отдела откровенно говорил о ставке ВКП на силовое дав-

ление: «У нас имеется гражданская полиция и есть политическая полиция... Политическая полиция по существу в наших руках... Сейчас мы создаем батальоны специального назначения. Мы их комплектуем из надежных людей. Эти батальоны будут нашей серьезной опорой»¹⁹.

С помощью таких силовых структур и была в значительной мере обеспечена возможность фальсификации итогов парламентских выборов в ряде стран. Речь идет о Польше, Венгрии, Румынии*. Знакомство с документами МИД СССР, в частности его референтур по странам региона, позволяет понять, с помощью каких действий компартии намеревались обеспечить свой успех на выборах. Особенно яркий материал на этот счет дают беседы Э. Боднараша и А. Паукер в советском посольстве, где речь шла о том, что с помощью «техники» и возможностей избирательного закона, позволявшего лишить права голоса часть населения, будут взяты 90% голосов²⁰. Что касается разоблачения «заговоров», то политический смысл этой акции весьма откровенно сформулировал М. Ракоши в самом начале апреля 1947 г. в беседе с представителем аппарата ЦК ВКП(б)**: «...до раскрытия антиреспубликанского заговора положение коммунистов было очень трудным... Сейчас, можно сказать, мы наступаем... Раскрытие заговора сильно помогло нам... Бэла Ковач скомпрометирован. Очередь сейчас за Надь Ференцем»²¹. Несколько позже, в конце апреля 1947 г., в беседе с В.М. Молотовым М. Ракоши вновь поставил вопрос о развитии «идеи» разоблачения «заговора»: «...Мы снова выдвигаем вопрос о заговоре... Нам нужно что-то драматическое. Но при этом мы должны соблюдать осторожность. Народ устал...»²².

* Как известно, выборы 1946 г. в Чехословакии, когда коммунисты получили 38% голосов, не были сфальсифицированы. Однако весьма типичным было отношение руководства КПЧ к этой акции. К. Готвальд весной 1946 г. откровенно говорил, что «рабочий класс, наша партия, трудящийся народ имеют в руках достаточно средств, оружия и способов для исправления механического голосования... чтобы добиться благоприятных результатов для рабочих партий» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 907. Л. 33).

** Предположительно это был референт отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Г. Короткевич; беседовали они, видимо, в Будапеште.

Материалы наших архивов показывают совершенную однотипность всех «заговоров» в Восточной Европе. Это не может не наводить на мысль о скорее всего советском источнике «идеи». В пользу такого предположения свидетельствуют данные о задуманном, но не реализованном заговоре в Финляндии с целью разоблачения «истинного лица Паасекиви* как реакционера»²³. Однако в Финляндии реализовать эти планы оказалось невозможным прежде всего потому, что здесь не сложилась необходимая коммунистам общественно-политическая атмосфера, которая позволила бы убедить общество в существовании антидемократического заговора.

Пока в распоряжении исследователей нет достаточных данных, подтверждающих прямое участие советской стороны в разработке планов организации и разоблачения подобных «заговоров» или фальсификации итогов выборов. Но мы можем с полной уверенностью говорить о том, что Москва последовательно брала на себя внешнеполитическое обеспечение этих акций, используя свое военно-политическое присутствие в регионе и влияние СССР на международной арене.

Как известно, американская сторона пыталась вмешаться в «антиреспубликанский заговор» в Венгрии и взять под свою опеку Б.Ковача, арестованного советскими военными властями якобы за шпионскую деятельность. В этот критический момент СССР сугубо отрицательно отреагировал на демарш США, хотя позже советское руководство вынуждено было признать: «...вопрос о Коваче перерос венгерские рамки. Отступление в этом вопросе ставило под угрозу престиж Советского Союза в Венгрии, не говоря уже о том, что могло означать серьезное поражение ВКП и явиться началом контроступления реакции»²⁴.

Бесполезными оказались и попытки западных держав не признавать итоги выборов в Польше, Румынии и Венгрии, где созданные по итогам этих выборов правительства не отражали реального влияния политических партий в обществе.

Возложенная на СССР лидерами «большой тройки» роль гаранта демократического развития стран Восточной Европы и посредника в отношениях различных внутривнутриполитических сил по мере нарастания противостояния на международной арене все более трансфор-

* Так в док.; правильно — Паасикиви.

мировалась в одностороннюю позицию. Игнорирование политических обращений и апелляций к советскому руководству со стороны партнеров-конкурентов коммунистов в системе власти становилось нормой. Так, например, без ответа были оставлены все письма главной оппозиционной коммунистам в Польше партии Польске стронництво людове (ПСЛ) Ст. Миколайчика по поводу репрессий против членов этой партии²⁵.

Как свидетельствуют информационные материалы, регулярно поступавшие в Москву из советских посольств и представительств в странах Восточной Европы, политические контакты советских дипломатов резко сузились ко второй половине 1947 г. и особенно в 1948 г. Межгосударственные политические отношения все больше превращались в межпартийные связи компартий. Хронологически это совпало с политико-идеологическим поворотом в коммунистическом движении, пик которого (окончательный отказ от концепции национального пути к социализму и возврат к признанию советской модели как единственно реальной) пришелся на 1948 г.

Таким образом, как подтверждают новые документы российских архивов, в советской внешней политике в Восточной Европе после второй мировой войны совершенно четко проявлялись две, казалось бы, полярные тенденции. С одной стороны, налицо было стремление к использованию политических инструментов для решения задач утверждения своего влияния в регионе. С другой – наблюдалось с приливами и отливами, начиная с 1944–1945 гг., использование откровенно силовых методов и силовых структур для подавления и удаления противников с политической сцены.

Присутствие этих двух тенденций было постоянным, но проявлялись они в разных странах в разной степени и на разных этапах развития.

При этом важно отметить, что в политике компромиссов участие СССР было неременным и нередко определяющим фактором. В экстремальных (с точки зрения тогдашнего советского руководства) ситуациях сфера влияния СССР и советского контроля в Восточной Европе удерживалась открыто силовыми методами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процес-

сь: в странах Восточной Европы. 1944–1948. М., 1993; *Muraschko G.P., Noskova A.F., Wolokitina T.W.* Das Zentralkomitee der WKP(b) und das Ende der «national en Wege zum Sozialismus» // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung.* 1994; *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советский фактор в странах Восточной Европы. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948. Москва–Новосибирск, 1997 // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». Новое прочтение. М., 1995; и др.

² Архив внешней политики МИД РФ (АВП РФ). Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 6. Л. 8.

³ Там же. Ф. 07. Оп. 17. П. 24. Д. 332. Л. 5.

⁴ Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Указ. соч. С. 187.

⁵ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 63. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 174. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 89. Л. 3–4.

⁸ Там же.

⁹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Л. 5. Л. 6.

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 21–22.

¹¹ *Wizja programowa Polski Ludowej.* W-wa, 1979. S. 111–112. – Из доклада В. Гомулки на майском (1945 г.) пленуме ЦК Польской рабочей партии.

¹² См. подр.: НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По «Особым папкам» И.В. Сталина). М., 1994.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 52–53.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 38. Д. 57. Л. 12–13.

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 11, 40, 57, 58 и др.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 129. Д. 22. Л. 19–25; Ф. 012. Оп. 6. П. 82. Д. 196. Л. 20; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 275, 284–285, 296.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 265.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 330. Д. 24. Л. 2.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 16, 18.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. П. 16. Д. 131. Л. 109, 120.

²¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 3, 5, 7.

²² Там же. Д. 1019. Л. 21.

²³ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 88. Л. 40.

²⁴ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 10. Л. 24.

²⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 28. П. 92. Д. 9. Л. 25, 39, 49, 53, 57.

Политика сталинского режима по формированию общественного мнения за рубежом (Вторая половина 1940-х годов)

Одним из решающих итогов второй мировой войны явилось укрепление позиций СССР (и как следствие – повышение его роли в международных отношениях), на что зарубежные наблюдатели обращали внимание еще до окончания военных действий с Германией. «В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз (тогда Советская Россия. – А.С.) вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на мировой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет выступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций, ... членом победоносной коалиции», – так охарактеризовали послевоенную ситуацию составители опубликованного весной 1945 г. пособия для офицеров армии США, которым в процессе освобождения Германии предстояло вступить в непосредственный контакт с советскими войсками¹.

Статус одной из трех великих держав, приобретенный СССР по итогам триумфально завершившейся для него войны и закрепленный решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, открывал возможности для усиления советского влияния не только в регионах, находившихся в непосредственной географической близости к СССР, но и за их пределами. Выполнение этой задачи требовало формирования сложного внешнеполитического механизма, который в качестве одного из неотъемлемых и существенных компонентов включал в себя систему институтов, призванных осуществлять пропаганду политики СССР, коммунистической идеологии, советской культуры, налаживать контакты с потенциальными друзьями СССР (в первую очередь, в среде интеллигенции), формировать в пользу Советского Союза общественное мнение в зарубежных странах. Эта система сложилась в своей основе еще в 20–30-е годы, существовала

и в годы второй мировой войны, подвергаясь, правда, реорганизации. Ее главными элементами были Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Совинформбюро, издательство литературы на иностранных языках (Иноиздат), внешнеторговое объединение «Международная книга», ведавшее распространением за рубежом вышедшей в СССР книжной продукции, а также заключавшее договоры с иностранными издательствами на перевод и издание советских книг. «Совэкспортфильм» занимался пропагандой советского кино, подписанием договоров с зарубежными прокатными фирмами. В системе радиовещания с довоенных лет действовала служба трансляции на зарубежную аудиторию на более чем 10 языках (так называемое иновещание). В 1935 г. в соответствии с установками VII конгресса Коминтерна была создана Иностранная комиссия Союза советских писателей, в функции которой входило установление и поддержание контактов с западными интеллектуалами (главным образом, литераторами) преимущественно левой политической ориентации, способными в благоприятном для СССР духе влиять на общественное мнение в своих странах. В пропаганде на славянские страны определенную роль играл Славянский комитет СССР, основанный в годы войны в целях мобилизации на борьбу с германским фашизмом многовековых традиций единения славянских народов. Необходимо упомянуть и пропагандистские структуры, унаследованные от Коминтерна после его формального роспуска в 1943 г. Большинство из них сразу после войны находилось в ведении специальных научно-исследовательских институтов № 100 и № 205, призванных осуществлять связь с зарубежными компартиями². Распространение по многочисленным каналам даже идеологически нейтральной печатной продукции должно было преследовать, в первую очередь, политическую цель – способствовать укреплению советского влияния как в соседних странах, так и в более отдаленных.

Насколько соответствовала имевшаяся в распоряжении советского государства система пропагандистских институтов открывшимся после войны новым возможностям широкого воздействия на зарубежную общественность, какова была эффективность этой системы и чем были обусловлены главные недостатки в ее функционировании? Анализ деятельности пропагандистского механизма сталинского режима с привлечением архивных документов позволяет дать ответы на эти вопросы.

Независимо от отношения тех или иных политических кругов к большевизму роль СССР во второй мировой войне и его послевоенные позиции на международной арене делали актуальным для всего мирового сообщества получение разносторонней информации о «Стране Советов». О наметившемся в годы войны за рубежом повышении интереса к СССР, его политической и экономической системе сообщали в ЦК ВКП(б) советские представители в разных странах мира, требуя принятия необходимых мер по совершенствованию пропагандистского механизма. Так, корреспондент «Правды» сообщал в 1947 г. из Парижа: читатели французских журналов, и не только левых, «предъявляют огромный спрос на ... статьи об СССР, и журналы, не получающие в достаточном количестве таких материалов из СССР, мобилизуют все, что попадает под руку»³. При этом он подчеркивал, что на изменение издательской конъюнктуры уже успела отреагировать антисоветски настроенная русская эмиграция. Документы объединения «Международная книга» и Совинформбюро свидетельствуют о том, что во многих странах мира в 1943–1946 гг. многократно расширилась в сравнении с довоенным временем практика заключения договоров на публикацию самой разнообразной литературы об СССР, причем контакты были установлены с издательствами, никак не связанными с левыми политическими движениями и преследовавшими исключительно коммерческие цели⁴. Во Франции, например, 49 издательств подписали договоры на публикацию книг и брошюр по заказам Москвы, контракты на издание советской литературы заключались в среднем через день⁵. По некоторым сведениям, в 1944–1945 гг. «Международная книга» смогла удовлетворить далеко не все предложения западных издательских фирм⁶.

В 1947 г., через два года после окончания войны, представитель Совинформбюро в США все еще докладывал, что любой работе Сталина, «которая будет касаться результатов и уроков войны, обеспечено самое широкое распространение в Америке»⁷. В записке руководства ВОКСа в ЦК ВКП(б) (апрель 1944 г.), составленной на основании донесений с разных мест, отмечалось, что «интерес зарубежного читателя к советской книге вырос за годы Отечественной войны настолько, что в настоящее время имеется возможность наладить издание наших книг крупными издательскими фирмами» во многих странах мира⁸. Характерно, что известным спросом пользо-

валась не только серьезная специальная, научно-популярная и художественная литература из СССР, но даже откровенно пропагандистские издания, явно не нацеленные на формирование объективной картины. Конечно, интерес к подобной литературе, в первую очередь, объяснялся успешными действиями Красной Армии на заключительном этапе войны и носил довольно поверхностный, сенсационный характер. На это обстоятельство обращали внимание в своих письмах в Москву левые английские журналисты. Один из них в 1946 г. отмечал: «Легко было писать для "Совет ньюс" (газета, издававшаяся Совинформбюро в Великобритании. – А.С.), когда победы Красной Армии привлекали внимание всего мира к СССР. Теперь же, в новых послевоенных условиях, это уже дело совершенно другое и это более трудно»⁹. Представитель Совинформбюро в Лондоне С. Ростовский (более известный как Эрнст Генри, автор на шумевших в 1930-е годы книг «Гитлер над Европой?» и «Гитлер против СССР») в докладной (декабрь 1946 г.) замечал: «Прекращение сенсационных известий о победах Красной Армии, перемещение сообщений о Советском Союзе с первых страниц на последние повело к отхлынувшему интересу со стороны... читателей, гонящихся за сенсацией»¹⁰. Но и после того, как переставшая наступать Красная Армия сняла с себя функцию «главного пропагандиста» СССР и по мере углубления противоречий между недавними союзниками стали усиливаться антисоветские настроения, статус «Страны Советов» как одной из великих держав обеспечивал более широкий, чем до войны, круг читателей изданиям, поступающим из Москвы.

Естественно, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вошедших после второй мировой войны в советскую сферу влияния, общественность проявляла повышенный интерес к информации об СССР. Это подтверждают не только книгоиздательские договоры со многими частными фирмами и многочисленные письма в ВОКС от зарубежных учреждений и отдельных лиц¹¹, но и некоторые другие факты. Так, среди активистов обществ дружбы и культурных связей с СССР в Австрии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии и других странах были виднейшие деятели культуры и науки и даже крупные бизнесмены, едва ли симпатизировавшие идеям марксизма-ленинизма. В Австрии в соответствующем обществе люди бизнеса, питавшие надежды на проникновение своей продукции на советский рынок, настолько стали задавать тон, что его

руководству пришлось даже осенью 1945 г. специально акцентировать внимание на преимущественно культурном, а не экономическом характере этого общества¹².

Имеющиеся документы не дают оснований утверждать, что инициатива проведения мероприятий по пропаганде достижений СССР, создания обществ дружбы исходила исключительно от советских представителей, а некоммунистическая интеллигенция стран Центральной Европы выступала лишь в качестве послушного и безынициативного исполнителя воли Москвы. Напротив, даже интеллигенты, явно не разделявшие коммунистические идеи, нередко проявляли в этом деле встречную активность. Об этом свидетельствуют, например, материалы о Восточной Германии. Начальник управления пропаганды Советской военной администрации в Германии (СВАГ) полковник С.И. Тюльпанов, человек, судя по другим донесениям, отнюдь не склонный переоценивать степень влияния левых идей на сознание немецких граждан¹³, в декабре 1945 г. докладывал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о том, что «некоторые немецкие литераторы выдвигают проект издания журнала, имеющего целью знакомить немецкую читающую публику с крупнейшими явлениями и достижениями русской классической и советской культуры»¹⁴. Далее речь шла о том, что от интеллигенции поступают многочисленные просьбы о приезде советских ученых, деятелей искусства, о проведении лекций и докладов, посвященных современной советской культуре. Театры, продолжал Тюльпанов, запрашивают пьесы советских драматургов и «даже еще не имея их, зная о них лишь из прессы и радио, уже включают их в свои репертуарные планы». Издательства, книготорговые фирмы и библиотеки также «усиленно ищут пути для получения советской художественной литературы». В свою очередь и «музыканты желают получить для исполнения партитуры и ноты... произведений советских композиторов»¹⁵. Столь радужная картина, обрисованная Тюльпановым, вызывает некоторое недоверие. Интересно однако то, что свидетельства, подобные приведенному выше, сочетаются в донесениях Тюльпанова и его сослуживцев со словами о предвзятом отношении немецкой интеллигенции к СССР, о том, что антисоветские настроения в немецком обществе сильны и живучи и для их преодоления необходимо проделать огромную работу¹⁶. Приукрашивание истинного положения вещей в некоторых доклад-

ных Тюльпанова или других советских эмиссаров могло диктоваться той или иной конкретной целью. Так, одна из главных целей процитированного донесения состояла в том, чтобы обратить внимание руководства на опасность «вытеснения нашего политического влияния англо-американским, так как союзники в последнее время заметно активизировались в области пропаганды среди немцев своей культуры и искусства»¹⁷. Но справедливость утверждений об интересе немецкой публики к разнородной информации об СССР и советской культуре при большем или меньшем дистанцировании от идей, в этой культуре воплощенных, подтверждается другими источниками – фонды ВОКСа и ряда других организаций содержат многочисленные письма, поступавшие из университетских, академических кругов¹⁸.

Относящийся к разным странам материал, свидетельствующий о повышении интереса значительной части интеллигенции к СССР и о признании многими интеллектуалами необходимости более интенсивного сотрудничества со «Страной Советов», может быть объяснен не только естественной для людей во всем мире потребностью обладать максимумом информации о сильнейшей европейской державе. Вторая мировая война повлекла за собой существенные изменения в сознании населения тех европейских стран, которые пережили долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора. И на Западе, и на Востоке Европы усилилось стремление к обновлению и совершенствованию демократии. Осмысляя уроки войны, политические силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические, не говоря уже о коммунистических) предлагали разные проекты реформирования довоенных систем. Одним из характерных мотивов европейской общественной мысли становилась критика политической практики веймарской Германии, где демократия так и не смогла выработать надежные защитные механизмы против захвата власти нацистами.

О серьезном полевении сознания населения многих стран Европы за годы войны говорят результаты парламентских выборов, рост численности и усиление влияния левых партий. (Достаточно сказать, что во Франции и Италии коммунисты вошли в правящие коалиции.) Подобные перемены в настроениях масс при недостаточной информированности о советской системе создавали питательную среду для усиления симпатий к Советскому Союзу, тем более,

что его роль во второй мировой войне и победе над гитлеризмом способствовала просоветским или во всяком случае уважительным по отношению к СССР настроениям. В уже цитированном нами сообщении для офицеров вооруженных сил США (весна 1945 г.) отмечалось, что за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело»¹⁹.

Документы российских архивов содержат многочисленные свидетельства, подтверждающие правоту вышеприведенного утверждения. Так, в отчете советских кинематографистов об участии в первом Каннском фестивале (1946 г.) говорилось, что хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры ... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации одного из советских пропагандистских фильмов. – А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала»²⁰. А вот что писали члены советской делегации в своем отчете о поездке в Париж в октябре 1946 г. на Международный конгресс юристов, собравший правоведов не только левых убеждений: «К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение. Наши доклады были встречены общим одобрением... Заявление председателя французской делегации при окончании работы Конгресса, что французские юристы считают, что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию. Со стороны всех делегаций по отношению к нам было большое внимание и предупредительность»²¹. Конечно, вопрос о степени достоверности этих и многих других подобных утверждений, встречающихся в источниках, часто остается открытым, однако обходить их вниманием, как одно из характерных свидетельств эпохи, нельзя. И, пожалуй, можно согласиться с председателем правления ВОКСа В.С. Кеменовым, который в августе 1945 г. в докладной, адресованной ЦК, писал о «происшедшем переломе в признании советской культуры за границей» – если до войны ВОКС мог ориентироваться в своей работе лишь на узкий круг левой интеллигенции²², то теперь потенциальная аудитория его пропагандистской деятельности заметно расширилась. Этот перелом, продол-

жал Кеменов, «налагает на ВОКС огромные обязательства». Конкретизируя последние, председатель правления ВОКСа отмечал: «Необходимо использовать обстановку, ковать железо пока горячо, чтобы не дать распасться просоветским обществам из-за отсутствия у них материалов об СССР, чтобы не дать остыть интересу деятелей зарубежной культуры к советской науке и искусству из-за отсутствия ответов на их многочисленные запросы»²³.

А такая опасность действительно существовала. Со всех концов мира в Москву поступали тревожные сигналы, свидетельствовавшие о крайней нерасторопности и некомпетентности тех, кто ведал по долгу службы распространением позитивной информации об СССР, о слабой отлаженности пропагандистского механизма, низком качестве тиражируемой продукции. Вице-консул СССР в Сан-Франциско писал в апреле 1946 г. в ВОКС: «Нелепо положение, при котором мы не в состоянии пользоваться местными возможностями популяризации нашей страны только потому, что нас не ставят в известность о приезде наших же командированных граждан»²⁴. В марте того же года зампред правления ВОКСа А. Караганов докладывал зампреду Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Еголину: «Работа по изданию произведений советских авторов в США затруднена отсутствием между этими странами конвенции о взаимной защите авторских прав. Это не раз вызывало неудовольствие в американских издательских и литературных кругах. Положение еще более обострилось в связи с письмом заместителя председателя Иностранной комиссии Союза советских писателей т. Аплетина одному американскому драматургу, в котором т. Аплетин говорит, что советские театральные организации не выплачивают гонораров иностранным авторам, а платят деньги только переводчикам. Письмо это вызвало много толков в американских литературных кругах и имело отрицательное влияние в деле издания советских произведений в Соединенных Штатах, а также послужило материалом для реакционных выступлений об издательской политике в СССР»²⁵. В некоторых случаях на высоком уровне принимались решения о выплате в качестве исключения гонораров иностранным (в том числе американским) авторам. Подобные решения однако, как правило, компрометировали зарубежных писателей и журналистов перед лицом общественного мнения своих стран. «Как только факт выплаты гонорара станет достоянием гласности (а он станет достоянием

гласности немедленно), реакционная печать не преминет использовать этот случай для нападок (на этих людей. – А.С.) как советских платных агентов», – отмечалось в одном из донесений посольства СССР в США за 1947 г.²⁶

Нередко, завозя в те или иные страны продукцию Иноиздата и, как правило, в несовершенно переведах, объединение «Международная книга» срывало заключение договоров на издание тех же книг в самих странах значительно большими тиражами²⁷. Выпустив в английском и французском переводах роман А. Фадеева «Молодая гвардия» и начав через «Международную книгу» его распространение на Западе, Иноиздат поставил в неловкое положение Совинформбюро, уже заключившее договоры на перевод и публикацию этого произведения с французским и американским издательствами²⁸. Иногда бывали случаи заключения договора на издание одной и той же советской книги с разными издательствами одного государства. Так произошло, например, со сборником публицистических выступлений И. Эренбурга, изданным в США. Известный венгерский драматург и критик Д. Хай, представлявший в своей стране литературно-музыкальное агентство ВОКСа, в апреле 1946 г. жаловался в Москву: «Работа очень затрудняется тем, что т. Алексева – представитель Международной книги в Венгрии – почти всегда предлагает те же книги для издания, что и я. Так как это противоречит всем принятым в торговле правилам, издатели недоверчивы. К тому же еще недавно начал работать представитель Совинформбюро т. Потемкин и занимается распространением тех же прав на издание книг, – с тех пор положение стало просто нетерпимым»²⁹.

Таким образом, отсутствие единого центра, несовершенная координация различных звеньев пропагандистского механизма, некоторая неопределенность рамок ответственности приводили к неоправданному параллелизму, к тому, что разные ведомства дублировали друг друга, к ненужному распылению сил и средств. Иной раз дело доходило до своего рода ведомственных войн, когда различные учреждения чинили друг другу препятствия в пропагандистской деятельности (так, некоторые корреспонденты ТАСС не разрешали представителям Совинформбюро пользоваться своими средствами технической связи для передачи информации). Вопрос о разграничении сфер влияния, строгом определении функций каждого из ве-

домств еще со времен войны неоднократно ставился в ЦК ВКП(б)³⁰. Однако принятые как в годы войны, так и сразу после нее постановления по совершенствованию внешнепропагандистского механизма³¹ не репили эту проблему.

Немало жалоб поступало из разных стран мира на низкое качество материалов, подготовленных для публикации в иностранной прессе. Статьи, присылаемые Совинформбюро, «с трудом используются даже левой печатью», сетовал, например, в июне 1947 г. посол СССР в Чехословакии В. Зорин³². А в письме из Парижа читаем, что многие статьи Совинформбюро «просто стыдно предлагать солидным литературным, социально-экономическим, философским журналам»³³. К ТАСС и к иновещанию как со стороны советских дипломатов, так и со стороны различных политических кругов в зарубежных странах предъявлялись претензии прежде всего в связи с крайне низкой оперативностью – иностранный читатель и радиослушатель, как правило, узнавал о важнейших внешнеполитических заявлениях В.М. Молотова из западных источников³⁴. Серьезными профессиональными изъянами отличалась пропагандистская продукция ВОКСа. «Вместо того, чтобы давать ответ на адресованные ему запросы, ВОКС отправляет фабрикуемые им самим материалы, представляющие для нас очень мало интереса. Антисоветская пропаганда имеет в них совершенно готовый материал, принимая во внимание скудность даваемых сведений и совершенно нелогичную форму их подачи», – говорилось в одном из писем французского Общества друзей СССР в Москву³⁵.

Самой характерной претензией к советским пропагандистским материалам было плохое знание журналистами специфики зарубежной аудитории. Сохранились письма начальника бюро информации СВАГ с просьбой вместо присылки готовых статей и корреспонденций доставлять побольше текущей советской прессы с тем, чтобы пропагандисты, работающие в Германии, могли использовать ее при подготовке своих собственных материалов для немецких изданий³⁶. Явно не хватало и квалифицированных кадров переводчиков. Уже упоминавшийся С. Ростовский доносил из Лондона: «Недоброкачественность ряда переводов на английский язык, вызванная либо недостаточной квалификацией переводчиков, либо их боязнью отклониться от дословности, приводит к так называемому "англо-

русскому" языку, совершенно смехотворному в Англии и болезненно загромождает нашу редакцию в Лондоне излишней работой по переработке и стилизации»³⁷. Советское содержание, продолжал он, необходимо умело облекать в формы, присущие западной прессе, иначе наша пропаганда не будет доходить до зарубежного читателя. Представители Общества друзей СССР во Франции в письме, адресованном в ВОКС, призывали присылать им не готовые пропагандистские опусы, а «точный информационный материал, доверив нам его приспособление к вкусам и запросам французской публики»³⁸. Прямым следствием невысокого качества советской печатной продукции был крайне низкий спрос на нее иностранных изданий, в том числе и близких к прокоммунистическим кругам. По некоторым данным, зарубежная пресса использовала не более 10% материалов, поступавших от Совинформбюро³⁹. Таким образом, громадная пропагандистская машина, имевшаяся в распоряжении СССР, работала в значительной мере вхолостую.

Сосредоточившись на отправке заведомо низкокачественной продукции, ВОКС и другие пропагандистские службы в то же время далеко не всегда удовлетворяли запросы на издание и посылку более необходимой литературы. Характерно, например, что в Восточной Германии существовал спрос прежде всего на русскую художественную литературу, тогда как 80% всей продукции издательства СВАГ составляли политические брошюры, выходявшие слишком большими тиражами и нередко залеживавшиеся на складах нераспроданными⁴⁰. Не удовлетворялся также спрос на учебную литературу⁴¹.

Не лучше обстояло дело с прокатом советских фильмов. Активист австрийско-советского культурного общества жаловался в частной переписке: «Совэкспортфильм возглавляется узколобыми коммерсантами и спекулянтами, которые могут с таким же успехом торговать сапожным кремом или свиным салом. Они не имеют ни малейшего представления о громадном политическом и культурном значении кино»⁴². Для того, чтобы повысить эффективность пропаганды на зарубежные страны средствами кино, соответствующие советские ведомства в 1946–1947 гг. предприняли попытку наладить дубляж советских фильмов на некоторые иностранные языки непосредственно в СССР. Два фильма были дублированы на польский язык, при этом качество дубляжа оказалось крайне низким. Польские зрители смеются не столько над комедийным сюжетом, сколь-

ко над неправильным произношением, сообщал в Москву представитель «Совэкспортфильма» в Варшаве, «и в значительной части покидают зал до окончания сеанса»⁴³. В конце концов от практики дублирования советских фильмов на польский, как и на другие языки решено было отказаться, признав, что кустарщина в этом деле нанесла «серьезный ущерб престижу советского кино»⁴⁴. Впрочем, повышению этого престижа мало способствовал и показ советских фильмов, имеющих субтитры. Один из эмиссаров, побывавших в 1947 г. в Праге, в своем отчете проявил редкостную по тем временам откровенность в оценке официальной советской культуры, отметив, что «тенденция, заложенная в наших фильмах, носит слишком лобовой характер и для успеха нашей пропаганды в условиях Чехословацкой Республики нужны кинофильмы и пьесы с более глубоко запрытанной в них политической тенденцией менее лобового характера и более интересно построенные в драматургическом отношении»⁴⁵. Сотрудник одного из левых американских изданий в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР С. Лозовским также обращал внимание на низкое качество советской политической драматургии. Пьеса К. Симонова «Русский вопрос», говорил он, сделана настолько грубо, что постановка ее на Бродвее вызвала бы всеобщий хохот, в США практикуются гораздо более тонкие способы подкупа журналистов, нежели те, которые изображает автор, совсем не знающий законов американской прессы⁴⁶.

Не менее болевой точкой советской пропагандистской машины было положение дел с поставкой специальной литературы. До 1944 г. правом книгообмена с заграницей обладали ВОКС, Академия наук и Государственная библиотека имени В.И. Ленина, причем основная масса книг шла через ВОКС. В 1944 г. в связи с возросшим объемом работы на других участках деятельности ВОКСа (организация выставок и т.д.), решено было передать часть его функций другим ведомствам, и библиотека Ленина стала координатором книгообмена с заграницей в масштабах всей страны. Но в 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указы о порядке сношений государственных учреждений СССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств, а также о выписке и использовании иностранной литературы. Главной их целью было ограничение круга обращения в СССР идейно «чуждой» западной прессы и литературы⁴⁷. Согласно этим законам, ознамено-

вавшим собой апофеоз политики секретности и доведшим эту политику до полного абсурда, права подписки на иностранную прессу были лишены Президиум Верховного Совета СССР, ТАСС, редакции «Правды» и «Известий», Институт международных отношений, ОГИЗ, Иностранная комиссия Союза советских писателей; в списке учреждений, за которыми такое право было сохранено, остались лишь ЦК ВКП(б), ВОКС, Совинформбюро, Госплан, АН СССР, а также некоторые другие министерства и ведомства⁴⁸. Библиотека Ленина оказалась в числе учреждений, лишенных возможности подписки на иностранную прессу, равно как и права непосредственных сношений с заграницей. В результате книгообмен с зарубежными странами был практически полностью парализован более, чем на год, вплоть до введения соответствующей поправки в указ⁴⁹. В фондах ВОКСа за вторую половину 1940-х годов содержится немало писем из стран Центральной и Восточной Европы, отправители которых (научные работники, врачи, инженеры и т. д.) жалуются, что вопреки усилению позиций СССР в регионе им, как это ни странно, стало труднее получать специальную литературу из СССР, чем до войны⁵⁰.

Факты свидетельствуют об известном интересе за рубежом не только к русской литературной, музыкальной классике, но и к выдающимся произведениям, ставшим мирового масштаба явлениями, хотя и отмеченным коммунистической тенденциозностью, но превосходившим нормы официальной эстетики сталинской эпохи. Характерны в этой связи многочисленные упоминания в зарубежной (в том числе восточноевропейской) прессе имени репрессированного В. Мейерхольда, высокий престиж советского немого кино 20-х годов⁵¹. Причем некоторые левые зарубежные издания пропагандировали авангардистские течения в советской художественной культуре 20-х годов как бы в пику соответствующим ведомствам СССР, упорно делавшим вид, будто того пласта культуры не существовало. Возник парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской системы ценностей, не только не способствовали, а иной раз даже противодействовали распространению наиболее ценного, что было создано в СССР за годы большевистской власти, даже если это ценное в принципе не противоречило коммунистическим идеалам. В Чехословакии, где в 1945 г. советские фильмы доминировали в прокате, в течение двух последующих лет произошло заметное смещение пропорций в пользу западного, в

первую очередь, американского кино⁵². Схожей была ситуация и в ряде других стран.

Активное утверждение американской кинопродукции на европейском экране было реальностью первых послевоенных лет в большинстве стран континента, включая Францию и Италию. (Стремление европейских киношкол общими усилиями противостоять наступлению Голливуда, собственно, и явилось главной причиной проведения Каннского и Венецианского фестивалей, ставших затем регулярными.) Все-таки, по некоторым сведениям, в 1946 г. новые американские фильмы попадали на экраны Венгрии быстрее, нежели в кинотеатры Скандинавских стран⁵³. Очевидно, широкая экспансия американского кино в Европу не была исключительно следствием того обстоятельства, что кинопроизводство европейских стран, сильно пострадавшее за годы войны, перестало выдерживать конкуренцию с Голливудом даже в борьбе за собственные кинорынки. Наряду с коммерческими интересами в этой экспансии присутствовал и политический момент, причем задача перехватить у СССР инициативу в пропаганде собственной культуры, образа жизни, системы ценностей и т.д. особенно остро стояла в странах, тяготеющих к советской сфере влияния.

Культурно-пропагандистская деятельность США и других западных держав в Центральной Европе не сводилась к области кино. Большое значение ими придавалось специальной литературе (научной, технической, медицинской и т.д.) – завоевание приоритетных позиций в ее пропаганде было призвано способствовать усилению прозападных ориентаций интеллигенции региона. «Обилие английской и американской литературы по вопросам медицины и отсутствие советской литературы может привести к тому, что и та часть врачей, которая настроена просоветски, сможет попасть под нежелательное влияние», – с обеспокоенностью реагировали советские эмиссары⁵⁴. Выражение озабоченности по поводу активной пропагандистской деятельности союзников вообще становилось общим местом в донесениях из разных стран⁵⁵.

Не только в деле доставки литературы, но и в радиопропаганде, организации выставок, обеспечении прессы информацией советские пропагандистские службы явно не выдерживали конкуренцию с американскими, британскими и французскими. «В снабжении фото-

материалами мы стоим на чрезвычайно низком уровне сравнительно с Англией и Америкой как в смысле актуальности фотографий, так и в смысле их технического качества», – самокритично отмечалось в отчете о поездке группы деятелей советской культуры в Австрию летом 1946 г.⁵⁶ Глава делегации академик В. Парин после поездки сделал следующее резюме: «Крайне обидным для нас было видеть, насколько бледной выглядит наша работа по пропаганде советской культуры по сравнению с огромной пропагандистской деятельностью американцев и англичан»⁵⁷. Даже полезные с пропагандистской точки зрения начинания часто осуществлялись настолько неумело, что производили обратный эффект. Так, советская военная администрация в Австрии наводнила кинотеатры своей оккупационной зоны фильмами, снятыми в СССР, но дублированными в Берлине. Между тем, после семи лет немецко-фашистской оккупации прусский акцент вызывал у австрийского кинозрителя резкое отторжение, заставлял уходить из кинозалов. О том, что через советское кино «мы сами внедряем в Австрии диалект ее порабитителей», уведомлял своей запиской высшие инстанции побывавший в Вене писатель П. Павленко, выразив удивление подобной практикой⁵⁸. Сходную реакцию вызывает та недифференцированность подхода, с которой ВОКС и Совинформбюро отбирали пропагандистский материал для разных стран. Так, статья «Победа объединенных славян в Грюнвальдской битве», подготовленная в духе неопанславизма, характерного для советской идеологии середины – второй половины 40-х годов, была послана для публикации в Австрию, что не могло не шокировать даже здравомыслящих красноармейских политработников, не говоря уже о редакторах левых австрийских газет⁵⁹.

Таким образом, культурная жизнь даже тех стран, где (как в Польше, Чехословакии и Венгрии) Советский Союз в своем политическом влиянии имел явный перевес над западными державами, была в первые послевоенные годы полем острой конкурентной борьбы за овладение умами, развернувшейся между СССР, с одной стороны, США, Великобританией и Францией, – с другой. Поставленные в неравные с СССР объективные условия, западные державы старались использовать все возможности для проникновения своих культур в эти страны и для последующего усиления своего политического влияния. Очевидно, даже в 1947 г. на Западе не считали ряд

стран Центральной Европы «безнадежно потерянными» (для «западной демократии»), поскольку именно в это время активность США, Великобритании и Франции в пропаганде своих культур в этих регионах достигла своего апогея. Эта работа приносила свои плоды, чему в немалой мере способствовали, хотя и достаточно скрытые, проамериканские симпатии значительной части населения (характерно, например, что в самых западных районах Чехословакии, освобожденных американской армией, численность обществ дружбы и культурных связей с США вплоть до февраля 1948 г. была, как правило, выше численности аналогичных просоветских обществ, несмотря на то, что последние пользовались покровительством все более доминировавших в политической жизни коммунистических сил и функционировали в более благоприятных условиях)⁶⁰. О результативности пропагандистских усилий западных союзников в Польше говорит хотя бы тот факт, что вплоть до осени 1948 г., когда вследствие советско-югославского конфликта была развернута кампания против «правонационалистического» уклона в ПНР, соотношение американских и советских фильмов на киноэкранах было, по некоторым данным, 2:1, примерно такими же были пропорции англоязычных и советских (а также русских классических) пьес на театральной сцене, а также переводной (с английского и русского языков) литературы⁶¹. В соседней Чехословакии англоязычная литература доминировала в торговле и обращении в течение долгих месяцев после коммунистического переворота в феврале 1948 г.⁶² Только после того, как специальный указ в январе 1949 г. практически свел на нет частное предпринимательство в сфере книгоиздания, пропорции резко изменились. В том же январе 1949 г. вышел закон, согласно которому частные лица лишились права подписки на западную прессу. В административном порядке было распущено популярное среди интеллигенции Общество друзей США. Но и после этих мер культурно-библиотечные центры, функционировавшие при британском и американском посольствах, пытались, и не безуспешно, в очень сложных условиях поддерживать контакты с частью интеллигенции, обеспечивать ее литературой⁶³.

По всем статьям СССР отставал от западных стран в области радиопропаганды. Из-за слабой технической оснащенности советского иновещания передачи, транслируемые из Москвы, были гораздо менее доступны, чем западные, даже в относительно близле-

жащих странах. Надо заметить, что в 1949 г. в Польше было не менее 600 тыс., а в Чехословакии около 2 млн индивидуальных приемников, что делало радиовещание наиболее удобным и эффективным средством пропагандистской деятельности западных стран⁶⁴.

В силу каких причин сталинский режим так и не сумел создать эффективный и конкурентоспособный механизм пропаганды на зарубежную аудиторию? Конечно, надо учитывать и некоторые объективные обстоятельства – нехватку средств в разоренной войной стране, квалифицированных кадров, равно как и специальной литературы по разным областям знаний в крайне трудные для страны первые послевоенные годы (советская продукция на зарубежных книжных рынках была, как правило, значительно дороже американской, и это среди прочих факторов не могло не сказаться на раскупаемости книг). Но главное, на наш взгляд, в другом.

В атмосфере страха перед террором, пронизывавшей все поры общественной жизни СССР эпохи сталинизма, чиновники ВОКСа и других учреждений, как правило, выбирали наилегчайший путь. Они старались не только не проявлять инициативы, но лишний раз перестраховаться перед принятием любого, отнюдь не самого ответственного решения, обратившись за разрешением в вышестоящую инстанцию. Более того, они пытались иной раз уклониться даже от выполнения своих прямых обязанностей, стремились переложить их на другое ведомство или хотя бы разделить с ним ответственность за каждый сделанный шаг. Характерно, что письма крупным советским ученым от их иностранных коллег часто переадресовывались ВОКСом на усмотрение АН СССР или Минвуза, послания зарубежных школьников советским сверстникам пересылались в Минпрос, просьбы о присылке книг переправлялись в Библиотеку им. В.И. Ленина или объединение «Международная книга», о доставке пьес или музыкальных партитур – в Комитет по делам искусств. Письма иностранных рабочих с предложением об обмене опытом уходили в ВЦСПС, значительная часть получаемой корреспонденции пересылалась в МИД, Министерство культуры, Союз писателей и т.д. В каких-то случаях все это можно объяснить посреднической функцией ВОКСа, но чаще именно стремлением избежать самостоятельного принятия принципиального решения на основании полученных писем. Безынициативность, боязнь взять на себя ответственность осо-

бенно проявлялись в работе советских уполномоченных на местах. «Личные общения с немецкими политическими кругами, необходимые в интересах работы, прекратились, так как они рассматриваются как факты неблагонадежного поведения. Вследствие названных выше причин сотрудники СВАГ боятся и не хотят работать с немцами», — отмечалось в 1948 г. в докладной записке комиссии ЦК ВКП(б), проверявшей деятельность Управления информации СВАГ⁶⁵. По результатам проверки комиссия сделала вывод: «Боязнь работы с немецким населением наносит огромный ущерб государственным интересам Советского Союза, в значительной степени сужает наши возможности в деле влияния на немцев и вырастает в политическую проблему огромной важности».

Аналогичные донесения поступали и из других стран, в том числе из Франции. Руководство Общества друзей СССР в этой стране жаловалось на крайнюю безынициативность работников советского посольства, отсутствие какой-либо помощи с их стороны⁶⁶. О том, к чему это приводило, свидетельствует письмо из Англии (1946 г.) от активиста местного Общества друзей СССР: натолкнувшись на непонимание со стороны советских чиновников, не получив от них ответов на свои письма и обращения, говорилось в письме, «люди, разочаровавшись, уходят из англо-советских комитетов». Далее автор продолжал: «... разочарование, которого можно было бы избежать при помощи лучшего сотрудничества и большего интереса со стороны соответствующих властей, означает, что эти люди становятся легкой добычей антисоветской клеветы. Приходится считать весьма печальным тот факт, что отсутствие небольшого старания с советской стороны приводит к заметной потере друзей Советского Союза»⁶⁷.

Важным элементом в пропагандистской машине СССР был Главлит, осуществлявший контроль как за продукцией, подлежащей отправке, так и за «входящей». Контроль Главлита был всеобъемлющим, его проходили не только письма, книги и пресса, но и фильмы, материалы фотовыставок, почтовые марки, музыкальные партитуры, репродукции картин, эскизы театральных костюмов, архитектурные проекты⁶⁸. Для повторной передачи каких-либо материалов было необходимо повторное разрешение Главлита. Сотрудники аппарата ВОКСа не имели права просматривать и даже держать на своих рабочих столах иностранную литературу, прессу и корреспонденцию по крайней мере до получения соответствующей

санкции Главлита. Вот фрагмент внутриведомственной переписки ВОКСа за 1948 г., хорошо показывающий атмосферу всеобщей подозрительности, предельной осторожности и перестраховки, царившую в органах ВОКСа, как вероятно, в любом советском учреждении в эпоху сталинизма. Зав. спецхраном ВОКСа пишет докладную вышестоящему начальству с просьбой дать указание центральноевропейскому отделу забрать в отдел просмотренную Главлитом литературу на венгерском языке, скопившуюся в спецхране в большом количестве и ждущую обработки. Сотрудники отдела, боясь навлечь на себя какие-либо подозрения в политической нелояльности, от приема иностранной литературы категорически отказываются: «Учитывая Ваше указание не держать на столах в отделе никаких материалов, в особенности иностранную литературу, я от приема всей литературы из спецхрана отказалась», – читаем в адресованной начальству объяснительной записке одной из сотрудниц отдела⁶⁹.

Режим особой секретности отрицательно сказывался на оперативности. В ВОКСе постоянно работает всего один представитель Главлита и отправляемая за границу литература «месяцами ждет его визы», читаем в одной из докладных⁷⁰. В такой обстановке значительно страдала также информированность лиц, призванных по долгу службы отвечать за пропагандистскую работу в зарубежных странах. Удивительно в наши дни читать записку председателя Совинформбюро Б.Н. Пономарева в ЦК ВКП(б) (1948 г.), в которой он жаловался на то, что, согласно предписаниям свыше, не получает текстов многих постановлений ЦК⁷¹.

Особенно бдительно соответствующие службы следили за тем, чтобы за границу не просочилась «устаревшая» (согласно фразеологии того времени), «политически неактуальная» литература. Сюда относились, в первую очередь, книги и статьи, содержавшие упоминания о «врагах народа», но вообще «политическая неактуальность» трактовалась более расширительно. Были случаи, когда к разряду «устаревшей» литературы относили книгу Н.К. Крупской о В.И. Ленине и даже труды классиков марксизма: в одной из работ Ф. Энгельса содержится «ряд неправильных положений», а потому ее распространение нецелесообразно, читаем в письме из Москвы⁷².

Поскольку политическая конъюнктура менялась – совершались новые аресты, исчезали, уходили в политическое небытие другие

люди, а уже просочившаяся за границу информация подобно выпущенному на волю воробью оказывалась в недосягаемости органов Главлита, в нужный момент вступало в действие иное звено в системе идеологического контроля, функции «министерства правды» (по Дж. Оруэллу) брали на себя уполномоченные ВОКСа и других советских пропагандистских ведомств в соответствующих странах. Сохранилось, например, относящееся к августу 1953 г. (позади был арест Л.П. Берии) письмо представителя ВОКСа в Венгрии: он просил свое начальство выслать списки устаревших фотоматериалов, которые надлежало незамедлительно изъять у редакций получивших их ранее газет – «представительство Совэкспортфильма такую работу уже организовано проводит»⁷³. Все-таки вопреки всем своим претензиям на всеохватность советский разрешительный механизм был машиной несовершенной, дававшей сбой. Бывали случаи, когда в органах ВОКСа явно по недосмотру санкционировали отправку книг писателей, находившихся в заключении. Так, одна научно-популярная книга, принадлежавшая перу Даниила Андреева, была отправлена по каналам ВОКСа за рубеж в месяцы, когда ее автор, прославившийся уже после смерти мыслитель эзотерического толка, находился во Владимирской тюрьме, скрашивая однообразие арестантских будней беседами с духом давно скончавшегося А.А. Блока.

Из вышесказанного напрашивается вывод: атмосфера страха и всеобщей бдительности негативно сказывалась на действенности, эффективности функционирования пропагандистского механизма, обращенного к зарубежной аудитории, призванного выполнять важную внешнеполитическую задачу – формировать общественное мнение зарубежных стран в благожелательном по отношению к СССР духе. Принимая решения об отправке тех или иных материалов за рубеж, в ВОКСе и других ведомствах руководствовались, в первую очередь, критерием их идеологической выдержанности подчас в ущерб другим, в частности, эстетическим и познавательным критериям. В ответ на запросы чешских издательств прислать ту или иную советскую книгу «Международная книга» «отмалчивается, видимо, перестраховываясь и стараясь на международный рынок выбрасывать только такие произведения, которые прошли у нас уже самую высокую апробацию», констатировалось в докладной одного из советских литераторов, побывавших в Праге⁷⁴. Иной раз даже

деятели культуры, близкие компартиям, противились насаждению советскими представителями малохудожественной продукции⁷⁵.

Вообще важно заметить, что коммунисты в самих странах не всегда оказывались хорошими партнерами СССР в ведении пропаганды: чрезмерное усердие в восхвалении хозяев могло их скомпрометировать, как силу, служащую инациональным интересам, и ослабить тем самым их позиции, на что кстати неоднократно указывали в те годы в своих отчетах советские наблюдатели. «Недопустимо пассивная тактика компартии в вопросе оживления пропаганды советской культуры в стране и укрепления в связи с этим Общества (венгерско-советского культурного общества. – А.С.) объясняется, по нашему мнению, боязнью коммунистов, что их могут обвинить в недостатке патриотизма и пристрастии к Советскому Союзу», – докладывал в Москву уполномоченный ВОКСа по Венгрии в 1948 г.⁷⁶ Даже после событий 1948–1949 гг., связанных в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы с вытеснением оппозиции и установлением монопартийных диктатур, перед коммунистами продолжала в той или иной мере стоять проблема сохранения своего «национального лица». «Весьма существенной ошибкой отдела ЦК... является боязнь перед националистическими и антисоветскими предрассудками и убеждениями известных слоев польского населения и ложное опасение того, как бы кто-нибудь не упрекнул их в том, что они (партия и ее печать) – агенты СССР, как бы не пересолить в пропаганде Советского Союза и его политики», – читаем в докладной представителя Совинфобюро в Польше, относящейся к апрелю 1949 г.⁷⁷ Начиная с 1945 г. коммунистам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы немало сложностей доставляло, подрывая их политический престиж, участие Красной Армии, органов безопасности и других советских ведомств в проводившихся под предлогом дефашизации акциях по очищению государственного аппарата от потенциальных противников коммунистической альтернативы – жертвами этих акций стали и лица, нескомпрометировавшие себя сотрудничеством с фашистами⁷⁸. Не только коммунисты, но и советские представители иной раз выражали серьезную обеспокоенность, видя, как коммунистическим силам с трудом удается убеждать население в том, что они являются не просто «агентурой оккупационных властей», а одной из национальных по-

литических партий (характерны в этом смысле донесения из Восточной Германии)⁷⁹.

Применительно к интеллигенции разных стран (и в первую очередь, творческой) можно говорить, что известные идеологические постановления 1946–1948 гг., ознаменовавшие собой еще более воинствующее наступление догматизма и нетерпимости в культурной политике ВКП(б), способствовали среди прочего усилению ее настороженности в отношении коммунистической идеологии и снижению симпатий к СССР. В грубом попрании творческих свобод в СССР виделся тот тип отношений между властью и деятелями культуры, который в случае крушения коалиционных форм правления и единоличного утверждения коммунистов у руля мог стать реальностью и в странах советской сферы влияния. В Чехословакии даже некоторые левые издания проявили такую обеспокоенность новыми постановлениями, что руководителю Союза советских писателей А.А. Фадееву пришлось срочно вылететь в Прагу, чтобы в ходе встреч с чешскими литераторами сделать разъяснения, едва ли, впрочем, успокоившие основную часть творческой интеллигенции⁸⁰. Очень болезненно отреагировали на «новые веяния» в культурной политике ВКП(б) левые интеллектуалы Франции. Как докладывали в Москву советские дипломаты, газета «Юманите» после публикации очередного выступления А.А. Жданова «молчит», а писатель-коммунист Л. Арагон на просьбу советского посольства выступить против кампании, развернувшейся в буржуазной прессе, «с усмешечкой ответил: мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела»⁸¹. В условиях резкого обострения «холодной войны» коммунистические силы в различных странах были особенно заинтересованы в укреплении собственной базы за счет привлечения на свою сторону по возможности большего числа интеллигентов. Этому однако явно не способствовало происходившее параллельно ухудшению международной обстановки усиление сектантских начал во внешней политике СССР, отразившееся и на официальном отношении ко многим современным зарубежным художникам и целым направлениям в культуре, в том числе и левого толка. Факты свидетельствуют о крайней недалекости тех, кто ведая в СССР пропагандой за рубежом успехов «Страны Советов», оттолкнул от себя своей нетерпимостью немало потенциальных союзников. Даже художники коммунистического лагеря предостерегали иногда совет-

скую сторону от непродуманных действий, способствовавших падению престижа СССР. В РЦХИДНИ сохранилась запись беседы Л. Арагона с представителем ВОКСа, в ходе которой крупный французский писатель-коммунист с недоумениемотреагировал на развязанную в СССР кампанию против формализма, когда сторонник компартии П. Пикассо объявлялся врагом социалистического искусства. Если Советский Союз настолько уверен в собственном политическом могуществе, что не испытывает нужды в союзниках за рубежом и благоприятном для себя общественном мнении на Западе, тогда деятельность ВОКСа и подобных ему организаций вообще теряет какой-либо смысл – такое умозаключение прочитывается между строк в размышлениях Арагона⁸².

Если художественная интеллигенция разных стран проявила обеспокоенность в связи с развернувшейся в СССР борьбой против «формализма» в искусстве, то для научной интеллигенции важной причиной усиления настороженности в отношении «Страны Советов» послужили кампании по утверждению приоритетов русской науки, сопровождавшиеся грубой критикой ученых-«космополитов». Решения печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., ознаменовавшей наступление «лысенковщины» в биологической науке, в соответствии с принятыми на высоком уровне установками широко пропагандировались за рубежом. При этом совершенно отсутствовало всякое чувство меры. В Совинформбюро устроили разнос журналисту в заметке, адресованной зарубежному читателю, написавшему, что задача советских биологов – «догнать и превзойти зарубежную науку». «Наша биологическая наука уже решила эту задачу», – прозвучал вердикт⁸³. Между тем все происходившее в СССР в области биологической науки воспринималось на Западе прежде всего как свидетельство глубокого кризиса научной мысли. Точно так же оценивались и шумные пропагандистские кампании по утверждению приоритетов русских ученых в изобретениях, открытиях, технических нововведениях. Даже симпатизировавшие Советскому Союзу члены научной секции Общества друзей СССР во Франции с недоумением писали о сложившемся в советской науке положении, когда ученые Страны Советов «воображают, что некоторые методы открыты ими, тогда как в действительности они уже давно применяются во Франции»⁸⁴.

Конечно, было бы явным упрощением говорить о том, что из СССР по официальным пропагандистским каналам переправлялись только парадные портреты и бюсты Сталина, напичканные унылой дидактикой романы о передовиках производства да лишенные даже намек на жизненные конфликты современные пьесы и кинофильмы. О том, сколь сложна и неоднозначна проблема советской культурно-идеологической экспансии, свидетельствует обстоятельство, о котором иной раз склонны забывать: по одним и тем же каналам и в одно и то же время из СССР передавалась не только низкопробная пропагандистская продукция, но и произведения русского классического наследия в области литературы и музыки, которые в странах Восточной Европы, да и во многих других государствах мира гораздо шире, чем до войны, издавались, исполнялись, ставились на сцене. Не только коммунистическая и близкая ей пресса отмечала высокий профессионализм гастролировавших советских музыкантов – пианистов С. Рихтера, Э. Гилельса, скрипача Д. Ойстраха, дирижера Е. Мравинского, балерины Г. Улановой. Их творчество было самым лучшим пропагандистом советской культуры. Распространение подлинных духовных ценностей не могло не способствовать подтверждению высокого престижа русской культуры (а значит и самой страны) при том, что ее наследие преподносилось зарубежной аудитории в крайне усеченном виде – за бортом оставалось все то, что не укладывалось в схемы сталинской эстетики. Характерно, что границы разрешенного культурного фонда расширялись и сужались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, до 1948 г. советские пропагандистские службы достаточно широко популяризировали произведения С. Прокофьева и Д. Шостаковича, после же известного постановления ЦК ВКП(б), объявившего войну «формализму» в музыке, они явно в ущерб престижу русской культуры стали препятствовать их распространению⁸⁵. Определенные шаги по ознакомлению зарубежной публики с шедеврами русской культуры предпринимались в обход ВОКСа, Совинформбюро и «Международной книги», а иной раз даже вопреки их усилиям. Так, в 1946–1947 гг. в Польше, Чехословакии и Венгрии вышли первоклассные антологии стихотворных произведений русских поэтов XIX и первой половины XX в. Публикация в этих изданиях стихов многих авторов, чье творчество в СССР тогда замалчивалось, в том числе

расстрелянного в 1921 г. Н. Гумилева, репрессированного в 1937 г. О. Мандельштама, опальной А. Ахматовой, вызвала крайне негативную реакцию референтов ВОКСа⁸⁶. Как бы там ни было, с творческим наследием этих поэтов, не рекомендованным компетентными советскими инстанциями к распространению, также были в те годы знакомы зарубежные читатели.

Подводя итоги, следует заметить: роль Советского Союза во второй мировой войне, равно как и полевание сознания интеллигенции ряда стран Европы и Америки, способствовали не только повышению интереса к СССР, но и известному усилению просоветских настроений. Тем самым создавались благоприятные условия для дальнейшего формирования в пользу СССР общественного мнения за рубежом. Однако послевоенная политика советского государства, характеризовавшаяся проявлениями сектантства и во многом ставшая причиной дальнейшего нагнетания «холодной войны», объективно работала против создания положительного образа «Страны Советов». С другой стороны, антидемократический характер сталинского режима из-за отмеченных обстоятельств не способствовал образованию эффективного пропагандистского механизма (недостатки его функционирования отчетливо проявились, в частности, в пропаганде на страны Центральной и Юго-Восточной Европы, относившиеся к советской сфере влияния). Таким образом, предпринимавшиеся в первые послевоенные годы усилия по формированию в пользу СССР и советской культуры зарубежного общественного мнения, при всей их масштабности, нередко оказывались малоэффективными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский центр хранения и изучения документов по новейшей истории (далее РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 25.

² Подробнее см.: *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 57.

⁴ Так, например, британская фирма «Хэтчисон» с июня 1943 по декабрь 1945 г. издала по договорам, заключенным с объединением «Международная книга», 82 произведения общим тиражом 600 тыс. экз. Среди ее продукции была как политическая, так и художественная литература (Там же. Д. 355. Л. 218; Д. 272. Л. 73–74).

⁵ Там же. Д. 371. Л. 57–61.

⁶ Там же. Д. 272; Д. 355. Л. 63.

⁷ Там же. Д. 538. Л. 35. Спрос на работы В.И. Ленина и И.В. Сталина, и вообще на советскую политическую литературу существовал в 1944-1945 гг. и в Англии (Там же. Д. 272. Л. 9). Наряду с другими книгами раскупалась и «История ВКП(б). Краткий курс». В том же деле см. данные о росте тиража произведений И.В. Сталина на Западе.

⁸ Там же. Л. 40.

⁹ Там же. Д. 392. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 135. Цель докладной С. Ростовского – обратить внимание советского руководства на необходимость приспособления пропагандистского механизма к изменившейся в Великобритании политической ситуации и общественным настроениям. Говоря об изменении ситуации, надо учитывать, конечно же, и характерное не только для Англии, но и для других стран, пресыщение читателя военной тематикой.

¹¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 16, 17.

¹² Там же. Оп. 16. Д. 10.

¹³ См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов). Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М., 1994. Управление пропаганды СВАГ, о деятельности которого идет речь в этом сборнике, занималось не только и не столько пропагандой в подлинном смысле слова, сколько контролем за деятельностью политических партий и общественных организаций Восточной Германии.

¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 207–208.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «В широких кругах немецкой интеллигенции еще сильны застарелые антисоветские предрассудки, вызванные отчасти влиянием многолетней фашистской пропаганды, отчасти – отдельными фактами недостойного поведения некоторых наших военнослужащих», – читаем, например, в донесении, относящемся к июлю 1946 г. (Там же. Д. 462. Л. 72).

¹⁷ Там же. Д. 371. Л. 207–208.

¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 42.

²⁰ Там же. Д. 469. Л. 58, 62.

²¹ Там же. Д. 395. Л. 124.

²² Весной 1939 г. руководство ВОКСа в записке, адресованной в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), так очертило круг своей деятельности: «Вся работа ВОКСа проводится главным образом среди интеллигенции и только в отдельных случаях ВОКС имеет непосредственную связь с обществами друзей Советского Союза, то есть обществами радикального типа, обществами рабочими» (Там же. Д. 3. Л. 83).

²³ Там же. Д. 371. Л. 138. В связи с увеличением объема задач ВОКСа В.С. Кеменов просил о значительном расширении штата, дополнительном привлечении квалифицированных кадров.

²⁴ Там же. Д. 395. Л. 47. «Грех упускать немногие практические возможности популяризации нашей страны, которые представляются нам в настоящее время», – заключил он.

²⁵ Там же. Д. 462. Л. 43.

²⁶ Там же. Д. 539. Л. 81.

²⁷ Там же. Д. 538. Л. 50–54. В связи с этим в ЦК ВКП(б) выдвигалось предложение о том, чтобы Иноиздат печатал только книги, не имеющие шансов быть опубликованными на Западе. В довоенный период это издательство выпускало в основном пропагандистскую литературу по заказам Коминтерна, но во время войны стало активно издавать и произведения русских и советских писателей в переводах на многие языки народов мира (Там же. Д. 272). Жалобы на низкое качество переводов продукции Иноиздата часто встречаются в ведомственной документации. «Если в Москве еще и остались итальянцы, то такие, кто ранее никогда и не помышлял о литературной работе. Книги с таким переводом в Италии не пускают в продажу», – докладывал в 1948 г. в Москву представитель Совинформбюро в Риме (Там же. Оп. 132. Д. 22. Л. 18–20). См. также аналогичные донесения из Франции (Там же. Оп. 125. Д. 391).

²⁸ Там же. Оп. 132. Д. 538. Л. 48. В аналогичном положении оказались и некоторые произведения И.В. Сталина.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ См., в частности, записку председателя правления ВОКСа В. Кеменова в ЦК ВКП(б) (апрель 1944 г.), в которой предлагалось преодолеть ведомственную разобщенность, сосредоточив в ведении ВОКСа Иноиздат и редакцию газеты «Москоу ньюс» (Там же. Д. 272). Несколько позже, уже после окончания войны, заместитель министра иностранных дел СССР С. Лозовский, одно время возглавлявший по совместительству Совинформбюро, ставил вопрос о передаче своему ведомству всех функций по заключению договоров на издание книг, тогда как в ведении «Международной книги» должно было остаться распространение книг, изданных в СССР. С. Лозовского поддержал и руководитель Союза советских писателей А. Фадеев. Это предложение, затрагивавшее интересы «Международной книги», не было, однако, принято (Там же. Д. 538). Жалобы на несогласованность действий различных звеньев пропагандистского механизма нередко звучали в письмах советских эмиссаров в Восточной Германии. См: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сб. док.).

³¹ См., в частности, постановления ЦК ВКП(б) «Об издании литературы на иностранных языках» (1944), «Об улучшении советской пропаганды за рубежом» (1945), «О реорганизации Совинформбюро» (1946), «О мерах по

дальнейшему улучшению радиовещания на зарубежные страны» (1952) и ряд других (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125). Результативность всех этих документов была, как правило, невелика, из разных стран продолжали поступать жалобы на невысокую эффективность пропагандистского механизма. Вслед за этим принимались новые постановления, во многом повторявшие то, что уже звучало в прежние годы. Не только партийные решения, но и апелляции в самые высшие органы партии не приводили к изменениям в работе пропагандистского механизма. «Только Ваше вмешательство поможет коренному улучшению постановки советской печатной пропаганды в странах народной демократии», — обращался в мае 1947 г. к Жданову заведомо Совинформбюро в Праге (Там же. Д. 509. Л. 163–164). Мы не знаем, было ли личное вмешательство Жданова, однако низкая эффективность работы Совинформбюро и в дальнейшем отмечалась многими, кто анализировал деятельность этого ведомства.

³² Там же. Д. 509. Л. 278. Эта проблема нашла своеобразное разрешение после установления в Чехословакии в феврале 1948 г. коммунистического режима. Как читаем в одном из документов 1949 г., заведомо чешской профсоюзной газеты «Праце», саботировавший материалы Совинформбюро, после жалобы в ЦК КПЧ представителя этого ведомства, был снят с работы (Там же. Оп. 137. Д. 76).

³³ Там же. Оп. 125. Д. 383. Л. 57.

³⁴ Вопрос о серьезных недостатках в работе иновещания с довоенных лет многократно рассматривался в органах ЦК. «Работа протекает без плана, от случая к случаю, и сектора, и центральная редакция проявляют слишком мало инициативы и гибкости, чтобы сделать радиопередачи живыми и актуальными», — читаем в записке секретаря Исполкома Коминтерна Д. Мануильского в ЦК ВКП(б) от 1939 г. (Там же. Д. 3. Л. 93–95). Технический уровень вещания слаб, информационный материал не обрабатывается в соответствии с запросами иностранного слушателя, нет и точно установленного графика передач, так что слушатель, включая радио, никогда не знает, какую передачу услышит, продолжал Мануильский. Судя по многочисленным докладным, положение мало изменилось и после войны.

³⁵ Там же. Д. 391. Л. 133. «Сталинское учение о социалистическом государстве», «Расцвет Грузии при Советской власти», — таковы характерные темы пропагандистских брошюр ВОКСа, хотя справедливости ради надо сказать, что иногда к написанию материалов, в частности, к юбилеям выдающихся деятелей русской культуры, привлекались серьезные специалисты, которые, хотя и вынуждены были считаться с господствующими идеологическими установками, все же пытались донести до зарубежного читателя содержательную информацию.

³⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 426. Л. 32. Редакторы польских газет, лучше знающие свою аудиторию, как правило, отвергали присланные из

СССР материалы на сельскохозяйственные темы на том основании, что в них «чересчур откровенно говорилось о преимуществах колхозов» (Там же. Оп. 137. Д. 79).

³⁷ Там же. Оп. 125. Д. 392. Л. 144.

³⁸ Там же. Д. 391. Л. 137.

³⁹ Там же. Д. 509.

⁴⁰ Там же. Д. 538. Л. 83. Затоваривание торговых точек низкокачественными советскими пропагандистскими брошюрами имело место и в Польше (Там же. Оп. 137. Д. 79). В подготовленной в декабре 1946 г. докладной о работе представительства Совинформбюро в этой стране, читаем: «Эффективность советской пропаганды в Польше далеко не удовлетворяет требованиям политического момента» (Там же. Оп. 125. Д. 509. Л. 4).

⁴¹ Между тем, к качеству учебников русского языка, изданных за рубежом, предъявлялись серьезные претензии. Как читаем в донесении из Венгрии, «работа по изданию учебника и грамматики русского языка, видимо, прошла без всякого внимания со стороны нашей миссии и политического отдела Союзной Контрольной Комиссии, так как каждая страница учебника представляет собой сплошной анекдот в отношении элементарной русской грамотности» (Архив внешней политики МИД РФ (далее АВП). Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 48).

⁴² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 113. Л. 2. Как говорилось далее в том же письме, такое положение сложилось не только с фильмами; от советских эмиссаров в лучшем случае приходится выслушивать дружественные слова и «пустые обещания, выполнение которых откладывается всегда на неопределенное время» (Там же. Оп. 16. Д. 19. Л. 165).

⁴³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 251. Л. 40. Французские кинозрители также жаловались на низкое качество дубляжа советских фильмов (Там же. Оп. 125. Д. 391)

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Д. 75. Л. 198–199.

⁴⁶ Там же. Оп. 125. Д. 509.

⁴⁷ Эта проблема очень заботила не только органы безопасности, но и высшие партийные инстанции. Периодически устраивались кампании по проверке сохранности секретной литературы. В ходе одной из них предполагалось изъять у переводчиков, работавших по договорам с Издательством иностранной литературы, копии выполненных ими переводов. Как отмечалось в соответствующей докладной, «оставление у переводчиков копий переводов книг иностранных авторов, содержащих часто антисоветскую пропаганду, может способствовать ее распространению» (Там же. Д. 539. Л. 83).

⁴⁸ В списке институций, лишенных права подписки на иностранную прессу, фигурировали и некоторые персоналии, прежде таким правом об-

ладавшие, например, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, к этому времени оказавшийся в первой своей опале (Там же. Д. 539).

⁴⁹ Там же. Д. 579. Л. 150.

⁵⁰ См., например, польский материал: Там же. Оп. 132. Д. 23. Л. 91.

⁵¹ Референт ВОКСа в обзоре венгерской печати с крайним недоумением отмечал, что в Венгрии «о Мейерхольде писались целые статьи» (Там же. Оп. 125. Д. 509. Л. 172).

⁵² «Редкий советский фильм, если и промелькнет на экране, то держится в кинотеатре один, два дня, после чего спешно заменяется американским», — читаем в одном из донесений (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 75. Л. 198—199; См. об этом также: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 5. Л. 6). На прокатной судьбе советских фильмов сказывалось помимо всего прочего то обстоятельство, что цены на них были, как правило, выше цен на фильмы западного производства, тогда как качество пленки ниже (АВП. Ф.077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 78).

⁵³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 126. Л. 126.

⁵⁴ АВП. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 43. Л. 98.

⁵⁵ См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73, 176, 269, 276 и др. «В настоящее время англо-американская пропаганда в Германии приняла весьма широкие размеры. Англо-американцы развернули широкую сеть радиостанций в их зонах, а кроме того приступили к проведению обширных радиовещательных программ на немецком языке из Лондона», — читаем в докладной из Восточного Берлина (СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. Сб. док. С. 47). При американских и английских дипломатических представительствах в Варшаве, Праге, Будапеште функционировали библиотеки, куда регулярно доставлялась не только свежая пресса, но и книги по различным областям знаний, тогда как в почтовой связи с СССР наблюдались перебои. Немалый интерес интеллигенции, студенчества, да и некоторых других категорий населения вызывали кинопоказы (нередко бесплатные), музыкальные концерты, выставки, лекции, курсы по обучению языкам. Школам предоставлялись на прокат научно-популярные и учебные фильмы. Пресс-бюллетени, рассылаемые посольствами редакциям газет, содержали познавательную информацию, привлекавшую внимание национальной прессы. О том, в каких условиях издавались эти бюллетени, свидетельствует такой факт. По настоянию МИД Польши в 1949 г. сотрудник американского посольства, отвечавший за издание пресс-бюллетеня, был удален из страны за то, что в одной из публикаций назвал Польшу советским сателлитом (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 79).

⁵⁶ АВП. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 37.

⁵⁷ Там же. Л. 48. А в донесении из Парижа читаем: большое впечатление на французов произвела выставка «Англия в войне», организованная британскими пропагандистскими службами. Выставки ВОКСа заметно уступают, им

«не хватает размаха, широты в работе, изобретательности» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 61).

⁵⁸ Там же. Д. 509. Л. 301.

⁵⁹ АВП. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 43. Л. 37. В том же ряду стоит и случай с радиотрансляцией на Германию песни «Священная война».

⁶⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73. Л. 125. «В Чехословакии с ее большой прослойкой мелкой буржуазии и интеллигенции, годами воспитываемой и ориентируемой на культуру западных стран, англо-американская пропаганда имеет среди этой части населения немалый успех и стремится проникнуть во все поры чехословацкой жизни. Об этом говорит и тот ставший известным посольству факт, что спустя более года после февральских событий (победа коммунистических сил в 1948 г. – А.С.) в ряде чехословацких детских садов разучивается и распевается американская песенка на чешском языке, восхваляющая ложную доблесть американского морского флота», – читаем в одном из донесений советского посольства за 1949 г. (Там же. Л. 137).

⁶¹ *Korzon A. Polsko-radzieckie kontakty kulturalne w latach 1944–1950. Wrocław-etc. 1982. S. 43.*

⁶² В течение 1948 г. чехословацкими издательствами было опубликовано 692 книги иностранных авторов, из которых 258 принадлежало англо-американским и 135 русским и советским (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73. Л. 135).

⁶³ Там же. Д. 73, 276. «В сегодняшней Чехословакии не так уж безопасно открыто, днем, в самом центре города, посещать американское и английское информационное бюро. Точно так же не каждый, даже реакционно настроенный гражданин согласится открыто по почте получать газеты, журналы, книги, посылаемые из информационных органов Америки или Англии», – откровенно признавал в 1949 г. в своей записке представитель Совинформбюро в Праге (ГА РФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 265. Л. 30). Тем показательнее приводимые в документах данные о масштабах участия чешской и словацкой интеллигенции в работе западных культурных институций. Даже в Болгарии, где и в самые первые послевоенные годы не было значительной антикоммунистической оппозиции, а русофильские настроения в среде интеллигенции были сильнее, чем в любой другой стране, по меньшей мере до 1947 г., книги, переведенные с западных языков, явно доминировали в общем потоке выпускаемой книжной продукции над переводами с русского языка: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 629.

⁶⁴ Там же. Оп. 137. Д. 73, 79.

⁶⁵ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. Сб. док. С. 215.

⁶⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 61 и др. Стремление посольских работников перестраховаться на случай возможных обвинений в нежелатель-

ных связях приводили к тому, что многие письма и научные труды, направляемые французскими учеными в АН СССР, не доходили до адресата. В отчетах комиссий, проверявших работу иновещания, иногда обращалось внимание также на то, что журналисты боятся комментировать события международной жизни, которым не была дана официальная оценка.

⁶⁷ Там же. Д. 392. Л. 5–6. О снижении симпатий к СССР в Великобритании в 1946–1947 гг. свидетельствуют результаты опроса общественного мнения, проведенного Институтом Гэллага (Там же. Л. 132).

⁶⁸ Главлит руководствовался в своей деятельности рядом положений, утвержденных Совмином СССР, в том числе принятым в октябре 1948 г. «Положением о порядке осуществления контроля над вывозом за границу и ввозом в СССР произведений печати, изопroduкции и других предметов искусства» (Там же. Оп. 132. Д. 75). Время от времени составлялись списки изъятой из советских книгохранилищ литературы, «необходимые для ориентировки» тех, кто ведал пропагандой за рубежом (Там же. Оп. 125. Д. 3).

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 113. Л. 34–35.

⁷⁰ Там же. Д. 355. Л. 167. Работа республиканского ОКСа Армении, наметившего обширный план мероприятий по пропаганде советской культуры среди армянской диаспоры во всем мире, была парализована только из-за позиции Главлита, потребовавшего копирования всех материалов на русском языке, что было невыполнимо из-за огромного объема работы (Там же. Д. 594. Л. 120–121).

⁷¹ Там же. Д. 509. Л. 310.

⁷² АВП. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 112.

⁷³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 196. Л. 146.

⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 75. Л. 199.

⁷⁵ Так, писатель А. Габор выступил против постановки в венгерском Национальном театре пьесы К. Симонова «Русский вопрос», не без оснований заявив, что эта пьеса «антихудожественна, агитка и для венгерского зрителя не подойдет». Поскольку мнение автора либретто ряда произведений И. Кальмана имело немалый вес, руководитель Национального театра Т. Майор вернул пьесу уполномоченному ВОКСа. «Нам пришлось основательно повозиться с т. Габором, чтобы он изменил свою точку зрения на "Русский вопрос"», – докладывал уполномоченный в Москву (АВП. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 12–13).

⁷⁶ Там же. Оп. 28. П. 131. Д. 52. Л. 150. Несколько ранее другой сотрудник ВОКСа не без сарказма отмечал в своей записке, что газета венгерских коммунистов «Сабад нел» «почему-то считает своим долгом скромно умалчивать свой неустанный интерес и свои прочные симпатии к СССР» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 191.). Показательно, что венгерско-чехословацкие межправительственные трения 1945–1948 гг., связанные с переселением вен-

герского меньшинства из Словакии в Венгрию, в немалой мере осложнили и отношения между компартиями обеих стран, поскольку каждая из партий была вынуждена хотя бы из тактических соображений заявлять о себе в качестве силы, ставящей во главу угла национальные интересы.

⁷⁷ Там же. Оп. 137. Д. 79. Л. 26. Характерно, что органы Советской военной администрации в Германии использовали лишь в ограниченных масштабах пропагандистские каналы КПГ (позже СЕПГ), так как не были заинтересованы в том, чтобы те выглядели прямыми проводниками советского влияния (Там же. Оп. 125. Д. 538. Л. 84).

⁷⁸ «Мы часто слышим от "благосклонных" посторонних лиц о том, что влиянию нашей партии вредят злоупотребления Красной Армии по отношению к населению», – так лидер венгерских коммунистов М. Ракоши информировал весной 1945 г. Г. Димитрова, в то время возглавлявшего внешнеполитический отдел ЦК ВКП(б) (Там же. Оп. 128. Д. 782. Л. 232).

⁷⁹ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. Сб. док. С. 162.

⁸⁰ Текст его выступления см.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 462. Л. 222–234.

⁸¹ Там же. Д. 391. Л. 101–110.

⁸² Там же. Д. 509. Л. 293. Интересно заметить, что и некоторые видные деятели советской культуры имели смелость пойти против течения, обращая внимание партийных органов на необходимость более терпимого отношения к западным интеллектуалам, стоявшим на левых политических позициях, но не разделявшим творческих принципов; декларированных официальной Москвой. Так, С. Образцов на совещании в ЦК в 1948 г. говорил: «Иногда мы сами отталкиваем от себя друзей СССР. Зачем так критиковать Пикассо? ... Французская интеллигенция стоит на распутье так же, как в свое время стояла на распутье русская интеллигенция. Маяковский когда-то был футуристом, но это не помешало ему стать одним из лучших советских поэтов» (Там же. Д. 594. Л. 50).

⁸³ Там же. Оп. 132. Д. 123. Л. 3.

⁸⁴ Там же. Оп. 125. Д. 391. Л. 135.

⁸⁵ Руководство ВОКСа в письмах своим уполномоченным в странах Центральной Европы предлагало поставить перед радиокomiteетами этих стран вопрос об исключении из репертуара «формалистических» произведений (АВП. Ф. 077. Оп. 28. П. 131. Д. 52). Все же и в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии произведения этих композиторов продолжали, хотя и реже, чем раньше, исполняться.

⁸⁶ См., например: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127.

Режим Ракоши: система политического произвола

Когда летом 1953 г. на июньском пленуме Центрального руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ) впервые прозвучала резкая и открытая критика в адрес генерального секретаря этой партии Матьяша Ракоши, выступавшие, как правило, сводили причину всех бед к нарушению коллегиальности, «вождизму», культу личности Ракоши. Ни в решениях июньского пленума, ни в последующих документах при характеристике обстановки в партийной и государственной жизни никогда и речи не было об «авторитарной системе». Культ личности ни в коей мере не отождествлялся с той структурой власти, что сложилась в Венгрии к 1948 г., в нем видели не закономерное следствие коммунистической формы правления, а всего лишь искажение стиля и методов политического руководства. Пока существовал коммунистический режим, критика, исходившая изнутри, не ставила целью глубже проникнуть в суть явлений, а потому, сколь бы страстной она ни была, не могли появиться гарантии того, что порочная политическая практика не повторится.

Требование введения коллективного руководства было выдвинуто в середине 50-х годов во многих социалистических странах, стало одним из главных лозунгов десталинизационной политики Хрущева. Однако этот лозунг не учитывал в должной мере того, что еще задолго до провозглашения Сталина вождем в международном коммунистическом движении господствовал принцип демократического централизма, создававший все условия для неограниченной концентрации власти.

Демократический централизм уже во времена Ленина имел мало общего с демократией, и ленинский период являлся в своем роде переходным от царского самовластия к сталинскому. Именно в лице Ленина появился первый партийный вождь, хотя при нем еще существовал штаб, состоявший из ярких личностей. Сосредоточение власти в руках партийного вождя и сгруппировавшегося вокруг него руководящего ядра привело к жесткому подчинению членов партии

воле центрального руководства. В таких условиях внутривнутрипартийная демократия могла осуществляться лишь очень формально и ограниченно. Компартии Венгрии (КПВ) с самого начала (она действовала между двумя мировыми войнами в условиях подполья) были свойственны присущие всему международному коммунистическому движению признаки. Поэтому организация венгерских коммунистов была вначале партией Бела Куна, затем стала партией Матяша Ракоши.

Ракоши, чье имя приобрело известность в результате международного движения протеста, вызванного его судебным процессом, после 15 лет, проведенных в заключении, в 1940 г. приехал в Советский Союз как единственный человек, достойный (вместо ставшего жертвой беззакония Бела Куна) возглавить венгерскую эмиграцию. И в самой Венгрии товарищи признали его вождем партии. В 1942 г. на заставке нелегальной газеты «Сабад неп» («Свободный народ») было написано: «Газета Матяша Ракоши».

Постоянно думая о возвращении на родину, вождь коммунистической партии уделял большое внимание личности регента Миклоша Хорти. В дальнейшем, конечно, Ракоши резко критиковал и Ференца Салаши, который, однако, не вызывал у него особого интереса. Короткий период существования в конце 1944 – начале 1945 г. связанной с именем Салаши тоталитарной системы он не анализировал обстоятельно. Настоящим своим предшественником у власти Ракоши считал именно Хорти, а не Салаши, принимая последнего за марионетку немцев, кем тот и был в действительности.

В сентябре 1943 г. в своей лекции в одном из советских лагерей для военнопленных венгров Ракоши осуждал Хорти со страстью претендента на престол. Эту лекцию он и позже считал настолько важной, что она включалась во все издания избранных его речей и статей. Личная ненависть к Хорти, равно как и вера в собственное призвание были так сильны у Ракоши, что он не замечал: аргументы, направленные против Хорти, могут работать и против него самого. Когда он, например, рассуждал о том, что Хорти обучался на немецком языке и как австрийский морской офицер, а позже кайзеровский флигель-адъютант долгие десятилетия жил вдали от родины и своего народа, он не думал о том, что его выступление в лагере военнопленных – тот редкий случай, когда он сам мог говорить по-венгерски. С руководителями Коминтерна Ракоши общался только на немецком и русском языке, а особый мир профессиональных ре-

волюционеров-коминтерновцев в Москве был совершенно изолирован как от родины каждого из них, так и от повседневной жизни народов Советского Союза. И совсем уж похоже на пророчество, когда будущий диктатор в своей лекции 1943 г., критикуя влечение регента к авторитарности, *mutatis mutandis*, говорил о Хорти как будто бы о самом себе: «Всем своим существом он тянулся к диктатуре. Недопущение народа к управлению страной так, как тому учил фашизм, ему было всегда по душе».

После 1945 г. КПВ оценивала Миклоша Хорти односторонне, упоминала о нем только как о пособнике фашизма, и его политическую систему часто отождествляла с фашизмом. Однако Ракоши вынужден был уточнить оценку режима Хорти в ходе одного из самых важных своих политических выступлений. Осенью 1946 г. с трибуны съезда партии он признал, что антифашистские политические партии в военные годы всерьез надеялись на возможный выход из войны Миклоша Хорти. Истолковывая поведение коалиционных партий и их неподготовленность тогда к приходу Красной Армии, он заметил: эти партии рассчитывали на то, что «Хорти так же по-рвет с немцами, как, например, это сделал Маннергейм в Финляндии». Но того уже не добавил, что после немецкой оккупации Венгрии в марте 1944 г. и нелегальная компартия искала пути к сближению с регентом.

Хорти после войны присутствовал в венгерском общественном мнении и как мишень для критики, и как образец политика, которому удалось – хотя и временно – изменить несправедливые границы, установленные Трианонским договором. Ракоши в то время заверял, что Венгрия заплатит высокую цену за воссоединенные с помощью Гитлера территории. Однако известно о зародившейся в 1944 г. и среди окружавших Матяша Ракоши московских эмигрантов надежде на то, что вождю венгерской партии благодаря своей репутации в международном коммунистическом движении удастся склонить Клемент Готвальда и руководство КПЧ к поддержке претензий венгерской стороны на новую коррекцию границ с утверждением ее уже не Гитлером, а Сталиным. Относительно этого замысла скоро стало ясно, что он совершенно необоснован и не может быть поддержан советским правительством. После войны для доказательства того, что он настоящий венгр, у Ракоши не осталось никаких других средств, кроме постоянно актуального во внутренней политике во-

проса о военнопленных, в связи с которым он мог продемонстрировать руководителям других партий огромное значение его личных отношений со Сталиным для венгерской политической жизни. Что касается Словакии, то еще до заключения мирного договора 1947 г., один раз на III съезде КПВ он все-таки не сдержался, сказав о насильственном выселении венгров из Верхней Венгрии. Без обращения к национальным мотивам он не смог бы использовать свой коминтерновский опыт в условиях послевоенной Венгрии с ее коалиционной формой правления; это были фальшивые, но эффективные ноты, маскировавшие сталинизм, которые вообще характеризовали политику КПВ в 1944–1948 гг. Однако по хитрости Ракоши все же не мог превзойти Сталина. В коалиционные времена иногда создавалось такое впечатление о советско-венгерских отношениях, как будто Сталин и другие советские руководители предпочитали видеть во главе Венгрии членов правительственной делегации, посланной еще Хорти в Москву для заключения перемирия, а отнюдь не людей из венгерской коммунистической эмиграции. Однако это было лишь тактикой, ведь ни одна сторона в Венгрии не считалась настоящим партнером. Сталин оставался недоверчив ко всем, временами возрождалась его недоверчивость и к Ракоши, однако он понимал, что создавать в стране систему по советскому образцу будут не руководители коалиционных партий, а коммунистические политики, отправленные им самим на родину. Порядок их отправки домой – а настоящий наместник приезжал последним: Ракоши в Венгрию в январе 1945 г., Димитров в Болгарию в ноябре 1945 г. – заставляет предположить, что такой ритуал был составной частью хорошо продуманной Сталиным тактики строительства империи.

* * *

Советская военная оккупация и зависимость от Москвы, конечно, в целом характеризовали весь период после второй мировой войны и все сорок лет существования коммунистической системы. Однако есть своя специфика у ракошистского самовластия: возвратившиеся из Советского Союза после войны политические эмигранты в 1948–1953 гг. приобрели совсем особую и почти исключительную власть в управлении партией и государством, и на самом веру власти сложилась клика, все члены которой были из эмигрантского

круга. Это явление наблюдалось не только в Венгрии, но здесь такая практика оказалась наиболее последовательной. Хотя и произошли изменения в составе Политбюро в июне 1953 г., хотя и была поставлена цель омолодить руководство, но ситуация мало изменилась, потому что попавшие наверх молодые руководители не смогли занять то положение, которое занимали бывшие московские эмигранты. Политический перевес последних – при некоторой дифференциации среди них – сохранился и в 1953–1956 гг.

В сентябре 1947 г. на учредительном заседании Коминформа в Польше коммунистические руководители зашли слишком далеко в своих выводах из реферата Жданова. В условиях «холодной войны» мировая антифашистская коалиция распалась, пришло время оформления блока стран, принадлежавших к советской сфере влияния, и их внутренней перестройки. Представители КПВ Михай Фаркаш и Йожеф Реваи в Шклярске Порембе, услышав новейшие сталинско-ждановские инструкции, не только там не оказали ни малейшего сопротивления, но и до этого в венгерской партии не было подобных намерений. В одной из относительно развитых стран региона, имевшей, правда, клеймо сателлита побежденной Германии, приходилось говорить о подтягивании общественной, политической и экономической жизни к тому уровню, которого по утверждению Коминформа, уже достигли Болгария и – бывшая тогда еще примером для других – Югославия. Советская модель как ориентир для Венгрии присутствовала в 1947–1948 гг. опосредованно, через ссылки на болгарский, польский и югославский примеры. К. Готвальд, вождь коммунистической партии Чехословакии, исторически являвшейся более развитой страной, в 1948 г. во время своего отдыха в Крыму – по воспоминаниям Хрущева – обратился к Сталину с предложением такого слияния народнохозяйственного планирования двух государств, которое означало бы превращение Чехословакии в одну из республик Советского Союза. Сталин отверг это предложение. Неизвестно, сделали ли когда-нибудь подобное предложение Ракоши и его сподвижники, взвешивал ли Сталин возможность такого плана. Однако в венгерском общественном мнении уже с 1945 г. также существовало опасение, о котором напомнил в то время Иштван Бибо в своей статье о кризисе венгерской демократии. Речь шла о том, не собирается ли Советский Союз аннексировать Венгрию. В оккупированной, значительно ограниченной в полити-

ческих и экономических правах, Венгрии зависимость могла стать полной и при сохранении формальных признаков самостоятельной государственности.

Вследствие углубляющегося конфликта между Коминформом и Югославией период ссылок на опыт народных демократий сменился временем открытого и непосредственного заимствования модели общественного устройства в СССР или – как говорили тогда – советской формы. В стране с совершенно иной, чем в СССР политической культурой началось рабское копирование советской системы, в котором Венгрия, полностью пожертвовав особенностями своего исторического развития, превзошла другие народные демократии. Это наглядно проявилось среди прочего в том, что руководство во главе с Ракоши не допустило деятельность других партий даже формально. Послевоенное демократическое интермеццо кончилось на третьем году своего существования. Коммунистическая партия в 1947 г. сломала Партию мелких сельских хозяев, в 1948 г. принудила к объединению Социал-демократическую партию (СДП), а выборы в Государственное собрание в 1949 г. в последний раз проходили в условиях многопартийной системы. Такое усердие Ракоши едва ли можно оправдать даже изменившимся геополитическим положением Венгрии, когда вследствие соседства с Югославией она стала прифронтовой страной. В 1948–1950 гг., в так называемое переходное время, были ликвидированы многочисленные молодежные организации, и в 1950 г. была создана единая организация типа комсомола – Демократический союз молодежи. Остальным элементам политического устройства также придали форму, строго ориентированную на советскую.

Вместе с тем существовало некоторое отличие от практики советской власти и заключалось оно в том, что в Венгрии властный центр и в дальнейшем остался в партии, точнее, в руках совсем узкого круга в партийном руководстве, а не переместился в сферу государственного управления. Сталин же с 1941 г. был главой правительства, вследствие чего функция вождя партии большевиков, сохраненная за ним, в политической жизни страны несколько обесценилась. Ракоши долгое время не следовал в этом плане примеру Сталина, а также и Димитрова, занимавшего должность премьер-министра с конца 1946 г. и до своей смерти. Лидер венгерских коммунистов с 1945 г. неизменно являлся членом правительства, но его

главой стал на короткое время только в 1952 г. После смерти Сталина Ракоши не смог сразу решить, какую из своих функций ему сохранить: он склонился к тому, чтобы возглавить правительство, однако это его намерение было отклонено во время первой московской консультации с членами советского политического руководства.

При таких обстоятельствах в 1948–1953 гг., да и позднее, еще явственнее, чем в других коммунистических странах, выявился партийно-диктаторный характер самовластия в Венгрии. Такое определение – «партийная диктатура» – верно, разумеется, лишь с тем ограничением, что речь идет о кровавой диктатуре верхушки партийного руководства, осуществлявшейся совместно с органами госбезопасности, не щадившей даже членов и руководителей самой партии. Самоубийственный характер этого режима становится ясным из неполной статистики конца 1962 г. По ее данным, в результате противозаконных судебных процессов, возбужденных против участников рабочего движения, из 418 обвиняемых были казнены 28, приговорены к пожизненному заключению 69 человек, к 15 годам тюремного заключения – 59, к 10 годам – 48 человек. Круг подозреваемых был еще шире. Только в связи с процессом Райка арестованных принудили дать показания на 526 видных коммунистов, раньше проживавших за границей – от США до Советского Союза, многие из которых были руководителями компартии. Досталось и тем, кто счастливо пережил проведенную перед объединением двух рабочих партий чистку в Социал-демократической партии. В ходе возбужденных против социал-демократов процессов под судом побывал 421 человек, и поистине символической можно считать судьбу министра юстиции Иштвана Риеса, который даже не дошел до суда, потому что был насмерть забит в тюрьме.

Тот факт, что власть Ракоши имела характер партийной диктатуры, мы подчеркиваем, даже учитывая вышеизложенные ограничения, так как политическое руководство органами госбезопасности сосредоточивалось в руках генерального секретаря партии и влияние ее диктатуры не уменьшилось существенно и после 1953 г. К счастью Ракоши он остался во главе партии, что давало ему возможность поддерживать свою власть, покоившуюся на партийной диктатуре, и укреплять свое положение, время от времени становившееся шатким. Изменение состояло всего лишь в том, что после июня 1953 г. и в Венгрии возросло значение правительства и – хоть и в

меньшей мере – парламента. В 1954–1955 гг. возникла ситуация, когда создавалось такое впечатление, что существуют два центра власти: правительство и руководство партии, однако и в дальнейшем бразды правления держало в руках Политбюро и Имре Надь, пока он был членом последнего, как старый коммунист сам не хотел существенно изменить это положение. Полностью несостоятельны обвинения Надя в том, что, возглавляя правительство, он возражал против руководящей роли партии. Надь сам принадлежал к широкому кругу руководителей – бывших московских эмигрантов и хотя в 1949 г. был подвергнут критике и отстранен, скоро получил возможность вернуться в руководство. Во время своего первого пребывания на посту премьер-министра (1953–1955 гг.) он постоянно имел в виду, что его реформы ни в коем случае не должны превзойти ту степень радикализма, которую под знаком политики десталинизации способны были принять санкционировавшие в июне 1953 г. венгерскую оттепель советские руководители. Он отдавал себе отчет и в том, что маленковско-хрущевское руководство, зная обо всех грехах Ракоши, вместе с тем не хочет свергнуть венгерского диктатора. На московской консультации в начале мая 1954 г. Хрущев объяснил, что исправить ошибки необходимо таким образом, чтобы в ходе исправления не подорвать авторитет Ракоши, так как от этого одновременно пострадал бы и престиж партии.

В 1953–1956 гг. круг бывших московских эмигрантов (в широком смысле этого слова) раздвоился, их политические представления все больше отдалялись от прежних общих идеалов и друг от друга. Возникли расхождения и в понимании того, что означает верность Москве. В конце 1954 г. – незадолго до удаления с поста премьера – Имре Надь решился прежде узнать мнение центрального руководства партии относительно возникших в более узком кругу партийных руководителей спорных вопросов, а уже только после этого признать уместной московскую консультацию. Такое ослабление зависимости от Москвы было совершенно неприемлемо для высших руководителей партии. Отмежевался от И. Надя и Михай Фаркаш, состоявший с ним в политическом союзе. Стоит привести как точно характеризующие это время слова Фаркаша, которыми он выразил свое недоумение в Политбюро: «Я уже 35 лет нахожусь под эгидой Коминтерна, но первый раз слышу такое мнение... Совершенно неприемлемо, что в то время как советские товарищи протя-

нули нам руку помощи, мы пытаемся эти вопросы поставить попросту перед центральным руководством».

Эксплуататорский характер политического самовластия Ракоши и провал реформаторских попыток после 1953 г. в одинаковой мере связаны с тем, что при таком толковании подчиненности руководители ВПТ были неспособны пояснить советскому политическому руководству, что вследствие различного уровня развития такие понятия, как «благополучие», «сносный жизненный уровень» в Венгрии означают нечто иное, чем в Советском Союзе. Советские руководители с конца войны всегда считали, что в Венгрии «живут хорошо», ведь соразмеряли положение с послевоенным советским уровнем жизни. Отступили от этого убеждения они только один раз, в июне 1953 г., когда подвергли критике всю политику Ракоши и добились того, чтобы последний передал пост премьер-министра Имре Надю. Последствия проигранной войны оказались весьма тяжелыми для Венгрии, однако таких напряженных ситуаций с продовольствием, которые имели место после войны в СССР, например, массовый голод в Молдавии и на Украине во второй половине 40-х годов, – в Венгрии не было. Жизненный уровень населения – после нижней точки его падения, обусловленной беспримерной инфляцией, в 1945–1946 гг. – к 1949 г. значительно повысился.

Однако серьезные и насильственные преобразования следующих лет происходили в условиях, когда доминировало убеждение, что ухудшение жизненного уровня является вполне естественным жертвоприношением на алтарь высокой идеи. Решение ВПТ в июне 1953 г. вскрыло главные пороки экономической политики, установило, что партия пренебрегала улучшением условий жизни и труда народа. Реформистские усилия, предпринятые в экономике и нацеленные на повышение жизненного уровня населения, начали приносить свои плоды в 1955 г., как раз тогда, когда Имре Надь был удален с поста премьера. В его неудаче большую роль играло и то, что и после 1953 г. не прекращалось советское вмешательство в экономическую политику Венгрии. В июне 1953 г. в Москве руководство СССР упрекало венгерскую делегацию за насильственную коллективизацию и требовало соблюдения принципа добровольности. Однако в мае 1954 г. Хрущев вновь предложил ускорить коллективизацию, а Каганович, как и раньше, мерил венгерскую действительность на свой, т.е. советский, аршин: «Вы живете лучше, чем ваши

обстоятельства позволяют вам. Вы строите социализм в кредит. Вы хотите разом построить все, что мы строили 30–35 лет. Вы строите слишком много санаториев, школ, техникумов и так далее».

Природу самовластия Ракоши характеризовали не только политические процессы, но и то, что правивший страной режим вмешивался в обыденную жизнь, терроризировал совершенно отстраненное от участия в политике население. Напряженный темп, заданный политическими установками, в стремлении сделать из Венгрии передовую социалистическую страну, вызвал в промышленности гигантоманию, в торговле нехватку товаров, в сельском хозяйстве незаинтересованность производителей. При отсутствии соответствующих институциональных предпосылок недовольство населения не смогло вылиться в политическое движение сопротивления, однако признаков кризиса весной 1953 г. нельзя было не заметить. Масштабы террора видны из следующих данных: с 1951 г. до 1 мая 1953 г., т. е. за два года и четыре месяца милиция произвела 850 тыс. задержаний. В 831 тыс. случаев был наложен денежный штраф, а в остальных мерой пресечения послужило тюремное заключение. В десятиmillionной стране эти цифры характеризуют всю систему, ведь штрафам подвергалась значительная часть взрослого населения.

Факты свидетельствуют о распространении насилия в обществе, и при этом следует различать преследовавшие особые политические цели концептуальные процессы – мы говорили до сих пор только об определенной их части, связанной с беззакониями против участников рабочего движения. Этими делами вначале занималась политическая милиция, позже они стали задачей госбезопасности и пресловутого военно-политического отдела. Изначальной функцией этих органов была борьба с остатками фашизма, но их работа с самого начала не ограничивалась только этим. Арест Пала Деменя в 1945 г. показал, что Ракоши и его сподвижники самой неотложной своей задачей считали расправу с различными коммунистическими фракциями, а уже затем привлечение к ответственности военных преступников, нилашистских убийц. Через месяц после объединения двух рабочих партий летом 1948 г. служба государственной безопасности была реорганизована, увеличен ее численный состав, улучшено снабжение. В декабре 1949 г. произошла новая реорганизация, в ходе которой число работников службы госбезопасности достигло 28 тыс. человек, из них – 2500 следователей. Обществен-

ное мнение считало органы госбезопасности организацией партии, как говорили, кулаком партии. Такие утверждения были вполне обоснованными, ведь в период второй реорганизации эта служба, получив новое название – Управление государственной безопасности, была выведена из государственной структуры. Раньше она входила в состав министерства внутренних дел, а с этого времени находилась под контролем комиссии, состоявшей из трех человек: генсек партии (Ракоши), Эрнэ Герё и Михай Фаркаш. В июне 1953 г. именно в этом увидели источник нарушений законов, поэтому при правительстве Имре Надя воссоединили Управление госбезопасности с министерством внутренних дел, однако фигура нового министра внутренних дел Э. Герё мешала созданию гарантий законности, а также быстрому процессу реабилитаций. В мае 1954 и в январе 1955 гг. в ходе московских консультаций выяснилось, что Президиум ЦК КПСС не думает о широких масштабах реабилитаций в Венгрии. Он предпочитал скорее проведение нескольких театральных оправданий, показывающих, что в Венгрии действует новая политика – хотя и со старыми кадрами. Хотели уменьшить ответственность Ракоши с помощью так называемого «рецепта Берии»: переложить главную политическую ответственность на Габора Петера, находившегося в тюрьме.

Самую глубокую критику самовластия Ракоши на заседании Политбюро 20 июня 1953 г. дал, безусловно, Йожеф Реваи – тот человек, который именно тогда был выведен из состава Политбюро из-за «ошибок» в области теоретической работы и культурной политики. «Хотя мы и говорили о том, что диктатура пролетариата является диктатурой не в отношении широких народных масс, нужно сказать, что мы превратились в полицейское государство старого типа», – подчеркнул Реваи. Он сказал о том, о чем партийные вожаки не рискнули обмолвиться даже во время политической волны десталинизации.

Высказывание Реваи о «полицейском государстве старого типа», конечно, не было включено в июньское (1953 г.) решение партии. Для характеристики полицейского государства мы приведем еще несколько данных. В период между 1950–1953 гг. по политическим мотивам, не считая военных преступников, были осуждены 24 834 человека. Летом 1953 г. по обвинению в политических преступлениях находилось в заключении 7 093 лица, не считая тех, ко-

торые были как раз в это время в подлежащих ликвидации лагерях. Политическая милиция держала под контролем все общество. В 1953 г. в Венгрии действовало 40 800 доносчиков и секретных агентов, и было зарегистрировано 1 280 000 граждан в качестве политических подозреваемых, потенциальных врагов. Число сетевых агентов даже в 1956 г. составляло 36 тыс. человек. В 1954 г. постоянно наблюдалась переписка 4 тыс. лиц, в 1956 г. – 2 400, ежедневно контролировалось 6–8 тыс. писем.

Наконец мы должны сказать, даже если коротко, о сталинизации венгерской духовной жизни. Экспансия сталинизма в Венгрии началась уже в 1945 г. К ритуальному прославлению «генералиссимуса Сталина–освободителя» прибегала каждая политическая партия, но из этого еще не следовало, что сталинская теория и практика используются во внутреннем преобразовании общества. Милован Джилас в первой главе «Восторг» своей знаменитой книги «Беседы со Сталиным» весьма достоверно описывает безграничное уважение югославских коммунистов к Сталину, подчеркивая, что уже с конца второй мировой войны они считали возможным не только пропагандировать, но и внедрять учение Сталина в Югославии. Венгерские коммунисты не отставали от югославских в восхищении Сталиным, и в этом чувстве не было разницы между эмигрантскими, московскими и отечественными партийными кадрами. И все-таки все понимали, что коммунистические преобразования в Венгрии не могут быть проведены так быстро, как в Югославии, тем более в духовной сфере. Победа на выборах 1945 г. Партии мелких сельских хозяев охладила пыл тех левых кругов интеллигенции, которые были уверены в быстром преобразовании культурной жизни. Этим объясняется тот факт, что до конца 40-х годов в Венгрии могла существовать традиционная структура институтов культуры и науки, обогащаясь лишь некоторыми новыми элементами, такими, как, например, сеть народных коллегий. Все старые институты получали тогда поддержку со стороны КПВ, но когда настало время сталинистского поворота, эти новые, действительно демократические зародыши венгерской культуры, были безжалостно упразднены.

Насильственное и неприкрытое проявление в идеологической жизни симптомов сталинизма было заметно уже с 1947 г. Одним из них явился эпизод в межпартийной борьбе: теоретический журнал компартии «Таршадалми Семле» еще до объединения двух рабочих

партий настаивал на привлечении к ответственности своего партнера – журнала СДП «Социализмуш» из-за его недостаточной сталинской идейности. Ракоши и его окружение намеревались устроить большой идеологический «витринный» процесс из так называемой «полемики с Лукачем», продолжавшейся в 1949 и 1950 гг. Они хотели продемонстрировать силу сталинизма не на примере одного из бывших социал-демократов или интеллигента из какого-либо отечественного движения, а на примере философа с международным авторитетом, принадлежавшего к эмигрантской группе, возвратившейся из Москвы. Задача физического уничтожения Лукача не ставилась ими, от него хотели услышать самокритику. Лукач был реабилитирован в 1955 г., но его не смогли заставить принять политику Ракоши. Напротив, он был тем человеком, который после XX съезда КПСС с позиции левых сил наиболее строго осудил политическое самовластие Ракоши, доказав, что положение марксизма в Венгрии в предыдущие 7–8 лет стало хуже, чем оно было при режиме Хорти. В ходе дискуссии по вопросам философии, прошедшей в рамках Клуба Петефи, он указывал и на то, что практика замены аргументов ссылками на авторитет может возродиться и в обновленных коммунистических системах. Период после XX съезда подтвердил опасения Лукача в том отношении, что Ленина так же можно превратить в источник цитатничества, как раньше Сталина.

* * *

Система, связанная с именем Ракоши, в дни революции 1956 г. развалилась, но скоро ее скелет был восстановлен кадаровской реставрацией. После короткого периода колебаний, когда рассматривалась идея существования крестьянских партий, однако и речи не было о разрешении деятельности самостоятельной социал-демократической партии, вернулись к однопартийной системе. За несколько месяцев были ликвидированы институты и организации, созданные или возрожденные в ходе революции. Устройство политической системы вновь стало идентичным дореволюционному, и оно осталось таким же вплоть до крушения коммунистической системы. Любая власть характеризуется не только своими институтами, но прежде всего политической практикой. Эта практика вначале, особенно в период жестоких репрессий после революции 1956 г. вопре-

ки ее антисталинистской фразеологии означала продолжение старой, но не во всем. Уже опубликованы в четырех томах протоколы временных руководящих органов Венгерской социалистической рабочей партии. В свете этих документов становится ясным, что нормы партийной жизни в 1956–1957 гг. отличались от практики, существовавшей при Ракоши. Несмотря на то, что во главе партии опять встал вождь, не допускающий и мысли о вероятности соперника, все-таки признаем, что Кадар предоставлял органам, принимающим решения, больше прав, чем Ракоши, иногда он даже сам скрывался за этими органами и таким путем осуществлял свою волю. Однако тема развития кадаровской политики так обширна, что она должна стать предметом специального исследования. Предстоящий глубокий анализ десятилетий, следовавших после 1956 г., даст возможность более основательно охарактеризовать различия, имевшиеся между двумя политическими линиями.

М.Ю. Чуканов

Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени

Сначала несколько замечаний и соображений о самом постановлении от 30 июня 1956 г., и прежде всего о том, как изложенная в нем «метода» преодолевалась в общественном сознании.

Сейчас это постановление почти забыто, а между тем, говоря пушкинскими словами, «ровно тридцать лет и три года»¹ оно официально считалось обязательным, окончательным и не подлежащим обжалованию истолкованием решений XX съезда КПСС по вопросу о Сталине и сталинизме.

Еще в «перестроечном» 1986 г. вышел 9-й том последнего, девятого – разумеется, «дополненного и исправленного», – издания «КПСС в резолюциях...», в котором постановлению «О преодолении культа личности и его последствий» было предпослано набранное мелким шрифтом введение, где в худших традициях «застойных»

времен абсолютно безапелляционным тоном говорилось: «Публикуемое ниже постановление Центрального Комитета партии было принято в соответствии с решением XX съезда КПСС "О культе личности и его последствиях". В нем раскрыты конкретно-исторические условия и причины возникновения культа личности И.В. Сталина, его сущность, характер проявления и последствия. Наряду с этим² в постановлении отмечено, что И.В. Сталин, находясь на посту Генерального секретаря ЦК партии, вместе с другими руководящими деятелями партии и государства активно боролся за претворение в жизнь ленинских идей; как теоретик и крупный организатор он возглавлял борьбу против троцкистов³, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения⁴.

В постановлении показано, что культ личности И.В. Сталина нанес серьезный ущерб делу Коммунистической партии, советскому обществу. Но культ личности не мог изменить и не изменил природы нашего общественно-политического строя»⁵.

Любые попытки выйти за рамки прокрустова ложа, резюмированного в том введении к тексту постановления, решительно пресекались.

Даже в «перестроечном» 1987 г., когда в переводе на русский язык вышло в свет произведение из тех, что немцы называют *Lebenswerk* – дело всей жизни, – выдающегося венгерского марксиста Дьердя Лукача, названного им «Своеобразие эстетического», содержащееся в этом труде «крамольное» предложение – «Мы упомянем только – как крайний пример – утверждение Хрущева о том, что известные процессы 30-х годов не только закончились по существу необоснованными, несправедливыми приговорами, но в своей совокупности были политически излишними, потому что были направлены против уже бессильного противника, не имеющего влияния»⁶, – было сопровождено следующим, словно выстреленным из пистолета, редакционным примечанием: «Взгляды Лукача в этом вопросе расходятся с оценкой, данной культу личности на XX съезде КПСС»⁷.

И в том же 1987 г. Горбачев на пленуме ЦК КПСС 21 октября пропел, а на торжественном заседании 2 ноября – повторил дифирамбы в адрес «отца народов»: «...Руководящее ядро партии, которое возглавлял Сталин ...отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получив одобрение политического курса

со стороны большинства членов партии, широких слоев трудящихся... Мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за утверждение социализма, защиту его завоеваний, так и грубейшие политические ошибки, допущенные им и его ближайшим окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для всего развития советского общества»⁸. Таким образом, хотя акценты и были перемещены, инерция сусловской «всесторонности» еще давала себя знать.

Все-таки, по большому политическому счету, время завещанного Суловым «всестороннего подхода» к тому моменту если еще и не прошло, то, во всяком случае, начало проходить. Еще 28 сентября 1987 г. Политбюро ЦК КПСС образовало Комиссию «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов». За время с февраля по начало ноября 1988 г. Комиссия опубликовала пять сообщений о реабилитации в судебном и (или) партийном порядке лиц, проходивших по делу об «антисоветском правотроцкистском блоке» (март 1938 г.), «ленинградскому делу» (1950 г.), делу «антисоветской троцкистской военной организации» (июнь 1937 г.), делам «союза марксистов-ленинцев» (1932–1933 и 1937 гг.), «московского центра» (январь 1936 г.), «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока» (август 1936 г.), «параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.) и «Московской контрреволюционной организации – группы "Рабочей оппозиции"» (март – апрель 1935 и 1937 гг.). В июле 1988 г. Политбюро, в ответ на некоторые выступления на XIX Всесоюзной конференции КПСС, приняло постановления «О сооружении памятника жертвам беззаконий и репрессий» и «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов». В октябре 1988 г., в связи с решениями сентябрьского (1988 г.) пленума ЦК по кадровым вопросам, были произведены изменения в составе Комиссии по реабилитации⁹.

На таком политическом фоне и было впервые публично подвергнуто сомнению постановление «О преодолении культа личности и его последствий». Это произошло 3 ноября 1988 г., когда в московском вечернем выпуске «Известий» появилась статья А.И. Зевелева «Долгий путь к истине. Заметки историка партии по поводу

постановления 1956 года...». В ней впервые было четко заявлено, что постановление «в теоретическом и гносеологическом плане было далеко не безупречным. Даже в названии его умалчивалось, что речь идет о культе Сталина! ...Само постановление по своему теоретическому уровню не соответствовало задаче, поставленной партией, не удовлетворяло общественное сознание нашей страны и международного коммунистического движения».

В статье в порядке постановки вопроса говорилось: «Под влиянием части тогдашнего руководства партии (В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова), попытавшихся обелить собственную деятельность в годы культа личности Сталина, ответственность за его последствия была фактически возложена на... советский народ». И далее: «Мы можем только догадываться относительно того, не является ли это постановление итогом своеобразного компромисса между Н.С. Хрущевым и его редакторами».

Следует сказать, что статья Зевелева не стала сенсацией и не вызвала возражений и дискуссий в печати, так как, с одной стороны, ее восприятие общественностью как чего-то само собой разумеющегося было подготовлено вышеперечисленными сообщениями Комиссии по реабилитации, а с другой – она сама должна была подготовить восприятие общественностью «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС, который и был опубликован в конце марта – начале апреля 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС». Партийное руководство предпочло вместо того, чтобы взять на себя инициативу отмены «далеко не безупречного» постановления, просто вернуться к исходному, более радикальному варианту критики сталинизма, содержавшемуся в тщательно скрывавшемся до тех пор докладе Хрущева, чье 95-летие со дня рождения, хотя и достаточно скромно, но все же было, кстати сказать, отмечено после долгих лет забвения той же весной 1989-го.

* * *

Далее – несколько соображений о предыстории постановления от 30 июня 1956 г., о том, при каких обстоятельствах и под воздействием каких факторов оно появилось на свет.

Общим местом стала констатация, что главное событие XX съезда произошло не в первый, а в последний день его работы¹⁰. Вопреки распространенной и, по-видимому, заимствованной из вос-

поминаний Хрущева версии, будто решение о «секретном» докладе было принято чуть ли не спонтанно во второй половине работы съезда «во время одного из перерывов... когда в комнате за сценой находились только члены Президиума ЦК»¹¹, – предложение о проведении закрытого заседания съезда и выступлении на нем Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» было, как отмечается в имеющем первостепенную важность, но игнорируемом склонными к сенсационности авторами примечания 1 к тексту доклада, опубликованному в «Известиях ЦК КПСС», «выдвинуто Президиумом ЦК 13 февраля 1956 г. В тот же день состоялся Пленум ЦК КПСС, который принял это предложение»¹². Таким образом, решение было принято не в ходе работы съезда, а в самый последний момент накануне его открытия, которое произошло 14 февраля. Весьма вероятно также, что этот же пленум ЦК определил и те рамки в вопросе о «культе личности», которых должны были придерживаться члены ЦК и его Президиума в своих выступлениях на открытых заседаниях съезда.

Как отмечалось в примечаниях к первой советской публикации «секретного» доклада, «ход закрытого заседания съезда не стенографировался. После окончания доклада было решено прений не открывать. По предложению Н.А. Булганина, председательствовавшего на этом заседании, съезд единогласно принял постановление "О культе личности и его последствиях", которое было опубликовано в печати, а также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати»¹³.

В тексте доклада, предназначенном для направления партийным организациям, была сделана небольшая редакторская правка: даны ссылки на произведения классиков марксизма и другие цитируемые источники, уточнены даты принятия отдельных документов, включены отступления докладчика от заранее подготовленного для него текста¹⁴, отражена реакция делегатов.

5 марта 1956 г., в третью годовщину смерти Сталина, Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н.С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС». В нем было указано: «1) Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н.С. "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартий-

ный актив рабочих, служащих и колхозников. 2) Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом "не для печати", сняв с брошюры гриф "строго секретно". В соответствии с этим постановлением доклад и зачитывался на собраниях по всей стране.

Итак, «процесс пошел», «широкая дискуссия всесоюзного масштаба», итоги которой должен был подвести первый (если не считать организационного) пленум ЦК, избранного XX съездом, началась.

Сведения о том, как проходила эта «дискуссия», приходится собирать по крупицам¹⁵. «Всю Москву, – вспоминает Бурлацкий, не уточняя, о каких именно днях марта – апреля 1956 г. идет речь, – обошло сообщение о том, как была распущена одна из партийных организаций в академическом институте в связи с требованиями, прозвучавшими при обсуждении секретного доклада, – привлечь к ответственности всех виновных в массовых репрессиях. Эта акция, предпринятая, как говорили, по указанию М.А. Суслова, показала те лимиты, которые устанавливало партийное руководство в критике сталинизма»¹⁶.

По-видимому, не столько под влиянием такой внутривнутрипартийной «дискуссии», сколько в силу необходимости дать более-менее удовлетворительный ответ на первые комментарии «секретного» доклада в зарубежной, в том числе коммунистической печати, 28 марта 1956 г. в «Правде» печатается «подвальная» статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?». На фоне происшедшей «дискуссии» статья выглядела весьма радикально: начиналась она с цитаты из резолюции XX съезда по отчетному докладу ЦК, где съезд поручал новоизбранному Центральному Комитету «не ослаблять борьбы против пережитков культа личности»¹⁷; многие позиции в ней совпадали с положениями закрытого доклада. При всем при этом основной политический смысл статьи состоял не в том, чтобы поощрить критику «культа личности» в Советском Союзе и за границей, а в том, чтобы предотвратить слишком быстрое нарастание ее темпов¹⁸.

Более чем вероятно, что именно после публикации этой установочной статьи Молотов, по свидетельству бывшего в то время главным редактором «Правды» Шепилова, позвонил последнему и потребовал от него прекратить «ругать в "Правде" Сталина». Так как «ругательная» статья, в соответствии с аппаратными «правилами

игры», не могла увидеть свет иначе, чем с ведома или даже с подачи «самого» Хрущева, Шепилов мог позволить себе такую «дерзость», как ответить Молотову: «...Я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК»¹⁹.

Бравировать этой «дерзостью» в кругу своих почитателей Шепилов мог, однако, менее недели. Получился конфуз: Уже 5 апреля в «Правде» на том же месте (в «подвале» на 2-й и 3-й страницах) публикуется новая, противоположная вышерассмотренной по содержанию, также установочная по жанру статья – «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму». Имя Сталина – в связи с культом его персоны, «получившим широкое распространение в последний период» его жизни и деятельности, – было упомянуто только один раз, причем, как говорится, «для проформы». Пафос статьи заключался в другом и был выражен в следующих четырех взаимосвязанных «положениях»:

– «Отдельные гнилые элементы²⁰ под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии»;

– «Политика партии во все периоды ее истории была и остается ленинской политикой»;

– «Вся наша партия единодушна в одобрении мудрой ленинской политики»;

– «Партийные организации должны вести решительную борьбу со всякими отступлениями от политики Коммунистической партии, от марксистско-ленинской идеологии».

Безусловно, Молотов мог потирать руки от удовольствия. Но мог ли осуществить такой поворот в деле публикации установочных статей, направлявших «дискуссию», один Молотов, даже если предположить, что он был поддержан на заседании Президиума ЦК всеми остальными членами будущей «антипартийной группы». Ответ однозначен: Нет! Даже если верно предположение о том, что в период между 28 марта и 5 апреля 1956 г., на заседании Президиума ЦК имела место своеобразная репетиция произошедшего 18–21 июня 1957 г., то все равно поворот должен был быть по меньшей мере несколько более плавным. Для того, чтобы совершился столь резкий поворот, должно было произойти нечто чрезвычайное.

Таким чрезвычайным событием явилось, по-видимому, донесение об особой, весьма консервативной, позиции китайского партийного руководства по отношению к «секретному» докладу Хрущева, которое прислал из Пекина Микоян, специально командированный для разъяснения содержания этого документа Мао Цзэду и другим руководителям КПК²¹. Их позиция была особенно важна с учетом выдвинутого Молотовым в докладе на сессии Верховного Совета СССР в феврале 1955 г. и с тех пор, по крайней мере, публично, не оспаривавшегося тезиса о том, что «социалистический лагерь» возглавляется СССР, а вернее сказать – Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. «В этой фразе, – отмечал Дж. Боффа, – явно чувствуется намек на признание совместной гегемонии внутри блока, в котором до сих пор признавалось господство только сталинского СССР. Однако это не совсем так. Правильнее было бы сказать, что наметилась эволюция в этом направлении»²².

Уже 7 апреля в «Правде» была перепечатана (с некоторыми сокращениями) опубликованная 5 апреля в «Жэньминь жибао» статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», излагавшая позицию руководства КПК по отношению к «секретному» докладу Хрущева. К чему же сводилась эта позиция?

Прежде всего, для нее было характерно неприятие в принципе самой постановки вопроса о «культе личности» как идеологически вредной, и об этом давалось понять уже в начале статьи: «...Реакционеры всего мира с восторженным злорадством толкуют о развернутой Коммунистической партией Советского Союза критике культа личности... Они полагают, что нашли хорошую зацепку оклеветать Коммунистическую партию Советского Союза и коммунистические партии других стран»²³. Вместо этого, КПСС и международному коммунистическому движению в целом предлагалось столь малопродуктивное занятие, как выяснение «вопроса» о соотношении «заслуг» и «ошибок» Сталина.

Далее, в статье предлагалась ориентировка относительно того, каким должен быть «баланс» сталинских «заслуг» и «ошибок»: «Некоторые считают, что И.В. Сталин целиком и полностью не прав. Это – серьезное заблуждение. И.В. Сталин является выдающимся марксистом-ленинцем, но вместе с тем допустившим серьезные ошибки и не осознавшим их марксистом-ленинцем. Мы должны с исторической точки зрения подходить к И.В. Сталину, давая всесто-

ронний (sic! – М.Ч.) и соответствующий (чему? – М.Ч.) анализ его положительных и ошибочных сторон, извлекать таким путем полезный (для кого? – М.Ч.) урок».

Наконец, в заключительной части статьи содержался – надо сказать, весьма двусмысленный, – комплимент в адрес руководства КПСС: «Коммунистическая партия Советского Союза, следуя заветам В.И. Ленина, по-деловому отнеслась к допущенным Сталиным в руководстве социалистическим строительством некоторым (sic! – М.Ч.) серьезным ошибкам и вызванным им последствиям. Ввиду серьезности этих последствий Коммунистическая партия Советского Союза считает необходимым одновременно с признанием великих, огромных заслуг И.В. Сталина со всей остротой вскрыть сущность ошибок, допущенных И.В. Сталиным, призывая партию к бдительности, решительному искоренению нездоровых последствий, вызванных этими ошибками».

Можно согласиться с мнением, что «Мао (после XX съезда) продолжал длительное время фарисейскую линию на "реабилитацию" Сталина... Помимо дутого "благородства" здесь был и тайный расчет Мао встать над Сталиным, поставить себя в один ряд с Лениным...»

В целом же XX съезд КПСС и критику культа личности И.В. Сталина Мао Цзэдун воспринял как "подкоп" под свой собственный культ. Поэтому в Китае сразу же попытались воздвигнуть "китайскую стену" на пути очистительного "ветра с севера".

Многое уже в тот период было ясно»²⁴.

Ввиду этой ясности, прозрачности «особой» позиции руководства КПК, представлявшей собой (кстати сказать, отнюдь не бескорыстную) помощь сталинистско-догматическим силам в руководстве КПСС, последнее, если говорить о нем в целом, достаточно быстро пришло в себя. Сделать доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 86-й годовщине со дня рождения Ленина, – заседании, которое в идеологическом отношении должно было стать своеобразным «мостиком» между XX съездом и пленумом ЦК, призванным подвести итоги дискуссии о Сталине, – было поручено «главному виновнику» Шепилову.

В этом докладе Шепилов, хотя и был вынужден перейти в оборону, все же вновь достаточно четко заявил под аплодисменты присутствующих, что КПСС «резко и решительно поставила задачу – ликвидировать до конца все последствия, которые связаны были с

чуждым марксизму духом культа личности, культа И.В. Сталина, полностью восстановить ленинские нормы партийной и государственной жизни»²⁵. Вместе с тем докладчик счел необходимым отметить, что Сталин «сыграл выдающуюся роль при отстаивании ленинского идейного наследства и внес крупный вклад в дело строительства социализма в нашей стране». Шепилов остановился также на «дикой антисоветской свистопляске», поднятой «духовными оруженосцами империализма» в связи «с той суровой, но насущно необходимой и благотворной критикой и самокритикой, которая развернулась на XX съезде партии и после него во всей партии».

Довольно объективно и обстоятельно идеологическая ситуация в Советском Союзе в апреле 1956 г. характеризуется в датированной 20-м числом дневниковой записи югославского посла в Москве В. Мичуновича: «...в Президиуме ЦК произошла первая, пускай только тактическая и "небольшая", ревизия в отношении кампании вокруг Сталина. Очевидно, что нерешительность и колебания, а также "секретность" в отношении нового курса, довольно быстро превращается в отступление. Об остальном позаботились противники нового курса, а эти силы, судя по всему, весьма влиятельны, начиная с Президиума ЦК, и волна, вызванная XX съездом, разбилась о сталинистский утес советской системы и общества. Сейчас она откатывается назад и уже уносит с собой кое-что из того, что выплеснула было на поверхность»²⁶.

Со ссылкой на анонимный источник, в дневниковой записи Мичуновича сопоставляется восприятие «секретного» доклада на самом XX съезде и в первичных организациях КПСС, а затем и среди общественности: «На Съезде приняли доклад Хрущева как внезапную сенсацию. Кроме того, здесь заранее был обеспечен такой состав делегатов, который примет новый курс. Вследствие, прежде всего, колебаний самого Президиума, у которого не хватило смелости опубликовать доклад Хрущева, сейчас люди рассуждают по-другому. Никто в России не защищает Сталина, но говорят, что-де народ знал все это задолго до доклада, да и гораздо больше, чем там написано, и зачем сейчас нужно было говорить об этом. Критикуют метод, который был применен, и говорят, что-де Хрущев поставил Съезд в конце его работы перед свершившимся фактом. Сейчас таким же образом ставят перед свершившимся фактом и Россию, да и это делают тайно. Нужно было [поступить] наоборот – поставить

вопрос о Сталине в начале работы Съезда... Сообщают партийным организациям, а все уже наперед решено, и ни у кого нет возможности высказаться. Так действовал и Сталин»²⁷.

Югославский посол в Москве пытался искать объяснение преимущественно сдержанной реакции в партии и обществе на «секретный» доклад в особенностях русской национальной психологии, в частности, в приверженности русским правилу, впервые сформулированному еще древними римлянами: *De mortuis aut bene, aut nihil*. Так, он писал: «Русские – традиционно религиозный народ, готовый гораздо скорее прощать своим мертвым вождям даже самые тяжкие грехи, чем призывать их, мертвых, из могилы к ответственности. Значительное число людей поэтому не хочет говорить о Сталине ни хорошо, ни плохо»²⁸. По мнению Мичуновича, в таком психологическом климате позиция руководства КПК, «которая... в основе своей – в пользу Сталина, а тем самым и против Хрущева», встретила благоприятный прием. «Советские граждане в различных кругах отдают предпочтение китайской декларации по сравнению с докладом Хрущева. О китайцах говорят, что они объективны, тактичны, умеренны, правдивы и мудры, – чего нельзя сказать о Хрущеве. Китайская политика мудра, так как она в [традиционной] китайской манере намекает, что было бы лучше, если бы нынешние советские руководители работали иначе и лучше, чем Сталин, а не осуждали его мертвого в секретных докладах и продолжали делать то же, что и Сталин»²⁹.

Вне поля зрения югославского дипломата не остались и упреки в «недостаточной самокритичности», высказывавшиеся советскими людьми в адрес «нынешних лидеров СССР, которые "ошибались" вместе со Сталиным, как и он. Некоторые проявляли здесь и собственную инициативу, другие проводили в жизнь решения Сталина, но и сами так или иначе совершали преступления... Гадают... кто в Президиуме испугался, а кто покаялся из-за этих решений (XX съезда КПСС. – М. Ч.)»³⁰.

Наконец, Мичуновичем была отмечена и наиболее ценная, исторически прогрессивная тенденция, проявившаяся в советском обществе – к преодолению порочной в своей основе логики сталинского тоталитаризма и прорыву к демократии. «Есть примеры, – записал он в своем дневнике, – что люди требуют изменения сталинской системы, а не только осуждения Сталина. Говорят, что о демократии

хоть иногда и напишут что-нибудь в "Правде", но демократии не видно и не слышно. Из этого здесь делаются выводы, что нынешнее руководство и само не знает, что и как [делать] дальше, а прекращение собраний (с обсуждением «секретного» доклада. – М.Ч.), сохранение портретов Сталина, запрет писать об этом люди истолковывают как отступление Президиума [ЦК КПСС] от решений, которые принял XX съезд»³¹.

Тем не менее, с точки зрения руководства КПСС, после доклада Шепилова на торжественном заседании по случаю ленинской годовщины не было больше никаких препятствий на пути к проведению пленума ЦК по идеологическим вопросам, планировавшегося на июнь 1956 г., и началась его непосредственная подготовка. Но произошло трагическое событие – 13 мая застрелился кандидат в члены ЦК КПСС писатель А.А. Фадеев.

В «Известиях ЦК КПСС» № 10 за 1990 г. были опубликованы выверенный с оригиналом текст и фотокопия автографа его предсмертного письма, адресованного: «В ЦК КПСС». Вот слова ключевых строк этого документа, словно брошенные в лицо верхушке коммунистической партноменклатуры:

«...И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня... Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа-Сталина...»³².

В протоколе состоявшегося 14 мая 1956 г. заседания Президиума ЦК КПСС было бесстрастно зафиксировано в этой связи:

«1) Поручить т.т. Суслову и Шепилову с учетом обмена мнениями на заседании Президиума ЦК отредактировать и опубликовать в печати извещение от ЦК КПСС о смерти Фадеева А.А., некролог и состав комиссии по похоронам.

2) Поручить Секретариату ЦК КПСС на основе обмена мнениями на заседании Президиума ЦК подготовить проект постановления ЦК КПСС в связи с самоубийством Фадеева А.А.»³³.

В отредактированном Сусловым и Шепиловым некрологе приводилась следующая версия относительно причин смерти Фадеева: «В последние годы А.А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности... В состоянии тяжелой депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством»³⁴. В эту версию мало верили и современники; так, в примечаниях к соответствующему разделу 2-го тома своей «Истории Советского Союза» Дж. Боффа отмечает, что в статье-некрологе («Новый мир», 1956, № 6) К. Симонов писал «о заболевании алкоголизмом, а не об обстоятельствах смерти А. Фадеева»³⁵.

Сама по себе смерть Фадеева, тем не менее, не остановила подготовку к «идеологическому» пленуму ЦК КПСС. Уже 19 мая 1956 г. маршал Г.К. Жуков послал проект своего выступления на этом пленуме с просьбой «просмотреть и дать... замечания» Хрущеву. По распоряжению Хрущева копии этого проекта речи Жукова были разосланы Булганину и Шепилову³⁶.

Будучи не заинтересован в свертывании критики культа Сталина в силу своих особых счетов с последним, Жуков почти в самом начале присланного им текста с солдатской прямоотой подчеркнул:

«...У некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как по их мнению, углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решениями XX съезда партии, полностью одобрившего предложения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свертывания работы по ликвидации последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забывать, что культ личности и все то, что с ним было связано, принес нам много вреда и в деле обороны нашей страны. Мы обязаны извлечь из этого все необходимые уроки, продолжать настойчиво разъяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности»³⁷.

Большая часть проекта выступления Жукова на пленуме ЦК по своей тематике совпадала с соответствующими местами «секретно-

го» доклада Хрущева на XX съезде³⁸, а с точки зрения основательности своей аргументации Жуков шел дальше Хрущева. Кроме того, в проекте его выступления имелся специальный раздел, касавшийся не столько мертвых Сталина и Берии, сколько сотен тысяч и миллионов живых людей, вышедших из ГУЛага или все еще томившихся в нем – «Об устранении неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена»³⁹. В этом разделе, в частности, говорилось:

– «...Из советских законов не вытекает, чтобы военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, независимых лично от военнослужащего, должен нести уголовную ответственность»;

– «Более того, советские военнослужащие, по независимым от них обстоятельствам попавшие в плен и затем бежавшие из плена на Родину, – достойны поощрения и правительственных наград. Такой порядок существовал даже при царском режиме и имел большое значение для воспитания народа, солдат и офицеров»;

– «Некоторая часть военнослужащих, попав в плен и зная о неизбежности для них репрессий на Родине, естественно, не проявляли стремления к тому, чтобы бежать из плена. А по окончании войны угроза незаслуженных репрессий могла заставить некоторых военнослужащих отказаться от репатриации на Родину»;

– «Нужно снять с бывших военнопленных моральный гнет недоверия, реабилитировать незаконно осужденных, ликвидировать ограничения в отношении бывших военнопленных»⁴⁰.

Не представляется возможным точно установить, когда в 1956 г. и по чьей инициативе членам Президиума, кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК КПСС было разослано письмо Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 г., однако имеются основания полагать, что рассылка этого письма была связана с процессом подготовки «идеологического» пленума ЦК. В письме «любимца партии» «отцу народов», в частности, содержалась просьба: «...Если меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд... Я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить тебя об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провес-

ти последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь»⁴¹. Даже если бы речь шла о половинчатой реабилитации «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии», сопровождающейся повторением содержавшихся в «секретном» докладе обвинений в адрес Бухарина и его сторонников в том, что их политическая линия «по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией»⁴², такая идея, само собой разумеется, могла быть встречена закоренелыми сталинистами (такими, как Молотов и Каганович) только в штыки.

Но все-таки поворотным пунктом в ходе подготовки к «идеологическому» пленуму ЦК – поворотным в прямом смысле, т.е. таким, после которого она повернула вспять, – стала рассылка 23 мая 1956 г. Д. Шепиловым всем, кто входил в состав высшего партийного руководства, письма, отправленного 4 мая А. Фадеевым литературному критику В. Ермилову и переданного последним Шепилову. С точки зрения «аппаратных игр» не могло быть более опрометчивого шага: рассылая это письмо, Шепилов показывал не сталинским «зубрам» а la Молотов и Каганович, а «умеренным» Маленкову, Пospelову, Суслову и даже – *terrible dictu* – «самому» Хрущеву, что располагает сильнейшим «компромагом» против всех них, который и должен был предопределить политическое содержание не только запланированного к подготовке на заседании Президиума ЦК от 14 мая постановления ЦК в связи с самоубийством Фадеева, но также – в значительной степени – решений предстоявшего пленума ЦК по «вопросу о Сталине». В самом деле, в разосланном фадеевском письме Ермилову упоминалось об относящихся ко второй половине 1953 г. записках Фадеева в ЦК КПСС с предложениями об улучшении положения дел на «литературном фронте» и было черным по белому написано:

«В связи с этими записками я просился тогда на прием к т.т. Хрущеву и Маленкову. Но мне на это не ответили и я не был принят. Тов. Пospelов – со слов Суркова – был "обеспокоен" тем, "не показываю" ли я эти записки писателям и не объединяю ли я их таким образом на платформе, вызванной моей "депрессией" в связи с моим, известным тебе заболеванием...

А последняя записка покажет тебе, что еще задолго до съезда писателей я хотел сильно выправить положение в Союзе Пис[ателей]. Однако партгруппа при поддержке Суркова встала против и в ЦК тоже высказались против моего вступительного слова, обязав выступить

только в прениях и пойти на компромисс в смысле формулировок. Дело уже шло на явное отстранение меня как председателя...

Все попытки мои поговорить с т. Поспеловым (единственным из больших руководителей, к которому я имел доступ) вызывали с его стороны резкую "проработку" за характер моих "заболеваний", чем он все и объяснял...

Перед съездом и во время съезда писателей (декабрь 1954 г. – М.Ч.) нас несколько раз вызывали с партийными членами секретариата, которые перед лицом т.т. Суслова и Поспелова всячески дискредитировали и осуждали меня – при поддержке со стороны секретарей ЦК.

...На этих встречах сказали, что никаких председателей не будет, что первым секретарем будет Сурков, который по словам т. Суслова "зря скромничает" и "недооценивает" свои силы. Меня фактически не поняли, изнасиловали в смысле вхождения в новое руководство и связали дисциплиной.

Так обстояло дело в тот год, вернее – годы (1953–54). И ни о чем этом я никому решительно не имел права сказать...

Теперь мне кажется обязательным, чтобы ты знал, какую позицию я все время защищал и продолжаю защищать в ЦК. Конечно, записки эти, имеющиеся в ЦК, я посылаю только тебе и прошу их срочно вернуть: они необходимы мне для подготовки речи на Пленуме ЦК»⁴³.

Как видно из приведенного отрывка, свой главный удар Шепилов направлял против т р и ж д ы упомянутого в фадеевском письме секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова, у которого практически не оставалось времени не только на ответ, но даже на обдумывание такового, – он завершал последние приготовления к отъезду в качестве главы делегации КПСС на III съезд Албанской партии труда, который открывался в Тиране 25 мая.

Ситуация осложнялась тем, что на конец мая – начало июня намечался официальный визит в Советский Союз Президента ФНРЮ Й. Броз Тито, в ходе которого предполагалось установить официальные отношения между КПСС и Союзом коммунистов Югославии⁴⁴, что, как считалось, было невозможно без мало-мальски удовлетворительного публичного (а не закрытого, как в случае с «секретным» докладом) осуждения Сталина со стороны КПСС.

На основании лишь опубликованных источников весьма непросто реконструировать развитие событий в конце мая – начале июня

1956 г., однако, опираясь на те сведения, которые стали достоянием гласности, можно утверждать следующее:

1) Деликатная миссия урегулировать или хотя бы создать видимость урегулирования разногласий, связанных с полярно противоположными советской и югославской точками зрения на «вопрос о Сталине»⁴⁵ была поручена – несмотря на то, что еще не были установлены официальные отношения не только между СКЮ и Итальянской коммунистической партией, но и между СКЮ и КПСС, – генеральному секретарю ИКП П. Тольятти, который находился в Белграде с 28 по 30 мая 1956 г.⁴⁶. По-видимому, в ходе переговоров было достигнуто взаимопонимание относительно того, что решение руководства КПСС, подводящее итоги внутрипартийной дискуссии по вопросу о «культе личности», будет рассматриваться преимущественно как внутреннее дело КПСС и что в отношении него, во всяком случае, не будет требоваться одобрение руководящих органов других коммунистических партий и, в особенности, СКЮ, которому еще только предстояло установить официальные отношения с коммунистическими партиями других стран. В день окончания визита Тольятти в Белград, 30 мая, в полночь по белградскому времени Й. Броз Тито поездом через Румынию отбыл с официальным визитом в СССР⁴⁷.

2) Состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором на Шепилова, формально еще остававшегося в составе Секретариата⁴⁸, были возложены новые обязанности – он был «рекомендован»⁴⁹ на должность министра иностранных дел СССР⁵⁰, в результате чего ему стало не до интриг против Поспелова, не до постановления ЦК в связи со смертью Фадеева, да, пожалуй, и не до подготовки пленума ЦК КПСС по вопросу о «культе личности».

3) Сам этот пленум было решено не проводить, а ограничиться принятием Президиумом ЦК развернутого постановления, которое должно было быть опубликовано по завершении визита Тито в СССР. Кстати сказать, Шепилов не принимал участия в окончательном редактировании этого постановления ни как кандидат в члены Президиума, ни как секретарь ЦК, – после переговоров с югославской делегацией он в новом качестве министра иностранных дел 23 июня был отправлен в свое первое зарубежное турне по маршруту Египет – Сирия – Ливан – Греция и возвратился в Москву лишь 2 июля, в день публикации постановления в «Правде»⁵¹.

4) Относительно того, когда было решено не проводить пленум ЦК по вопросу о «культе личности», можно высказать два предположения:

– либо это произошло на том же заседании Президиума ЦК, на котором Шепилов был брошен на «укрепление» МИДа;

– либо – что более вероятно – это произошло после 4 июня, когда в США «секретный» доклад Хрущева был опубликован в «Нью-Йорк таймс» и в «Вашингтон пост», а также – по просьбе республиканского штатного оратора по проблемам коммунизма сенатора У. Ноуланда – в «Конгреснл рекорд»⁵².

В пользу этого последнего предположения говорит и появившееся в самое последнее время в одной из статей, посвященных 40-летию XX съезда КПСС, упоминание о том, что 16 июня 1956 г. в Президиум ЦК был представлен проект письма ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда», подготовленного комиссией во главе с секретарем ЦК Л.И. Брежневым. В этом письме содержались сведения о том, что в ряде случаев на собраниях были выступления, оцениваемые ЦК как националистические и демагогические, на собраниях писателей и художников «имели место высказывания против решений партии по идеологическим вопросам, против принципа партийности в литературе и искусстве...». В письме сообщалось, что находятся такие коммунисты, которые «под флагом борьбы против культа личности доходят до отрицания роли руководителей вообще; по их мнению, коллективность несовместима с личным авторитетом руководителя, с необходимостью выполнять его указания»⁵³.

5) Относительно мотивов публикации «секретного» доклада в США. В книге Ю.В. Аксютин и О.В. Волобуева «XX съезд КПСС: новации и догмы» приводится (без ссылки на первоисточник) ответ американского посла в Москве Ч. Болена на запрос государственного секретаря США Дж.Ф. Даллеса, насколько уместна была бы публикация «секретного» доклада в переводе на английский: «Если основная цель публикации заключается в том, чтобы поставить советских руководителей в неприятное положение, то я скорее склоняюсь к тому, чтобы этот текст не печатался». Аксютин и Волобуев замечают по этому поводу: «Но его (Болена. – М. Ч.) совет не был услышан»⁵⁴. Между тем, приведенная цитата вовсе не означает, что Болен – кстати сказать, профессиональный советолог, – советовал не публиковать «секретный»

доклад. Во-первых, даже при предположении, что «основной целью» публикации было стремление поставить советских руководителей в «неприятное положение» (либо на переговорах с югославскими руководителями, либо вообще в связи с наметившейся тенденцией свернуть подготовку к пленуму по вопросу о «культе личности»), – Болен не исключал возможности печатания текста. Во-вторых, своим ответом он давал понять Дж.Ф. Даллесу, что «основной целью» публикации доклада должна стать реализация не сиюминутных тактических, а долгосрочных стратегических интересов США в борьбе против «мирового коммунизма».

б) Взвесив все «за» и «против», а также, по-видимому, получив «добро» президента США Д. Эйзенхауэра, Дж.Ф. Даллес принял решение о публикации «секретного» доклада Хрущева в вышеупомянутых изданиях. Таким образом, этот доклад в переводе на английский язык опубликовала «не какая-нибудь газета или журнал в США или американская разведывательная служба, а State Department, взявший на себя тем самым полную ответственность правительства США в отношении аутентичности текста. Чего-либо подобного, вероятно, не случалось в отношениях России и Америки в течение многих лет. Эта американская акция имела отклик мировых масштабов»⁵⁵.

7) С учетом этого можно согласиться с мнением, что «рассылка закрытого письма, содержащего трактовку итогов XX съезда», показала советскому руководству «недостаточной», и соответствующую «роль – подправить решения XX съезда – выполнило постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г.»⁵⁶, в основу которого, по всей вероятности, были положены наиболее консервативные варианты «заготовок» решений отмененного пленума ЦК.

Для понимания политико-исторического контекста, в котором следует рассматривать данное постановление, необходимо учитывать следующее:

а) 20 июня 1956 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца Тито и Хрущевым была подписана Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС. Хрущев пошел на то, чтобы в заголовке и русского, и сербского текстов этого документа наименование югославской партии стояло на первом месте, чтобы показать всему международному рабочему движению, что он был выработан на базе югославского проекта и имел, во всяком случае, «несоветский» ха-

ракти. У В. Мичуновича были все основания с удовлетворением записать в своем посольском дневнике, что в декларации «нет упоминания ни об "идеологическом единстве", ни о "социалистическом лагере"... Речь идет о документе крупного значения... Руководство КПСС не подписало подобной декларации ни с одной коммунистической партией в мире после второй мировой войны»⁵⁷. «Принципы марксизма-ленинизма» были упомянуты в Декларации лишь дважды, а ее ключевой пункт звучал, по крайней мере, для фундаменталистов от марксизма а la Сулов, не говоря уже о Молотове и Кагановиче, и вовсе «по-ревизионистски»: «Обе стороны, придерживаясь точки зрения, что пути социалистического развития в разных странах и условиях различны, что богатство форм развития социализма способствует его усилению, и исходя из того факта, что и одной, и другой стороне чужда всякая тенденция к навязыванию своего мнения в определении путей и форм социалистического развития, — согласны в том, что вышеупомянутое сотрудничество должно основываться на полной добровольности и равноправии, на дружественной критике и на товарищеском характере обмена мнениями по спорным вопросам между нашими партиями»⁵⁸;

б) однако уже 26 июня, возвратившись в Москву с советско-румынской границы, до которой он провожал Тито, Мичунович отметил в своем дневнике, что, как ему стало известно (очевидно, речь идет о преднамеренной утечке информации с советской стороны), советские руководители провели «встречу представителей стран лагеря еще раньше, чем Тито прибыл в Белград. Присутствовали партийные лидеры стран лагеря... Эта спешка подтверждает правильность... предварительной оценки, что у русских вопрос о лагере действительно был на первом месте... Председательствовал М. Ракоши; была его очередь. Главным пунктом повестки дня были отношения и сотрудничество между коммунистическими партиями после роспуска Коминформа... Русские... ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»⁵⁹. Согласно этой же дневниковой записи, на совещании было предпринято начать издание «неокоминформовского» международного журнала, впоследствии получившего название «Проблемы мира и социализма». И хотя у Мичуновича об этом не говорится, более чем вероятно, что на этом же совещании

руководители партий и государств Варшавского договора выразили и свое одобрение – в той части, которая касалась «общих интересов», – в отношении проекта открытого документа ЦК КПСС, призванного «поставить точку» в вопросе о «культе личности»;

в) на следующий день, 27 июня 1956 г., в соответствии с действительно общезначимым принципом коммунистической пропаганды, что политическое сообщение – «это не отчет о каком-то политическом событии, это даже не сообщение политического характера; оно само по себе... является политическим действием», призванным «играть роль непосредственного указания о том, какую занять позицию по тому или иному вопросу: "за" или "против"», причем срок помещения информации «не имеет существенного значения»⁶⁰, – в соответствии с этим принципом в «Правде» была перепечатана в переводе на русский язык опубликованная в «Daily Worker» еще 18 июня статья генерального секретаря коммунистической партии США Ю. Денниса. В ней давалась ориентировка относительно того, как воспринимать «измышления буржуазной пропаганды» в связи с публикацией в США «секретного» доклада, которая заслуживает того, чтобы привести ее целиком: «Государственный департамент надеется, что в результате того, что он опубликовал и использовал свою версию (английское "version" означает "перевод", "текст перевода". – М.Ч.) специального (т. е. специально посвященного "вопросу о Сталине". – М.Ч.) доклада Хрущева, он сможет пресечь тенденцию к мирному сосуществованию среди американцев и "нейтралов", дезориентировать левых и вызвать разобщенность между коммунистами внутри страны и за границей»⁶¹. Но свертоткровенность Денниса, вынужденного, в силу логики политической борьбы, оправдывать все, что бы ни делало руководство КПСС, и критиковать все, что бы ни делало вопреки этому правительство США, была уже неуместна, и редакция "Правды" (П р а в д ы !) "подправила" его, сопроводив слова "доклада Хрущева" примечанием: "Автор имеет в виду материал, который госдепартамент США опубликовал в печати, назвав его докладом Хрущева на XX съезде КПСС»⁶²;

г) событием, объективно сыгравшим на руку не только сталинским «зубрам», но и всем тем в руководстве КПСС, кто по тем или иным мотивам был заинтересован в ужесточении окончательной редакции «итогового» документа о Сталине, явилось выступление

рабочих в польском городе Познани 28 июня 1956 года в знак протеста против повышения норм выработки. Поскольку в июне в Познани проходила международная ярмарка, тем более не сложно было объявить происшедшее делом рук агентов империализма. Под перьями борзописцев «официальной пропаганды» (уже не польской, а советской) внесенное в сенат Конгресса США предложение об ассигновании 25 млн долларов на содействие ознакомлению народов по ту сторону «железного занавеса» с жизнью народов «свободного мира» превратилось в уже принятое «решение американского сената о дополнительном ассигновании 25 млн долларов на подрывную деятельность», и в проекте открытого документа о «преодолении культа личности» (по-видимому, на соответствующем заседании Президиума ЦК в последних числах июня или непосредственно после него с учетом состоявшегося на нем «обмена мнениями») была, как показывает текстологический анализ постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., сделана соответствующая вставка, при отсутствии которой оно не утратило бы своей внутренней логики и было бы более кратким и выразительным⁶³. Что касается неувязки с фактами в вопросе об ассигновании 25 млн. долларов, то для создания в и д и м о с т и ее преодоления советская пропаганда прибегла к характерному для нее, особенно в годы «холодной войны», нехитрому приему – после публикации постановления на страницах «Правды» дважды цитировалось его изложение в американской газете «New York Journal-American», которое выдавалось за ее собственное мнение: «Сенат решил выделить в рамках помощи иностранным государствам сумму в 25 миллионов долларов для финансирования тайной деятельности вроде той, которая привела к беспорядкам в Познани»⁶⁴.

8) 2 июля 1956 г. постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», призванное, как справедливо отмечалось, «подправить решения XX съезда»⁶⁵, появилось в печати. Весьма критическую оценку ему дал В. Мичунович:

– «Документ опубликован как "постановление" – а это значит решение, резолюция, приказ, – ЦК в связи с секретным докладом Хрущева о Сталине на XX съезде... С учетом всего, что случилось, русские усмотрели, что обязаны и в Москве опубликовать какой-то публичный вариант секретного доклада, и возникло "постановле-

ние", которым в действительности дополняется и корректируется секретный доклад»⁶⁶;

– «...Этой новой декларации ЦК КПСС о Сталине не было бы, если бы здесь не было трудностей после XX съезда и секретного доклада Хрущева четыре месяца назад»⁶⁷;

– «Китай остается вещью в себе... Китайский фактор присутствует в этих советских "дополнениях и исправлениях" секретного доклада. Русские сейчас исправились и говорят о Сталине "научно" и "объективно", а это и было смыслом китайской критики Хрущева. Русские, по своему обыкновению, одновременно выступают за свою основную линию и при этом говорят о своей последовательности, ссылаясь на китайцев как на свидетелей, которые их поддержали⁶⁸. Китайцы их не поддержали, а в действительности дистанцировались от русских»⁶⁹;

– «Беды русских увеличиваются также из-за того, что правительства некоторых стран лагеря, как, например, правительство Албании, почти открыто выступают против осуждения Сталина»⁷⁰;

– Что касается «югославского» аспекта постановления, то Мичунович высказал мнение, что «русские» ожидали результатов визита Тито в Советский Союз, а поскольку они признали их неудовлетворительными, «это "постановление" о Сталине сейчас хуже, чем было бы в противном случае»⁷¹. И несколько далее Мичунович дал волю своему раздражению: «Хотя в "постановлении" говорится, что СССР продолжит нынешнюю, что должно было бы означать – новую, политику, акцент слишком часто (делается. – М. Ч.) на взглядах, свойственных старой политике. Особенно плохо и для нас, и для других (социалистических стран. – М. Ч.), а я думаю – и для русских, [то], что игнорируется М о с к о в с к а я д е к л а р а ц и я (т. е. Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС. – М. Ч.), так как если и есть что-то новое и позитивное в политике СССР по отношению к коммунистическим партиям и социалистическим государствам, то это именно та декларация, которую подписали Тито и Хрущев десять дней тому назад. Хотя русским сейчас следует публично сослаться на доказательства в пользу своей новой политики, им в данный момент мешает крупнейшее из этих доказательств, и кажется, что они уже раскаялись [в том], что подписали эту декларацию с югославами»⁷².

– Наряду с этим в дневниковой записи Мичуновича за 3 июля содержатся и замечания концептуального характера по поводу стержневых «идей» постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г.: «Здесь проводится старая советская схема о разделении мира на два антагонистических блока, требуется строгое единство коммунистических партий в борьбе против капитализма, который готовится силой уничтожить революционные движения и их завоевания. В "постановлении" подчеркивается необходимость международного единства рабочего класса и всех передовых сил, [но] нет ни одного слова о необходимости сотрудничества коммунистов и социал-демократов...»⁷³.

9) Необходимо отметить также, что если в конце марта – начале апреля 1956 г. по итогам обсуждения «секретного» доклада в первичных организациях КПСС в «Правде» были опубликованы всего две «подвальные» статьи, да и то противоположные по содержанию (см. выше), то задаче внедрить в сознание советского народа догмы, сформулированные в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», были посвящены три такие статьи, опубликованные на протяжении двух недель после 2 июля, а именно 6, 8 и 16 июля 1956 г.

Наибольший интерес представляет первая из этих установочных статей, «Коммунистическая партия – вдохновитель и вождь советского народа». Ее ударные тезисы словно гвозди вколачивались в сознание советских граждан:

– «Несмотря на... ограничения... демократических форм (так в тексте, вероятно речь идет о нормах, – М.Ч.), вызванные сложной обстановкой, советский строй с первого же дня своего существования представлял собой более высокий тип демократии, чем любая буржуазная демократическая республика»;

«...Коммунистическая партия была, есть и будет единственным выразителем мыслей и чаяний, руководителем и организатором народа на всем протяжении его борьбы за коммунизм»;

– «...Партия, опираясь на свои местные организации, никогда не переставала жить творческой жизнью»⁷⁴.

Иначе говоря, в статье достаточно отчетливо проявились присущие руководству КПСС: а) комплекс превосходства; б) притязание на

монопольное обладание политической властью; в) комплекс непогрешимости.

В том же духе были выдержаны и две другие статьи «Правды» – «Советский, подлинно народный, строй прочен и непоколебим»⁷⁵ (8 июля) и «Растут и крепнут международные силы мира, демократии и социализма» (16 июля). В последней цитировалось не только постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., но и – для вящей убедительности – одно из высказываний Мао Цзэдуна.

* * *

Наконец – о том, как постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» было расценено в США – выдающимся государственным деятелем и дипломатом Джоном Фостером Даллесом, занимавшим в 1953–1958 гг. пост государственного секретаря США.

По иронии истории 25 февраля 1956 г., в тот самый день, когда Хрущев с трибуны XX съезда КПСС делал свой «секретный» доклад, Дж.Ф. Даллесу исполнилось 68 лет и нет сомнений в том что, узнав *post factum* об этом без преувеличения действительно сенсационном событии и о его совпадении во времени со своим днем рождения, он, будучи глубоко религиозным человеком, воспринял это как дар, ниспосланный ему Провидением.

Однако было бы недопустимой ошибкой придерживаться созданного длительными усилиями коммунистической пропаганды одномерного образа Дж. Ф. Даллеса, нашедшего концентрированное выражение в следующем определении из воспоминаний Хрущева: «Но тут появился зловещий Даллес и Соединенные Штаты навязали Вьетнаму кровопролитную войну, которая продолжается до сих пор»⁷⁶.

Этот «зловещий» образ долгое время был обязательным для биографических справок о Дж.Ф. Даллесе в советских изданиях энциклопедического характера. Например: «По профессии юрист. Был тесно связан с влиятельными монополистическими кругами... Дипломатическая деятельность Д. началась в 1907 г., когда он был секретарем делегации США на 2-й Гаагской конференции... Вся внешнеполитическая деятельность Д. (в том числе и относящаяся к пе-

приоду 1907–1917 гг.? – *М.Ч.*) была направлена против СССР и др. социалистических стран»⁷⁷.

Более объективное (а главное – более квалифицированное с историко-дипломатической точки зрения) представление о Дж.Ф. Даллесе дает статья о нем в первом томе 4-го издания «Дипломатического словаря» (1984 г.), содержащая его впечатляющий послужной список⁷⁸, как бы доказывающий, что по сравнению с ним такие кроворукие «корифеи» сталинской дипломатии, как Молотов и Вышинский, были в лучшем случае пригостишками⁷⁹. То, что его яркая восходящая звезда относительно поздно достигла своего зенита – поста главы американского внешнеполитического ведомства, объясняется тем обстоятельством, что Даллес был убежденным республиканцем, тогда как демократическая партия США, начиная с 1933 г., по американским (да и не только по американским) понятиям, слишком долго – на целых 20 лет – «засиделась» у власти. Следует, однако, заметить, что почти сразу, через считанные дни, после смерти Ф.Д. Рузвельта, несмотря на взаимные антипатии нового президента США Г. Трумэна и Дж.Ф. Даллеса, последний благодаря своей исключительно высокой квалификации дипломата оказался в списке членов американской делегации на конференции в Сан-Франциско. Это был его «прорыв в... круг лиц, не просто существующих внешнею политику США, но и участвующих в ее формировании... Двухпартийность (во внешней политике. – *М.Ч.*) стала реальностью, притом не декларативной, а оперативной – ведь администрация делила с оппозицией принятие решений»⁸⁰.

С начала 1946 г. правительство США в своей внешней политике руководствовалось доктриной «сдерживания» коммунизма, призванной, по выражению инициировавшего ее американского дипломата Джорджа Ф. Кеннана, «в огромной степени увеличить бремя, затрудняющее проведение советской политики, навязать Кремлю значительно более осторожный и сдержанный курс», а тем самым – оказать поддержку «тенденциям, ведущим в конечном счете либо к уничтожению, либо к постепенной эрозии советской державы»⁸¹. В осуществление конкретных внешнеполитических акций в соответствии с этой доктриной внес свой вклад и Дж. Ф. Даллес.

Однако лично он считал доктрину «сдерживания» недостаточной, если не сказать больше. Кампания по выборам президента

США 1952 г. предоставила ему прекрасную возможность высказаться по этому поводу. Еще в апреле Дж.Ф. Даллес заявил, что Соединенные Штаты должны развивать свою решимость и способность «нанести ответный удар, если Красная Армия совершит открытую агрессию, чтобы, если такое произойдет где-либо, мы могли бы ответить и ответили бы именно в том месте и теми средствами, какие сами предпочтем»⁸². Однако уже 15 апреля 1952 г. республиканский кандидат в президенты США Дуайт Эйзенхауэр в письме к Даллесу мягко одернул его, спросив, а что будет, если коммунисты используют политические средства, как это было в Чехословакии в 1948 г., чтобы отколоть выступающие части свободного мира?.. «Такая возможность существует, – писал Эйзенхауэр, – и это равно плохо для нас, как если бы они использовали силу. На мой взгляд, это тот случай, когда теория "возмездия" не работает»⁸³. Даллес был вынужден ответить Эйзенхауэру, что тот нашел слабое место в его теории.

В своей статье под заголовком «Политика смелости», опубликованной в журнале «Life» 19 мая 1952 г., Дж.Ф. Даллес выбросил лозунг: цель США – «освобождение поработенных народов»⁸⁴. «Эйзенхауэр, – отмечает его биограф С. Амброс, – согласился с Даллесом, что безнравственно бросать народы Восточной Европы на произвол судьбы, но настаивал, что для достижения достойных целей должны использоваться достойные средства, его неприятно поражал по-прежнему воинственный тон Даллеса. Он позвонил Даллесу и сказал, что отныне и впредь тот должен пользоваться исключительно выражением "все мирные средства", когда затрагивается тема освобождения»⁸⁵.

Тем не менее, предвыборная платформа республиканской партии США, опубликованная в июле 1952 г., представляла собой, по оценке того же С. Амброза, «документ исключительно правого толка». Во внешнеполитической части платформы, написанной Дж.Ф. Даллесом, республиканская партия «клялась» «отречься от всех обязательств, содержащихся в секретных соглашениях, подобных ялтинскому, которые способствовали установлению коммунистического рабства». В ней содержалось проклятие трумэнговской политике сдерживания... как «негативной, бесплодной и аморальной», потому что сдерживание «оставляет огромные массы людей во власти деспотизма и безбожного терроризма». Далее в открытом

обращении, направленном не только к старой гвардии (республиканцев. – *М.Ч.*)..., но также к простому избирателю, демократу-язычнику, даллесовская платформа заверяла, что республиканская Администрация будет «всемерно способствовать подлинному освобождению поработанных народов Восточной Европы», которых демократы «оставили один на один с коммунистической агрессией»... По настоянию Эйзенхауэра в текст платформы был включен пункт о поддержке НАТО, но, чтобы уравновесить это положение, отвергались любые попытки пожертвовать Дальним Востоком для защиты Западной Европы»⁸⁶.

Что касается реально-политического смысла призывов к «освобождению», то представляет интерес сопоставление двух оценок. «На деле..., – писал С. Амброс, – старая гвардия (республиканцев. – *М.Ч.*) являла собой удивительное сборище изоляционистов. Она сомневалась в разумности оказания помощи Западной Европе, но заявляла о готовности освобождать Восточную Европу и Азию»⁸⁷. В том же ключе высказывался Н.Н. Яковлев: «Рядовой избиратель... списал разговоры об "освобождении" по ведомству журавлей в небе, еще один вариант привычных для него упражнений в мессианской фразеологии, набивший оскомину атрибут американской политической жизни. Он, несомненно, выделил другое – обещание Эйзенхауэра положить конец войне в Корею»⁸⁸.

И все же, несмотря на «очевидную опасность и рискованность призывов к освобождению» с точки зрения внешней политики, внутривнутриполитический «выигрыш был слишком велик, чтобы им пренебречь. Освобождение – это было то, о чем хотелось услышать старой гвардии (республиканцев. – *М.Ч.*); оно поможет ему (Эйзенхауэру. – *М.Ч.*) отделить себя от Ялты и Рузвельта; оно привлечет тысячи избирателей – переселенцев из Восточной Европы в лагерь "Великой старой партии"» (т.е. республиканской партии США. – *М.Ч.*). С этими мыслями Эйзенхауэр прибыл 24 августа в Нью-Йорк, чтобы выступить на съезде Американского легиона и перенести сюда свою штаб-квартиру. Он сказал участникам съезда, что Соединенные Штаты должны использовать свое «влияние, силу и мощь, чтобы помочь народам стран-сателлитов сбросить "яро русской тирании"». Он сказал, что поставит в известность Советский Союз о том, что Соединенные Штаты «"никогда" не признают "советскую

оккупацию Восточной Европы" и что американская "помощь порабощенным" народам будет продолжаться до тех пор, пока их страны не станут свободными»⁸⁹.

Такая риторика принесла свои плоды: 4 ноября 1952 г. Эйзенхауэр одержал победу на президентских выборах. Ему удалось также получить республиканское большинство в Конгрессе, хотя и незначительное. Первым назначением нового президента был Дж.Ф. Даллес на важнейшем посту государственного секретаря, причем Эйзенхауэр «никогда серьезно не рассматривал никакой другой кандидатуры. Это назначение действительно было неизбежным»⁹⁰.

Относительно взаимоотношений Эйзенхауэра и Даллеса в бытность первого президентом, а второго – государственным секретарем США существуют диаметрально противоположные мнения. Вот одно из них: «...Если при некоторых других президентах государственный секретарь играл роль скорее исполнителя их решений, чем "творца" дипломатии, то при Эйзенхауэре, как правило, дело обстояло наоборот»⁹¹. Сам Эйзенхауэр был категорически несогласен с подобными трактовками; сочетая в одном и том же предложении комплимент Даллесу и подчеркивание собственного (действительного или мнимого – другой вопрос) превосходства над ним, он как-то сказал: «Есть только один человек, которого я знаю и который видел больше стран, разговаривал с большим числом людей и знает больше, чем Даллес, и этот человек – я»⁹².

Не подлежит сомнению, однако, следующее: впервые встретив Даллеса в апреле 1952 г. в штабе верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами Североатлантического союза в Европе, Эйзенхауэр сразу же «оценил... его приверженность НАТО и готовность оказывать помощь иностранным государствам. Глубокое знание Даллесом вопросов мировой политики произвело на Эйзенхауэра впечатление... Кроме того, Эйзенхауэр испытывал какую-то особую привязанность к Даллесу... Даллес любил читать проповеди, морализировать, монополизировать разговор. Но Эйзенхауэр ценил его приверженность к упорной работе, знание мельчайших деталей, желание быть полезным»⁹³. Оба они прекрасно дополняли друг друга.

20 января 1953 г. состоялась церемония инаугурации 34-го президента США, а 5 марта того же года умер Сталин, причем, как яв-

ствует из недавно опубликованного документа, его «верные соратники» по инициативе Хрущева, Маленкова и Берии «освободили» его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК (оставив, правда, членом Президиума ЦК КПСС) за час-полтора до смерти⁹⁴. Поистине: «...Наследников огромный хор заводит непристойный спор...».

О том, каковы были первые реакции в Вашингтоне на смерть Сталина и последовавшие за ней события и как оценивались в правительстве США их возможные последствия, свидетельствуют фактические данные, изложенные в книге Н.Н. Яковлева «Силуэты Вашингтона» (приводятся в очищенном от литературных украшений в духе идеологической конфронтации виде):

«...Собрался Совет национальной безопасности. Дж.[Ф.] Даллес... предлагал вообще никак не откликаться на смерть И.В. Сталина – любое послание "может быть истолковано как призыв к скорбящему советскому народу восстать против своих правителей", но Эйзенхауэр счел необходимым обратиться с прочувствованным заявлением... в котором напоминалось, что мы "дети одного бога, отца всех народов"... Независимо [от того], кто правит народом громадной страны, мы, американцы, продолжаем молиться [о том], чтобы всевышний надзирал за ним...».

«Дж.[Ф.] Даллес... вскоре... вызвал посла США в Москве Болена и "взволнованно" заговорил: в СССР-де "вспыхнет кровавая борьба за власть, которая может привести к падению советского режима". Изумленный посол сказал, что не разделяет этой точки зрения. Тогда, по словам Болена, Даллес схватил лежавшую на столе открытую книгу Сталина "Вопросы ленинизма" и стал зачитывать подчеркнутые им места. Болен пожал плечами, а Даллес остался при своем мнении...»⁹⁵.

В связи с отношением Дж.Ф. Даллеса к коммунистической идеологии небезынтересно привести свидетельство советского посла в Вашингтоне с февраля 1958 по январь 1962 г. М.А. Меньшикова о его первом (и единственном) визите домой к государственному секретарю США, когда «надо было, согласно указанию, вручить... ноту немедленно и лично Даллесу». Меньшиков вспоминал:

«Он принял меня в гостиной, где, как и в его кабинете в госдепартаменте, было много книг. Среди них я заметил тома К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Я не выразил удивления, так как Даллес

в своих публичных речах неоднократно приводил цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма для того, чтобы показать, что его позиция основывается на знании противника, то есть коммунистической идеологии.

– Не думайте, что только вы, коммунисты, читаете Маркса и Ленина, – сказал Даллес, слегка улыбаясь. – Я тоже их читаю и неплохо знаю историю вашей партии.

В тон ему я заметил:

– Боюсь, что Вы, мистер Даллес, в конце концов станете коммунистом.

– Я тоже этого боюсь, – то ли шутя, то ли серьезно произнес он, – поэтому всегда читаю также и Библию»⁹⁶.

Как уже отмечалось выше, именно Дж.Ф. Даллес принял решение о публикации английского перевода «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС в «New York Times» и «Washington Post», что и было сделано 4 июня 1956 г. Несомненно, он верно оценил взрывоопасную природу этого документа, правильно рассчитал, что его публикация не только поставит советских руководителей «в неудобное положение» (что они все равно раньше или позже переживут), но и явится исключительно мощной миной замедленного действия, сильным катализатором дезинтеграционных процессов в возглавляемом СССР блоке государств и в коммунистическом движении за пределами советской сферы влияния (причем явится именно потому, что опубликованный текст будет надежно упрятан в спецхраны и всячески замалчиваться в открытой печати).

Ответный ход советского руководства – постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» – Даллес совершенно справедливо расценил как выражение того, что «международный коммунизм озадачен и переживает внутренние трудности». Кремлевскому рупору «Правде» не оставалось ничего другого, как в публикации от 5 июля объявить эту констатацию «опасным самообманом», что лишь подтверждало тот факт, что советская пропаганда находилась в обороне.

11 июля 1956 г., когда эйфория советских руководителей в связи с принятием нового документа о Сталине несколько спала, Дж.Ф. Даллес созвал пресс-конференцию в государственном департаменте США. Пришедшим на нее журналистам для удобства был

заранее роздан текст заявления государственного секретаря, которое Даллес и зачитал в качестве основной части своего вступительного слова. Вот это заявление полностью:

«Центральный комитет советской коммунистической партии сделал заявление от 30 июня 1956 г., которое является важным дополнением к развивающейся ныне большой дискуссии среди коммунистов. Оно является попыткой объяснить то, как при советской коммунистической системе, злоупотребления сталинизма были терпимы так много лет и что, [как] они говорят, предотвратит появление таких злоупотреблений.

Заявление, по-видимому, предназначено в первую очередь для того, чтобы убедить тех, кто составляет международное коммунистическое движение. Но не только члены советской партии и советские трудящиеся страдали от злоупотреблений Сталина. Другие народы также страдали. Это факт, который советские коммунисты, кажется, игнорируют. Они должны видеть, если у них действительно открылись глаза, что насилие и терроризм, которые они теперь осуждают, было не только советской внутренней политикой, но также советской внешней политикой. Целые народы оказались в силу этого в мучительном плену. А по-прежнему свободные народы должны были платить высокую цену, чтобы защищать их. Они также имеют право быть уверенными в том, что зло, совершенное от имени Сталина, будет устранено и что такие методы не повторятся.

Советская коммунистическая партия теперь обещает децентрализацию власти в пользу советских республик, а для отдельных граждан — "свободу слова и печати и свободу совести" и господство права. Она говорит, что "высшая цель советского государства — повысить жизненный уровень населения во всех отношениях". Но эти вещи уже были обещаны конституцией советского государства, принятой в 1936 году. Это не предотвратило применения методов насилия и массовых репрессий, пыток, принуждений к самооговорам и убийств на основании заведомо неправосудных смертных приговоров, которые Хрущев описал в своей первоначально секретной, а теперь ставшей известной благодаря кому-то речи от февраля сего года.

Только реальность сильных демократических институтов действительно обезопасит от разлагающей власти деспотизма.

Весь мир будет, поэтому, внимательно следить, чтобы увидеть, что действительно получится из происходящих сейчас процессов. Если они основательно изменят внутреннюю и внешнюю политику и практику советского государства, то это благотворно преобразит мировую арену. Мы с надеждой ожидаем наступления этого дня»⁹⁷.

Затем Дж.Ф. Даллес ответил на вопросы журналистов. Один из журналистов попросил Даллеса конкретизировать, «что Советы должны сделать, чтобы устранить зло, совершенное от имени Сталина» в других странах. Имеется ли, в частности, в виду, что советское правительство «должно добровольно освободить страны-сателлиты в качестве доказательства своей новой политики?» Вопрос попал в цель – он затронул любимую Даллесом тему «освобождения». Ответ заслуживает того, чтобы привести его целиком: «Я полагаю, что оно должно так поступить. Оно должно восстановить независимость стран-сателлитов. Я думаю, что это – один из пробных камней реальности новой политики. Это пункт, который Соединенные Штаты постоянно подчеркивали, и сам президент Эйзенхауэр, как Вы, вероятно, вспомните, лично очень энергично выразил эту точку зрения г-дам Хрущеву и Булганину, когда он был в Женеве как раз около года тому назад»⁹⁸ (Р. 145–146). Таким образом, согласно Даллесу, «освобождение» стран Восточной Европы должно было прийти не непосредственно от Соединенных Штатов, а от Советского Союза под воздействием США.

Значительная часть пресс-конференции была посвящена возможности внутреннего преобразования в СССР. По-видимому, Дж.Ф. Даллесу и его советникам был известен текст не только постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», но и первой из опубликованных в целях его «разъяснения» установочных статей в «Правде», где, в частности, говорилось: «Важнейшая особенность подлинной марксистско-ленинской партии состоит в том, что она исполнена непреодолимых жизненных сил...»⁹⁹. Придав этому выражению иной смысл, государственный секретарь США в своем ответе на один из заданных ему вопросов, в частности, заявил: «...Я полагаю, что силы, которые теперь действуют, намерены доказать, что являются непреодолимыми (irresistable)... Я несколько раз давал показания по сему предмету перед комитетами Конгресса в последние несколько недель. Я сказал там, что не произойдет внезапного преобразования... но я полагаю, что в это второе

послевоенное десятилетие... мы увидим, что эти новые силы овладеют ситуацией и что мы действительно с надеждой можем ожидать преобразования международной арены» (Р. 146). Следовательно, Дж.Ф. Даллес считал возможным радикальное преобразование общей международной ситуации ориентировочно к 1965 г.; как показал последующий исторический опыт, такая точка зрения не была чрезмерно оптимистической.

На вопрос, считает ли он, что эти силы все же могут потерпеть поражение в определенный момент, Даллес дал четкий ответ, обратив внимание на отсутствие демократических традиций в СССР: «Я сказал бы, что нынешняя политика Советского Союза может все же потерпеть поражение в определенный момент, потому что она еще не зависит от согласия тех, кем правят. Я полагаю, что происходят процессы, которые потребуют, чтобы советская политика стала чувствительной к воле тех, кем правят» (Р. 146). Но когда его спросили о том, будет ли устранение правителей Советского Союза способствовать высвобождению тех «непреборимых» сил, о которых он говорил, Дж.Ф. Даллес ответил весьма уклончиво: «Я не хотел бы комментировать [эту проблему] с точки зрения личностей. Я думаю, [что действовать] так было бы очень спекулятивным занятием. Это будет зависеть от того, кто сменит их. Он, возможно, занялся бы международными делами на такой ступени [развития], на которой я предпочитаю не заниматься [ими]» (Р. 146). Последнее предложение¹⁰⁰ неясно, и можно предположить, что Даллес имел в виду либо воцарение геронтократа, пребывающего в маразме и вследствие этого не способного не только компетентно, но и попросту здраво решать внешнеполитические вопросы, либо иной вариант, когда после «устранения нынешних правителей» в результате их деятельности общая международная ситуация окажется настолько неблагоприятной для Советского Союза, что выправить ее не смог бы даже самый компетентный и твердый руководитель, либо одновременное наличие неблагоприятной ситуации и некомпетентного руководителя. Однако на вопрос, считает ли он, что «эти непреборимые тенденции в России...: эвентуально помогут привести к воссоединению Германии в это второе послевоенное десятилетие», Дж.Ф. Даллес дал совершенно однозначный ответ: «Да, я так считаю» (Р. 148). Он ошибся лишь в сроках.

Государственному секретарю США был задан также вопрос о том, что мог бы сделать Запад в целях помощи антитоталитарным силам, действующим в России, и следовало ли вообще делать что-либо или же предоставить этим силам возможность действовать самим по себе. В своем ответе на него Д.Ф. Даллес, в частности, подчеркнул: «Идея, что мы можем помочь лишь прямым вмешательством (interference), является, я думаю, ошибочной идеей. Непосредственное вмешательство во внутренние дела очень редко способствует переменам в зарубежной стране» (Р. 148). Это не означало, однако, что следовало сидеть сложа руки. «Я полагаю, наибольшее, что мы можем сделать, – сказал Даллес, – это придерживаться старой исторической американской традиции и показывать другим в пример добрые плоды свободы у себя дома... показывать нашим поведением и примером, сколь хороши плоды нашего типа общества... Мы можем показать и, я думаю, показываем пример, который ощущается повсюду в мире, и он имеет тенденцию стимулировать эти (антитоталитарные. – М.Ч.) процессы» (Р. 148–149). Без американского примера, увлекающего воображение людей, стремящихся получить больше свободы, продолжал Даллес, эти процессы не могут стать непреоборимыми¹⁰¹.

На вопрос, считает ли он, что, наряду с «поведением и примером» Соединенных Штатов, свое воздействие окажет также политика обмена контактами, Дж.Ф. Даллес ответил: «Я полагаю, что окажет, в значительной степени потому, что она принесет народам Советского Союза большее знание о том, каковы те свободы, которыми мы пользуемся, и сколь хороши плоды этих свобод... Если люди не могут видеть то, что мы делаем, наш пример не имеет значения там; если они не знают о нашем поведении, оно там не принимается в расчет. Так что для того, чтобы наши поведение и пример оказывали влияние, они должны быть известны» (Р. 149).

Один из присутствующих – по-видимому, находившийся во власти представления, что Соединенные Штаты должны предпринять «крестовый поход» с целью «освобождения» стран Восточной Европы, а не побудить Советский Союз освободить их, – спросил Дж.Ф. Даллеса о том, «существует ли какое-либо противоречие между политикой, при помощи которой мы влияем на людей нашим поведением и примером, и политикой освобождения стран-сател-

литов». Государственный секретарь США отвечал: «Я не усматриваю несообразности (inconsistency) между политикой поведения и примера и политикой освобождения, потому что именно наши поведение и пример были великой освободительной силой повсюду в мире. На протяжении практически всего последнего столетия пример, который мы показывали нашей свободой и независимостью, был в огромной степени вдохновляющей освободительной силой. Именно он был в значительной части тем, что и вызвало эту потрясающую эволюцию от колониализма к независимости. Я не претендую на исключительное признание заслуг во всем этом одних лишь Соединенных Штатов, потому что имеется много других демократических стран внутри свободного мира, которые показывали этот пример и которые сами взяли [на себя] инициативу. Но то, что Соединенные Штаты сделали посредством своего поведения и примера, восходит к первым дням (новой истории. – М.Ч.) этого полушария, когда, следуя [примеру] нашей независимости, другие страны Америки обрели свою независимость. ...Весь наш пример оказал глубокое влияние. И когда Вы обращаетесь, например, к народу страны, подобной Индонезии... или Индии... – Вы обнаруживаете, что история, которую они знают, из которой они черпают свое вдохновение, – это в очень значительной степени [та же] ранняя американская история» (Р. 149–150).

Следующий вопрос, обращенный к Дж.Ф. Даллесу, был прямо связан с развернутой всей коммунистической пропагандой кампанией по «разъяснению» одного из ключевых пунктов постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., того, где речь шла о подрывной деятельности Соединенных Штатов (коммунистические органы печати ссылались в этой связи на ассигнование 100 млн долларов и на недавнее внесение предложения в сенате относительно еще 25 млн долларов) (Р. 150).

На этот вопрос Дж. Ф. Даллес дал четкий и полный скрытой иронии ответ (ирония состояла в том, что разведывательная деятельность финансировалась по другим статьям федерального бюджета США и что если бы у Центрального разведывательного управления, возглавлявшегося в то время его братом Алленом Даллесом, в шутку называвшим свое ведомство «государственным департаментом для сношений с недружественными правительствами»¹⁰², были

только вышеприведенные суммы, призванные поразить воображение и вогнать страх в душу советского обывателя, то оно в считанные дни захирело бы). Этот ответ сводился к тому, что какие бы суммы ни были ассигнованы (а окончательного решения принято еще не было), они будут использованы только для осуществления уже обозначенных целей – сделать известными народам всего мира добрые плоды свободного общества (Р. 150).

На пресс-конференции были затронуты также вопрос о советской экономической помощи зарубежным странам и проблема нейтрализма. По долгу службы Дж.Ф. Даллес был обязан улаживать ситуации, возникавшие в результате неуместных, как с точки зрения дипломатического такта, так и по соображениям политической целесообразности высказываний тех, кто стоял выше его в вашингтонской иерархии. В данном случае ему пришлось переводить в более-менее приемлемую тональность высказывания тогдашнего вице-президента США Р. Никсона, сделанные им в ходе его турне по азиатским странам (Никсон посетил, в частности, Филиппины и Пакистан). Собеседником Даллеса оказался очень настырный журналист, который своими вопросами (всего их было пять) побудил государственного секретаря сначала в некоторой степени отмежеваться от сказанного вице-президентом, а затем самому высказаться по существу поднятой проблемы.

Сначала журналист спросил Дж.Ф. Даллеса, согласен ли он «с тем, что г-н Никсон говорил в Азии относительно коммунистической помощи и готовности Соединенных Штатов продолжать [оказывать] помощь странам, которые получают экономическую помощь от коммунистов». Затем вопрос был уточнен: Никсон говорил в Карачи о том, что «советская помощь предлагается не с условиями, а с удавкой, и получатель подвергается почти [что] некоторому риску оказаться в петле, стягивающейся вокруг его шеи». Согласен ли Даллес с этим мнением о советской помощи? (Р. 146). Стремясь вывести из-под удара Р. Никсона – первого вице-президента в истории США, «которому президент... поручал председательствовать на некоторых заседаниях кабинета министров и Совета национальной безопасности»¹⁰³, – Дж.Ф. Даллес сначала осторожно высказался в том смысле, что Никсона неправильно интерпретировали, но затем оказался в положении прижатого к стене вопросом заданным в лоб

под понимающе-иронический смех собравшихся журналистов (Р. 146): «Безотносительно к тому, цитировал ли он (Никсон) кого-то другого или самого себя, соглашаетесь ли Вы с этим заявлением?». В ответе Дж.Ф. Даллеса присутствовало стремление, с одной стороны, быть по возможности сдержанным, а с другой – подтвердить свою неизменную общую оценку Советского Союза. При этом он коснулся и событий в Познани. Он говорил: «Я думаю – это почти несомненно, [что] существует риск в принятии советской коммунистической помощи. Но я думаю, что... (при теперешней нужде СССР и стран-сателлитов в потребительских товарах) только настоятельная политическая цель могла ... привести советских правителей [к тому, чтобы] переключить экономическую помощь от их собственного народа на другие народы. За этим должен, следовательно, быть настоящий мотив... Я не хочу сказать, что в любом случае получение советской помощи заключало бы в себе большую опасность, но несомненно, когда Вы видите пространство, столь разоренное, как разорен советский блок, – и это высветилось недавними бунтами в Познани, – когда Вы видите ситуацию, где рабочие бунтуют и рискуют своими жизнями, чтобы получить больше хлеба, и когда Вы при этом видите такую страну перекачивающей свое материальное богатство другому народу, – за этим должен быть настоящий политический мотив, и это – предостережение для других» (Р. 147).

Пресс-конференция Дж.Ф. Даллеса от 11 июля 1956 г. примечательна и еще в одном отношении – на ней приобрела более-менее законченную формулировку позиция США по отношению к нейтральным и неприсоединившимся странам. Уточняя свои более ранние высказывания, государственный секретарь США сказал, что он не утверждал, «что нейтраллизм всех видов аморален», а «обрисовал разновидность нейтраллизма», относительно которой он полагает, что она «аморальна». Речь идет о нейтраллизме, «который безразличен к судьбе других и который полагает, что безопасность лучше искать в изоляции и не заботясь о других» (Р. 147). И вновь Дж.Ф. Даллеса подвел *enfant terrible* Никсон, давший повод одному из журналистов попросить госсекретаря прокомментировать прозвучавшее в Маниле высказывание вице-президента относительно двух видов нейтралов: тех, кто независим, как «были [независимы] мы, когда мы были молодцы», и тех, кто не делает морального различия между правым и

неправым. Может ли Даллес отнести какое-либо из нынешних правительств в Азии ко второй категории? Даллесу не оставалось ничего другого, как ответить: «Ну, я не хотел бы называть страны поименно. Я думаю, [что] мне было [бы] лучше не делать этого» (Р. 147).

Понимая, сколь политически опасна была бы всякая конкретизация рассуждений об «аморальной» разновидности нейтралитета, Дж.Ф. Даллес заговорил о другом, о том, что членство в ООН «само по себе обязывает всех членов [быть приверженными] принципу стоять вместе, как против агрессии. Это означает заботу о других...» (Р. 147).

Журналисты не унимались: «Г-н [государственный] секретарь, определение заботы о других, выраженное через членство в Объединенных нациях, означает [ведь] ... что практически не существует каких-либо нейтралов во всем мире? Практически все страны, которые были в состоянии вступить в Объединенные нации, находятся там». С плохо скрываемым раздражением Дж.Ф. Даллес ответил: «Да, с одним исключением – Швейцарией, которая сочла, что ее членство в Объединенных нациях несовместимо с ее традиционной политикой нейтралитета». Нейтралитет Швейцарии «основывается на очень специфическом сочетании обстоятельств», и говорить об аморализме в случае со Швейцарией, конечно же, нельзя (Р. 147).

Дж.Ф. Даллес имел основания быть удовлетворенным тем эффектом, который произвела его пресс-конференция, состоявшаяся 11 июля 1956 г. Уже через три дня он удостоился отклика в «Правде», где была напечатана анонимная заметка «Тщетные надежды господина Даллеса». В ней говорилось о том, что госсекретарь США «как обычно, дал волю ненависти, обрушившись с самыми низкопробными, клеветническими нападками на советский строй и на Коммунистическую партию Советского Союза...»

До краха коммунистической системы оставалось более трех десятилетий. «Подвальная» статья «Правды» от 16 июля 1956 г. была преисполнена оптимизма: «Растут и крепнут международные силы мира, демократии и социализма»...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точнее – 32 года, 9 месяцев и 21 день, т.е. со 2 июля 1956 г., когда оно напечатано в «Правде», до 23 марта 1989 г., когда подписан в печать журнал «Известия ЦК КПСС». 1989. № 3, в котором в соответствии с ре-

шением Политбюро ЦК КПСС был опубликован текст «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях».

² Вот она, знаменитая «всесторонность» а la Сулов! Ее обстоятельно показал в свих воспоминаниях Ф.М. Бурацкий: «...Я многократно слышал... о тех замечаниях, которые высказывал Сулов по поводу готовящихся материалов. И были они, эти замечания, очень последовательны... Скажем, пишем мы в документе о возможности мирного перехода к социализму в других странах, а он указывает: мол, надо сказать также о вооруженном восстании; пишем о том, что нет фатальной неизбежности мировой войны, а он отмечает: мол, надо сказать, что нег и фатальности мира; подчеркиваем значение демократии, а он рекомендует упомянуть о дисциплине; отмечаем ошибки периода культа личности, а он советует подчеркнуть, что периода такого не было, поскольку партия всегда стояла на ленинских позициях; намекаем на то, что не все было благополучно во время коллективизации, а от него исходит: надо-де отметить историческое значение великого перелома. В общем, стоял он на страже всестороннего подхода, чтобы, так сказать, не выплеснуть ребенка вместе с водой, хотя бы ребенок тот был весь в сталинских пятнышках». (*Бурацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 177–178*).

³ Далее, в соответствии с духом и буквой постановления, должно было бы стоять: «правых оппортунистов», но этот политический ярлык во «введении» был предусмотрительно опущен: готовилась реабилитация Бухарина.

⁴ В такую формулу вписывалось, кстати сказать, и заключение пакта Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. с секретным дополнительным протоколом к нему и все, что за этим последовало вплоть до 22 июня 1941 г.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1986. 9-е изд., доп. и испр. Т. 9. 1956–1960. С. 111.

⁶ *Лукач Д. Своеобразие эстетического. М., 1987. Т. 4. С. 494.* Лукач просто сослался на следующее место из «секретного» доклада: «...Когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935–1937–1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма – троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов...» (*Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132*).

⁷ См.: *Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 4. С. 513.*

⁸ Ср.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 212, 215; Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5 С. 397, 401–402.

⁹ См.: Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 15–17.

¹⁰ См., напр.: Бюффа Дж. История Советского Союза. В 2-х т. М., 1994. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. С. 438. Утверждение Волкогонова, будто «знаменитый драматический доклад» Хрущева был сделан им «в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года» (см.: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. М., 1990. 2-е изд., доп. С. 11), – не соответствует действительности. На самом деле «секретный» доклад был сделан Хрущевым на закрытой части утреннего заседания 25 февраля. См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 11. С. 402.

¹¹ См., напр.: Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 194 и сл.

¹² Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166. Прим. 1.

¹³ Там же. С. 165. Это последнее постановление до сих пор не опубликовано. Оно было инициировано Хрущевым в следующем абзаце «секретного» доклада: «Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия» (Там же).

¹⁴ «Отступления докладчика от заранее подготовленного текста» и форма их «включения» в «текст доклада, предназначенный для направления партийным организациям», – особая тема. Так, В.Е. Семичастный в беседе с сотрудниками ЦПА (ныне – РЦХИДНИ) 22 мая 1989 г. утверждал, что докладчик «строго придерживался текста, что случалось с ним редко... Хрущев был сдержан, взволнован. От текста ни разу не отступил» (См.: Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Вып. 1. С. 272). Напротив, Н.А. Мухитдинов признавал, что Хрущев «говорил... с большими отступлениями от текста» (См.: От оттепели до застоя. М., 1990. С. 90). Наиболее изобилуют подробностями воспоминания И.С. Черноуцана: «С озлобленностью и презрением говорил он (Хрущев. – М.Ч.), обращаясь к Ворошилову: "Ты, Клим, откажись наконец от своего вранья об обороне Царицына. Сталин просрал Царицын, как и польский фронт, а потом силой и шантажом навязал Царицыну свое имя..." "Неужели у тебя, старого и дряхлого человека, – обращался Никита к Ворошилову, лысина которого побагровела от стыда, – не найдется мужества и совести, чтобы рассказать правду, которую ты сам видел и которую нагло исказил в подлой книжон-

ке "Сталин и Красная Армия"?)» (Цит. по: *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. С. 88–89). Обращение к Ворошилову имеется и в «тексте доклада, предназначенного для направления партийным организациям», но, если верно свидетельство Черноуцана, оно сильно смягчено: «Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову, конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми – и народом и партией. И внуки за это будут благодарить» (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 160).

¹⁵ Документы о массовых беспорядках в Тбилиси 5–10 марта 1956 г. см.: Источник. 1995. № 6. С. 62–68. Характерно, что среди пунктов «петиции», зачитанной вечером 9 марта у памятника Сталину, фигурировали требования не читать письмо «О культе личности», сменить правительство и т. д.

¹⁶ *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. С. 98.

¹⁷ См.: КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 23.

¹⁸ «Неправильно было бы представлять, что достаточно принять некоторые административные меры, и с культом личности будет покончено навсегда. Недопустима также поспешность в решении больших теоретических вопросов. Такой подход к идеологическим вопросам может принести только вред», – говорилось в статье.

¹⁹ См.: *Шепилов Д. Т.* Я прожил большую жизнь (Ответы на вопросы, опубликованные в рубрике «Круглый стол») // От оттепели до застоя. С. 80 (Первую публикацию см.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 2). После смерти Шепилова его внук Д. Косырев, с азартом перечисляя «сенсационные» моменты биографии своего деда, среди прочего писал: «А репутация человека, осмелившегося поспорить со Сталиным из-за генетики (выступить против хрущевского протеза – Лысенко)?» (*Косырев Д.* ...И примкнувший к ним Шепилов // Российская газета. 1995. 1 сент. С. 7). Единственным источником насчет «спора» Шепилова со Сталиным, создавшего ему такую «репутацию», являются цитированные выше «ответы на вопросы» (См.: От оттепели до застоя. С. 86–87). Но даже если и эта «дерзость» Шепилова действительно имела место, то она также была, пусть молчаливо, санкционирована его непосредственным начальником, в данном случае А. А. Ждановым, и имела целью отвести гнев «кремлевского горца» от его сына Ю. А. Жданова, формально подчиненного Шепилову, т. е. произошла в рамках все тех же аппаратных «правил игры» (см.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 111). Если – если! – «дерзость» Шепилова действительно имела место, то Сталин придал ей то значение, которое она имела, т. е. ...не придал никакого. Шепилов не был даже формально наказан, а его относительное «понижение» в должности немногим менее чем через четыре месяца произошло по другой причине: по решению Политбюро от 10 июля

1948 г. три управления ЦК ВКП(б) прекратили свое существование. На смену им пришли отделы, один из которых возглавил Шепилов (См.: Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 31).

²⁰ В интересах истины следует уточнить, что в статье, хотя и в слабой, неотчетливой форме присутствовала тенденция занять центристскую позицию борьбы «на два фронта» – с одной стороны, против «отдельных гнилых элементов», которые «пытаются использовать критику и самокритику для всякого рода клеветнических измышлений и антипартийных утверждений», а с другой – против «обывательских, болотных настроений, высказываемых отдельными лицами». О каких именно настроениях шла речь во втором случае, в статье не разъяснялось, но можно предположить, что имелись в виду настроения «партийных обывателей» («болота»), сводившиеся к тому, что, мол, Иосиф Виссарионович был «хороший человек», а его, вот, «несправедливо осудили». Повидимому, именно такие выступления оценивались в статье как «непартийные» (не «антипартийные»!). Впрочем, об их конкретных проявлениях было сказано весьма скупо. Что же касается «отдельных гнилых элементов», тут авторам статьи было где разгуляться: «...Например, на собрании партийной организации одной из научных лабораторий Авилов, Орлов, Нестеров и Щедрин использовали внутрипартийную демократию для выступлений клеветнического характера, направленных против политики партии, ее ленинских основ. Коммунисты партийной организации не проявили должной большевистской воинственной непримиримости к этим антипартийным вылазкам. На партийном собрании Московского областного статистического управления с провокационными, антипартийными заявлениями выступил Л. Ярошенко (ну, разве мог выступить с не провокационными и не антипартийными заявлениями тот, кого «сам» Сталин осудил в своем «бессмертном классическом труде», – кстати сказать, подвергнутому критике в речи Микояна с трибуны XX съезда – «Экономические проблемы социализма в СССР»? – М.Ч.). Подобные выступления являются перепевом с чужого голоса, повторением избитых клеветнических измышлений зарубежной реакционной пропаганды».

²¹ Опубликованные источники и литература не дают возможности утверждать со всей определенностью, в какие именно дни апреля Микоян находился в Китае, точнее – находился ли он там до 6 апреля. 8 апреля в «Правде» было опубликовано советско-китайское коммюнике, в котором говорилось, что А. Микоян и Ш. Рашидов находились в Китае 6 и 7 апреля. Об их отъезде (как, впрочем, и об их приезде) ничего не сообщалось. Бросается в глаза, однако, удивительная синхронность: 5 апреля в «Правде» публикуется статья «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму», в «Жэньминь жибао» – статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», а через день, 7 апреля, ее перевод («с некоторыми сокращения-

ми») печатается в «Правде». Но в работах советских авторов 70 – начала 80-х годов совершенно определенно признавалось, что в ходе бесед Мао Цзэдуна и Микояна обсуждались вовсе не торгово-экономические отношения между КНР и СССР, которым было посвящено советско-китайское коммюнике, а пресловутый «вопрос о Сталине» (См.: *Борисов О.Б., Колосков Б.Т.* Советско-китайские отношения. 1945–1977. М., 1977. 2-е изд., доп. С. 75; *Борисов О.* Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуна). М., 1981. С. 56–57). Маловероятно, чтобы руководство КПК, получив «секретный» доклад и обсудив его, решилось поставить руководство КПСС перед свершившимся фактом, публикуя статью «Об историческом опыте...», – более вероятно предположить, что «обсуждение данного вопроса на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК» состоялось либо с участием Микояна, либо после бесед между ним и Мао Цзэдуном; в обоих случаях напрашивается вывод о присутствии Микояна в КНР до 5 апреля и о том, что основное содержание статьи было известно ему до ее публикации. Если данный вывод все же неверен, то из этого следует только одно: Микоян и Рашидов 6–7 апреля играли в Пекине жалко-унизительную роль, упрашивая китайских руководителей не наращивать пропаганду своей особой позиции и суля за это щедрую экономическую помощь.

²² *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. С. 453–454.

²³ Полный текст статьи на русском языке см.: Народный Китай. 1956. № 10. С. 3–11.

²⁴ См.: *Борисов О.* Из истории советско-китайских отношений... С. 56–57.

²⁵ [*Шепилов Д. Т.*] Ленинизм – победоносное знамя современной эпохи. Доклад... на торжественном заседании в Москве, посвященном 86-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина // «Правда». 1956. 23 апр.

²⁶ *Micunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 54. Согласно редакционному предисловию, дневник югославского посла в Москве публиковался «в аутентичной форме, как он и [был] написан в 1956–1958 гг., с сокращениями, которые произвел сам автор» (S. 12). Сам В. Мичунович в авторском примечании также заверил читателей: «Редактирование этого материала сводилось к сокращению текста, написанного двадцать лет назад» (S. 13). При этом не было, однако, уточнено, имели ли сокращения характер смысловых изменений.

²⁷ *Ibid.* S. 54–55.

²⁸ *Ibid.* S. 55.

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibidem.*

³² См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 147–151.

³³ Там же. С. 153.

³⁴ Правда. 1956. 15 мая. Такой версии был вынужден придерживаться и председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов, которому в ходе расследования обстоятельств смерти Фадеева стали известны факты, по существу, этой версии противоречащие. В своей записке в ЦК КПСС от 22 мая 1956 г. он, в частности, отмечал: «Допрошенный гражданин ЧЕРНОБАЙ К:С., работающий в течение 10 лет сторожем на даче у ФАДЕЕВА, рассказал, что, примерно, за два часа до самоубийства ФАДЕЕВ разговаривал с ним по вопросу устройства приусадебного участка и обещал ему достать в «Литфонде» машину для доставки удобрений. Затем они пошли с ФАДЕЕВЫМ в столовую, где ЧЕРНОБАЙ выпил 100 гр. водки, а ФАДЕЕВ съел простоквашу». Заключительный абзац записки, однако, характерен своей изначальной заданностью: «На основании материалов следствия можно прийти к выводу, что самоубийство ФАДЕЕВА является результатом расстройства нервной системы, нарушенной длительным злоупотреблением алкоголя, и общего болезненного состояния» (См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 152–153).

³⁵ *Бюффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. С. 611.

³⁶ См.: Источник. 1995. № 2. С. 143.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Ср.: Источник. 1995. № 2. С. 143–156; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145–151, 158.

³⁹ См.: Источник. 1995. N.2. С.156–159.

⁴⁰ По-видимому, именно эти тезисы были положены в основу постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Отрывок из него см. на с. 69–70 сколь сенсационной, столь же слабо аргументированной книги С. Берия «Мой отец – Лаврентий Берия» (М., 1994). Обрывая цитату на предложении: «Грубые нарушения советской законности, допущенные по отношению к бывшим военнопленным, имели место в результате прежде всего деятельности Берия, Абакумова и их сообщников, насаждавших массовый произвол и репрессии», – автор пишет: «Еще одна ложь. Инициаторами репрессий против семей бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в плену, были партийные органы. На принятии соответствующего закона настаивали Щербаков, Хрущев, Маленков. Сталин пошел навстречу требованиям партийной верхушки (?! – М. Ч.) и дал согласие» (С. 70). И т. д. Комментарии излишни. В данном случае существенно, однако, другое – д а т а принятия цитированного документа. Скорее всего, он должен был явиться составной частью «пакета» решений тщательно готовившегося, но так и не состоявшегося пленума ЦК КПСС.

⁴¹ См.: Источник. 1993. №.0. С. 24.

⁴² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132.

⁴³ См.: Там же. 1990. № 10. С. 154–155. Письма Фадеева в ЦК КПСС предполагалось опубликовать в последующих номерах журнала «Известия ЦК КПСС», что не было сделано.

⁴⁴ И. Броз Тито и сопровождающие его лица находились с официальным визитом в Советском Союзе с 1 по 23 июня 1956 г.

⁴⁵ В своем докладе «Борьба коммунистов Югославии за социалистическую демократию» на VI съезде КПЮ (СКЮ) 3 ноября 1952 г. И. Броз Тито, в частности, говорил: «...Давно уже СССР в своем внутреннем развитии сошел с социалистического [пути] развития на путь государственного капитализма с до сих пор невиданной бюрократической системой. Бюрократизм в СССР стал самоцелью. Он все больше и больше превращается в эксплуататорскую силу, которая ставит себя над обществом, которая не только тормозит всякое дальнейшее развитие революции и революционной мысли, но также постепенно ликвидирует завоевания Октябрьской революции и все больше приобретает контрреволюционный характер.

...Руководители СССР болтают уже о переходе к коммунизму, а на фабриках работают наемные работники без права на управление и с заработками, недостаточными для минимального – не говоря уже о культурном, – уровня жизни. Они говорят, что социализм уже построен и что идут к коммунизму, а миллионы советских граждан томятся в лагерях смерти и принудительного труда, миллионы людей нерусских наций не имеют своих прав, расселяются в сибирской тайге и там уничтожаются... Какая ирония и какие представления о коммунизме! Если это там является коммунизмом, тогда только можно сказать, что это сталинско-бюрократический коммунизм». (См.: Šesti kongres Komunističke partije Jugoslavije (Saveza komunista Jugoslavije). Zagreb, 2–7. novembar 1952 godine. Stenografske beleške. В.м., б.г., S. 40).

⁴⁶ См.: Правда. 1956. 29 мая. 3 июня.

В данном случае, скорее всего, произошло сочетание и совпадение во времени инициативы Тольятти в направлении взаимного ознакомления и обмена опытом между итальянскими и югославскими коммунистами и «поручения» ему со стороны руководства КПСС, заключавшегося в том, чтобы разведать настроения югославы непосредственно перед визитом Тито в Москву. Тольятти дал югославским руководителям сигнал о своем желании установить с ними хотя бы неофициальные контакты еще в своем информационном докладе о XX съезде КПСС на пленуме ЦК ИКП 13 марта 1956 г. (См.: *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. М., 1965. Т. 1 (1923 год–октябрь 1956 года). С. 901). 1 мая 1956 г. в газете «Унита» (и, вероятно, тогда же или примерно в это же время в газете «Борба») были опубликованы ответы генерального секретаря ИКП на вопросы римского корреспондента «Борбы» Ф. Барбьери об «итальянском пути к социализ-

му». Заканчивалось это интервью весьма примечательно: «...Пример Югославии, оставшейся на пути строительства социализма, несмотря на тяжелые события последних лет, имеет для нас значительную ценность и ставит перед нами задачу познать и изучить его глубже» (См.: Там же. С. 919).

⁴⁷ Правда. 1956. 31 мая.

⁴⁸ Формально Шепилов был «освобожден от обязанностей» секретаря ЦК только на пленуме ЦК 24 декабря 1956 г., затем – в связи со снятием в феврале 1957 г. с должности министра иностранных дел – вновь избран секретарем ЦК и пробыл им до 29 июня 1957 г., когда опять был «освобожден от обязанностей» за то, что «примкнул» к «антипартийной группе».

⁴⁹ Соответствующее решение о снятии Молотова с должности министра иностранных дел при сохранении за ним поста первого заместителя председателя Совета министров СССР и о назначении на должность министра иностранных дел Шепилова было опубликовано в «Правде» 2 июня.

⁵⁰ По-видимому, не понимая, что за период с июня 1956 по февраль 1957 г. Шепилов не мог органически вжиться в роль главы советской дипломатии, что все без исключения сотрудники МИД смотрели на него как на назначенца из ЦК и что рисуемый портрет выглядит попросту пошло, Д. Косырев писал: «На посту министра иностранных дел он был месяцев восемь... Но до сих пор ветераны дипломатии говорят, что более яркой и крупной личности в кабинете на Смоленской не было. Высоченного роста, куривший гаванские сигары и оставлявший в коридоре шлейф аромата не существующих больше мужских духов “Табак Рокэн”, он не только сводил с ума секретарш и машинисток. Шепилов создал основы послесталинской дипломатии...» (См.: *Косырев Д. ...И примкнувший к ним Шепилов // Российская газета. 1995. 1 сент. С. 7*). Что касается «основ послесталинской дипломатии» (не путать с внешней политикой!), то, по свидетельству ветерана протокольной службы МИД СССР В.В. Карягина, «в середине 50-х годов во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН американские газеты примерно так язвили по поводу одежды тогдашнего кратковременного советского министра иностранных дел Д.Т. Шепилова: “До сих пор еще ни один джентльмен не появлялся на заседании сессии в коричневом костюме”». (См.: *Карягин В. Вид с одиннадцатого этажа // Международная жизнь. 1990. № 6. С. 77*).

⁵¹ Правда. 1956. 3 июля.

⁵² См.: Congressional Record. Vol. 102. P. 7. P. 9389.

⁵³ См.: *Пихоя Р. Бомба под диктатуру пролетариата. Как ЦК КПСС задавал политическую оппозицию самому себе // Российская газета. 1996. 15 марта. С. 28*. Вряд ли Брежнев сам написал слова от точки с запятой до конца цитаты, так как, по свидетельству Бурлацкого он «очень не любил читать и уж совершенно не мог писать» (См.: *Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники.*

С. 291), – но несомненно, что в них в завуалированном виде было изложено его кредо.

⁵⁴ См.: *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. С. 207.

⁵⁵ Отклик посла Югославии в СССР В. Мичуновича см.: *Micunović V. Moskvske godine 1956/1958.* S. 95.

⁵⁶ *Пихоя Р.* Бомба под диктатуру пролетариата... // Российская газета. 1996. 15 марта. С. 28.

⁵⁷ *Micunović V. Moskvske godine 1956/1958.* S. 92. О том, какому «идеологическому» прессингу (а если называть вещи своими именами, то шантажу) подверглась делегация СКЮ в ходе переговоров, поведал не кто иной, как сам Хрущев в своей речи на VII съезде Болгарской коммунистической партии 3 июня 1958 г. «Говоря о наших разногласиях, я тогда обратил внимание т. Тито на необходимость более глубоко (sic!) анализировать события и наши взаимоотношения, правильно (sic!) подойти к оценке положения, которое создалось, чтобы быстрее добиться единства взглядов на принципиальной (sic!) основе. Я напомнил при этом известное образное выражение: "Вся рота идет в ногу, а один солдат идет не в ногу" и спросил, кто должен пристраиваться – рота к солдату или солдат к роте? (Оживление в зале). Присутствующий при этой беседе Коча Попович задал вопрос: – А кто рота и кто солдат? Я на эту реплику ответил: – Вы сами подумайте – кто рота и кто солдат. – Во всяком случае, – сказал я, – каждому солдату известно, что рота есть рота, а солдат является лишь частицей этой роты и поэтому не рота пристраивается к солдату, а наоборот (Оживление в зале. Аплодисменты). Если вы стоите на другой позиции, то скажите прямо, что вы не солдат этой коммунистической роты, которая идет дружно в ногу, руководствуясь марксизмом-ленинизмом» (Продолжительные аплодисменты.)» См.: Седьмой съезд Болгарской коммунистической партии. Доклады, решения, речи. София, 1958. С. 320.

Ну, никак не хотели понять эти упрямые югославы «глубокие» и «правильные» «принципы» выдаваемой за «марксизм-ленинизм» идеологии, которой руководствовался Хрущев и из которой явственно выпирало его стремление не только и далее быть командиром «коммунистической роты», но и распространить свою командирскую власть на СКЮ и Югославию!

⁵⁸ *Комунист (Београд).* 1956. бр. 6–7. С. 382.

⁵⁹ *Micunović V. Moskvske godine 1956/1958.* S. 93.

⁶⁰ См.: *Дьердь И.* Через призму Пекина. М., 1975. С. 12.

⁶¹ *Правда.* 1956. 27 июня.

⁶² Нельзя согласиться с утверждением, что примечание было «довольно нейтральным» и что содержащаяся в нем формулировка «не опровергала, а скорее подтверждала подлинность этого документа» (см.: *Аксютин Ю.В., Во-*

лобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. С. 208), – дело обстояло как раз наоборот.

Лишь через два с половиной года, да и то в статье, предназначенной только для итальянской аудитории, Тольятти, упомянув («о документе, опубликованном государственным департаментом 4 июня 1956 года»), без обиняков заявил: «Это, как все знают, документ XX съезда Коммунистической партии Советского Союза...» (См.: *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. Т. II. С. 218). Для лидера итальянских коммунистов, все более дистанцировавшегося от КПСС, вопрос о культе личности и социалистической демократии неизменно оставался главнейшим. В 1962 г. в предисловии к сборнику своих важнейших речей и статей за 1956–1961 гг. «Проблемы международного рабочего движения» Тольятти писал: «Правильно объединить эти два момента, т. е. столь серьезную критику (деятельности Сталина.– М.Ч.) и одновременно обоснование постоянно демократического и социалистического характера советского общества, – именно в этом заключается вопрос, который стоит перед борцами рабочего класса, коммунистами и социалистами, и на который следует дать последовательный, убедительный и правильный ответ...» (Цит. по: *Феррара М.* Тольятти о проблемах рабочего движения // Проблемы мира и социализма. 1962. № 12. С. 81). Но при всем самом искреннем стремлении Тольятти сделать это, ему не удалось дать убедительный ответ на вопрос о том, как соединить несоединимое, и в августе 1964 г. в своей знаменитой памятной записке, предназначавшейся Хрущеву, он осторожно, с оговорками, но все же счел себя обязанным написать: «Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, – это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, – является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным. Не во всех социалистических странах наблюдается в этом смысле одинаковая картина. Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам... Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие, в особенности учитывая современные условия... Мы всегда исходили из мысли, что социализм – это такой строй, где существует самая широкая свобода для рабочих, которые участвуют на деле, организованным путем, в руководстве всей общественной жизнью... В самом деле, мы считаем вредным для всего движения те факты, которые подчас показывают нам обратное» (См.: Памятная записка Пальмиро Тольятти // Правда. 1964. 10 сент).

⁶³ Эта вставка начинается после слов: «...Сторонники "холодной войны" стараются активизировать действия осужденной народами всего мира "холодной войны"». Приведем полностью ее:

«Об этом говорит решение американского сената о дополнительном ассигновании 25 млн. долларов на подрывную деятельность, которая цинично

именуется "поощрением свободы" за "железным занавесом". Мы должны трезво оценить этот факт и сделать из него соответствующие выводы. Ясно, например, что антинародные выступления в Познани оплачены из этого источника. Однако у провокаторов и диверсантов, оплаченных из заокеанских денежных фондов, хватило духу только на несколько часов. Трудящиеся Познани дали отпор вражеским вылазкам и провокациям. Провалились планы темных рыцарей "плаща и кинжала", провалилась их гнусная провокация против народной власти в Польше. Так будут проваливаться и впредь подрывные действия в странах народной демократии, хотя подобные действия и щедро оплачиваются из сумм, ассигнуемых американскими монополиями. Можно сказать, что это впустую затраченные деньги. Все это свидетельствует о том, что нельзя допускать беспечность в отношении новых происков империалистической агентуры, стремящейся проникнуть в социалистические страны, чтобы вредить и подрывать достижения трудящихся» (См.: КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 128).

⁶⁴ См.: *Литошко Е.* Темные дела поборников «холодной войны» // Правда. 1956. 8 июля; Тщетные надежды господина Даллеса // Правда. 15 июня.

⁶⁵ См.: *Пихоя Р.* Бомба под диктатуру пролетариата... // Российская газета. 1996. 15 марта. С. 28.

⁶⁶ *Micunović V.* Moskvske godine 1956/1958 S. 96.

⁶⁷ *Ibid.* S. 95.

⁶⁸ Мичунович имеет в виду цитату из статьи «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», приведенную в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. (См.: КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 124).

⁶⁹ *Micunović V.* Moskvske godine 1956/1958. S. 95–96.

⁷⁰ *Ibid.* S. 95. В этой связи заслуживает быть отмеченным, что в докладе первого секретаря ЦК Албанской партии труда Э. Ходжи на III съезде партии (25 мая – 3 июня 1956 г.) имелись довольно многочисленные ссылки на XX съезд КПСС и отчетный доклад Хрущева на нем, но они имели характер вставок, сделанных на заключительной стадии подготовки текста, и легко могли быть изъяты в последующих публикациях без ущерба для основного содержания доклада (См.: Материалы III съезда Албанской партии труда. М., 1957. С. 4, 5, 8, 9, 13, 14, 16–18, 23, 28, 123–124, 129–130, 133, 150, 153, 155). Аналогичной была ситуация со всеми упоминаниями о «югославском вопросе» (см.: Там же, С. 10, 12–13, 29, 30–32, 39). Сложнее обстоит дело с заключительным разделом третьей части доклада Ходжи, озаглавленным «Куль личности и его отрицательные последствия, а также некоторые другие вопросы» (См.: Там же. С. 158–173), – в нем имелись места, перекликавшиеся с соответствующими пассажами не только из резолюции XX съезда КПСС (См.: Там же. С. 158), но и из «секретного» доклада Хрущева (ср.: Материалы III съезда Албанской партии труда. С. 159–161; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128, 137, 145, 148,

154, 155, 160, 160, 161, 162, 163, 165). Большая часть этого раздела изначально также была обречена, в случае публикации доклада в изменившейся обстановке, стать жертвой редакторского карандаша. Однако и здесь Ходжа гнул свою линию: «Справедливо наша партия и наш народ подчеркивали и подчеркивают, что Советский Союз и славная Коммунистическая партия, основанная великим Лениным, являются решающими факторами освобождения нашего народа, поэтому любовь нашей партии и албанского народа к ним будет вечной и нерушимой (Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Делегаты встают.). Но (внимание! – М.Ч.) мы теперь хорошо понимаем роль и место, которое должен занимать товарищ Сталин в строительстве социализма и коммунизма в Советском Союзе, а также роль, которую он сыграл в помощи Советского Союза в освобождении нашей страны. Такое правильное, марксистско-ленинское понимание этого важнейшего (sic!) вопроса стало ясным для нас благодаря XX съезду Коммунистической партии Советского Союза». (См.: Материалы III съезда Албанской партии труда. С. 162). Compliment XX съезду КПСС, что и говорить, более чем двусмысленный. И уж абсолютно никаких сомнений не оставил Ходжа в отношении собственной «непогрешимости»: «Наша марксистско-ленинская партия не ошиблась (неправильный перевод, следовало употребить глагол несовершенного вида: «не ошибалась». – М.Ч.) «благодаря правильному руководству Центрального Комитета, потому что она всегда была сплоченной, во всем и всегда руководствовалась высокими интересами нашего народа и выработывала свою генеральную линию на основе опыта славной Коммунистической партии Советского Союза, чья ленинская политика всегда была и будет правильной, несмотря на имевшие место в деятельности И.В. Сталина большие ошибки» (Продолжительные аплодисменты. Делегаты встают.)» (См.: Там же. С. 172).

⁷¹ *Micunović V. Moskvske godine 1956/1958. S. 96.*

⁷² *Ibid. S. 97.*

⁷³ *Ibid. S. 96.* О сотрудничестве с социал-демократами в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. не могло быть речи, так как еще 7 апреля 1956 г. в Лондоне Бюро Социалистического Интернационала приняло заявление «Социализм и коммунизм», в котором была дана достойная отповедь заигрываниям с социал-демократией в отчетном докладе Хрущева на XX съезде КПСС и где, в частности, говорилось:

«Отречение от Сталина тех, кто – в страхе за свои жизни или в качестве прямых соучастников, – прежде содействовал преступлениям Сталина и превозносил его беззакония, не изменило основной характер коммунистического режима. Даже с коллективным руководством он по-прежнему остается диктатурой, и то, что они теперь называют "ленинизмом", является не чем иным, как более ранним изданием лжеконцепций и лжеидей сталинизма... Там, где социалистические партии в контролируемой русскими

части мира сотрудничали с ними (коммунистами. – М.Ч.), они были подавлены в [самом] своем существовании, насильственно слиты или иным образом устранены безжалостными методами диктатуры, которая издевательски называет себя народной демократией. И мы не можем забыть, что социалистам в странах советского блока отказали во всех политических правах и что в тюрьмах все еще находятся многие из тех, чьим единственным преступлением было убеждение, что существует больше путей к социализму, чем один. Поэтому Совет Социалистического Интернационала уже заявил, что недавние изменения коммунистической тактики не создают основания для отступления от позиции, занятой демократическим социализмом, который неизменно отвергает всякий единый фронт и всякую иную форму политического сотрудничества с партиями диктатуры». Полный текст заявления см.: Socialist International Information. Vol. VI. № 15. 14 April 1956. P. 249–250.

⁷⁴ Характерное проявление этой «творческой жизни» партии наглядно показал в одном из своих рассказов из цикла «Районные будни», кстати сказать, опубликованном в 1953 г. на страницах той же «Правды», писатель В.В. Овечкин: «После перерыва, несмотря на предупреждение Мартынова, первым выступил оратор именно из таких, с мозолями на языке, Коробкин, заведующий отделом райисполкома по сельскому строительству. Без пламенных речей Коробкина в районе не обходилось ни одно собрание (разрядка моя. – М.Ч.). Долговязый, в длинном черном драповом пальто, с высоким (за счет лысины) лбом, грозно размахивая руками над столиком для тезисов, он выкрикивал каждую фразу, как лозунг на площади перед многотысячной толпой. От его голоса вздрагивали и позвякивали стекляшки на люстре под потолком.

– Товарищи! Корма – это основа животноводства. Но некоторые товарищи упорно не желают этого понять, преступно недооценивают заготовку кормов для животноводства!..

Вол – это, товарищи, рабочее тягло! Рабочее тягло нужно беречь!..

Свинья дает нам, товарищи, мясо, сало, кожу, щетину! Свинья очень полезное животное! А как мы относимся к свиньям? По-свински, товарищи!..

Животноводство, товарищи, нуждается в теплых благоустроенных помещениях. Корова, товарищи, в тепле и чистоте дает больше молока, чем на холоде, в грязи! А некоторые председатели колхозов недооценивают строительство коровников!..

Переходя к массово-политической работе с колхозниками, я должен здесь, товарищи, со всей прямотой сказать, что мы плохо работаем с колхозниками!..

Стенная газета, товарищи, – это печать. А печать – это острейшее оружие нашей партии. Но во всех ли колхозах у нас выпускаются стенные газеты? Нет, товарищи, не во всех колхозах у нас выпускаются стенные газеты!..

Мартынов морщился, как от сильной головной боли.

– Это же нужно уметь, – просипел он на ухо сидевшему рядом с ним Руденко, – десять минут болтать и ни слова путного не сказать!..

В зале зашумели:

– Зачем выходил на трибуну, товарищ Коробкин? Что ты сказал нам полезного? Что свинья дает сало! А корова молоко! Просили же по делу выступать, а не отнимать зря время у нас!

Мартынов постучал карандашом по столу:

– Кто следующий? Минут пять длилось тягостное молчание. Никто не просил слова. Казалось, действительно на этом и придется закрыть собрание». (См.: *Овечкин В.* Районные будни. М., 1987. С. 110–111).

⁷⁵ Статья представляла собой «творческое развитие» следующего утверждения из постановления от 30 июня 1956 г.: «Вся внутренняя и внешняя политика Советского государства говорит о том, что наш строй – подлинно демократический, подлинно народный строй» (См.: КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 123).

⁷⁶ См. фотографию машинописной страницы воспоминаний Хрущева на обороте листа, помещенного рядом со с. 257 в книге Ф.М. Бурлацкого «Вожди и советники».

⁷⁷ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 7 (М., 1972). С. 512.

⁷⁸ В 19 лет (1907 г.) – секретарь делегации США на 2-й Гаагской конференции мира;

в 29 лет (1917 г.) – специальный представитель государственного департамента США в Центральной Америке;

в 31 год (1919–1920 гг.) – юридический советник делегации США на Парижской мирной конференции, член Комитета по репарациям и Верховного экономического совета;

в 36 лет (1924 г.) – участник разработки плана Дауэса;

в 39 лет (1927 г.) – глава экономической миссии США в Польше;

в 45 лет (1933 г.) – наблюдатель от США на Всеобщей конференции по разоружению 1932–1934 гг. и Лондонской экономической конференции;

в 50 лет (1938 г.) – специальный представитель президента США на Дальнем Востоке;

в 56 лет (194–1950 гг.) – главный внешнеполитический эксперт республиканской партии США; член делегации США на Сан-Францисской конференции 1945 г., сессиях Генеральной ассамблеи ООН (1946–1948, 1950 гг.); советник государственного секретаря США на сессиях Совета министров иностранных дел;

в 62 года – консультант государственного секретаря США (1950 и 1952 гг.) и специальный представитель президента США в ранге посла (1950–1951 гг.), вел переговоры о заключении мирного договора с Японией и воен-

951 гг.), вел переговоры о заключении мирного договора с Японией и военных соглашений с Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами и Японией;

в 65 лет (1953–1959 гг.) – государственный секретарь США;

в 71 год (январь – апрель 1959 г., после ухода вследствие тяжелой болезни в отставку с поста главы американской дипломатии) – специальный консультант при президенте США (См.: *Дипломатический словарь*. В 3-х т. М., 1984. Т. 1. С. 281.)

24 мая 1959 г. Дж.Ф. Даллес скончался. «26 и 27 мая закрытый гроб с его телом находился в Бетлехемской церкви в Вашингтоне. Здесь побывали члены дипломатического корпуса. На похоронах на Арлингтонском кладбище присутствовали представители многих стран, в том числе прилетевшие из Женевы министры иностранных дел СССР, Великобритании и Франции» (См.: *Меньшиков М.А.* Вашингтон, 16-я улица. Из записок советского посла. М., 1986. С. 114).

⁷⁹ Ср.: *Дипломатический словарь*. М., 1986. Т. II. С. 237; Т. I. С. 231.

⁸⁰ См.: *Усачев И.Г.* Джон Фостер Даллес. Политический миф и реальность. М., 1990. С. 113–14.

⁸¹ См.: *Грайнер Б., Штайнгаус К.* На пути к 3-й мировой войне? Военные планы США против СССР. Документы. М., 1982. С. 95 (В соответствии с присущим «советскому» мышлению понятийным аппаратом в цитируемом источнике английское «Soviet Power» или немецкое «Sowjetmacht» было без какой-либо тени сомнения относительно того, что мог (и должен был!) быть иной перевод, переведено как «Советская власть».)

⁸² См.: *Амброз С.* Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 242.

⁸³ См.: Там же.

⁸⁴ См.: *Яковлев Н.Н.* Силуэты Вашингтона. Политические очерки. М., 1983. С. 161.

⁸⁵ См.: *Амброз С.* Эйзенхауэр... С. 242.

⁸⁶ См.: Там же. С. 240.

⁸⁷ См.: Там же.

⁸⁸ См.: *Яковлев Н.Н.* Силуэты Вашингтона. С. 162.

⁸⁹ См.: *Амброз С.* Эйзенхауэр... С. 241–242.

⁹⁰ См.: Там же. С. 254.

⁹¹ См.: *Мельников Ю.М.* От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974. С. 163.

⁹² См.: *Амброз С.* Эйзенхауэр... С. 255.

⁹³ См.: Там же. С. 254–255.

⁹⁴ См.: *Источник*. 1994. № 1. С. 106–111.

⁹⁵ См.: *Яковлев Н.Н.* Силуэты Вашингтона. С. 170–171. Утверждение кандидатуры Болена на должность посла США в Москве происходило весной 1953 г. (Там же. С. 165), так что описанная сцена, вероятно, имела место после

10 июля 1953 г., когда в «Правде» было опубликовано «информационное сообщение» о пленуме ЦК КПСС, принявшем решение о выводе Л.П. Берия из ЦК КПСС и исключении его из рядов КПСС. В том же номере «Правды» была опубликована информация Президиума Верховного Совета СССР о снятии Л.П. Берия с постов первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел СССР, а также о передаче дела о преступных действиях Л.П. Берия на рассмотрение Верховного суда СССР (См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 200). А в постановлении пленума ЦК КПСС от 7 июля 1953 г. «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия», текст которого рассылался в виде закрытого письма ЦК по партийным организациям (оно могло быть известно Дж.Ф. Даллесу и неизвестно Ч. Болену), было черным по белому написано: «Пленум Центрального Комитета КПСС считает установленным, что Берия потерял облик коммуниста, превратившись в буржуазного перерожденца, и на деле стал агентом международного империализма, вынашивал планы захвата руководства партией и государством в целях фактического разрушения нашей Коммунистической партии и замены политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма» (Там же. С. 205). Нет слов: решив дать бой Берии, Хрущев и Маленков оказались перед сложнейшей задачей, так что у Дж.Ф. Даллеса были все основания прогнозировать, что в Советском Союзе «вспыхнет кровавая борьба за власть, которая может привести к падению советского режима».

⁹⁶ См.: *Меньшиков М.А.* Вашингтон, 16-я улица. С. 39–40.

⁹⁷ См.: Department of State Bulletin. № 891. July 23. 1956. P. 145. При цитировании вопросов журналистов и ответов Дж.Ф. Даллеса на них на данной пресс-конференции страницы журнала указываются в тексте статьи.

⁹⁸ Дж.Ф. Даллес имеет в виду Женевское совещание глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, состоявшееся 18–23 июля 1955 г. и выступление на нем президента США Д. Эйзенхауэра, который взял слово первым. Упомянув о германском вопросе, он, в частности, сказал: «В более широком плане имеется проблема уважения права народов избирать свою форму правления и восстановления суверенных прав и самоуправления для тех, кто был лишен их. Американский народ убежден, что некоторые народы Восточной Европы, многие из которых имеют длительную славную историю национального существования, еще не получили возможности воспользоваться благами нашей декларации Объединенных наций военного времени, подкрепленной другими соглашениями военного времени. Имеется проблема общения и духовного контакта между нашими народами... Имеется проблема «международного коммунизма». Его деятельность в течение 38 лет (т.е. с 1917 г. – М.Ч.) нарушает отношения между Советским Союзом и другими народами. Его деятельность не ограничена усилиями действовать путем убеждения. Он

пытается во всем мире подорвать законные правительства и подвергнуть (правильно: подчинить – *М.Ч.*) народы иноземному господству. Мы не можем игнорировать недоверие, которое создается поддержкой такой деятельности. В моей стране, как и в других, она способствует недоверию и, следовательно, международной напряженности. Наконец, имеется перекрывающая все проблема вооружений...» (См.: Заявление Президента США Д. Эйзенхауэра // Правда. 1955. 19 июля). По оценке биографа американского президента С. Амброза, Эйзенхауэр в цитированном заявлении «занял крайне жесткую позицию, которая... исключала всякий компромисс и... не отвечала "духу Женевы"... Эйзенхауэр знал, что шансы получить ответ Советов на любое из этих требований равнялись нулю» (См.: Амброз С. Эйзенхауэр... С. 360–361). В своем заявлении, излагая доктрину «освобождения», Эйзенхауэр имел в виду подписанную в Вашингтоне 1 января 1942 г. представителями 26-ти государств Декларацию Объединенных Наций, в которой содержалась ссылка на известную Атлантическую хартию, заключенную Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 14 августа 1941 г. 3-й пункт этой хартии гласил: «Они (США и Великобритания. – *М.Ч.*) уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» (См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года. С. 44. Советский Союз присоединился к Атлантической хартии еще до подписания Декларации Объединенных Наций, а именно 24 сентября 1941 г. (См.: Там же. С. 41–43).

⁹⁹ См.: Правда. 1956. 6 июля.

¹⁰⁰ «That would be getting into international affairs to a degree which I prefer not to get into».

¹⁰¹ Выражение «поведение и пример (conduct and example)» было взято Дж.Ф. Даллесом – он сам отметил это – «из такого классического произведения американской политико-правовой мысли, как сборник статей А. Гамильтона (1757–1804), Дж. Мэдисона (1749–1812) и Дж. Джея (1745–1829), объединенных общим заголовком «Федералист» и призванных содействовать агитации в пользу ратификации Конституции США 1787 г. среди избирателей штата Нью-Йорк.

¹⁰² См.: Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. С. 168.

¹⁰³ См.: Меньшиков М.А. Вашингтон, 16-я улица. С. 45.

Хорватское национальное сознание в процессе обретения государственной независимости (1990–1993 гг.)

**(По материалам ведущих
общественно-политических изданий Хорватии)**

Возникновение в Хорватии политического режима авторитарного типа в общем виде связано с особенностями исторической судьбы хорватской нации и уровнем ее политической и социальной зрелости. Оба этих аспекта объясняют причины прихода к власти и популярности в течение длительного периода времени партии Хорватское демократическое сообщество (ХДС) и ее создателя и главы президента Франьо Туджмана, изначально не скрывавших склонности к авторитарным методам управления страной.

Признавая существенную роль исторического фактора, т. е. того обстоятельства, что Хорватия в новое время неизменно входила в состав различных государственных образований авторитарного плана (Австрийская и Австро-Венгерская монархии, Королевство Югославия, СФРЮ), в силу этого не передавших ей прочных и эффективных демократических традиций, и имея в виду также низкий уровень социально-экономического развития, тем не менее подчеркиваем, что становление авторитарного режима обусловлено не только этим. Определенное значение имели те условия, в которых оказалась Хорватия в начале 90-х годов, на первом этапе независимого существования, и некоторые обстоятельства ее политической эволюции в этот период.

Становление хорватской государственности совершалось, как известно, в процессе распада Югославии как многонационального федеративного государства. Возникший при этом кризис коммунистической идеологии, являвшейся основой политической системы СФРЮ, вызвал в Хорватии рост националистических настроений. Долгое время вызревавший национальный подъем охватил к 90-м годам все слои общества – от интеллигенции, в том числе и левой (коммунистической), до малоквалифицированных рабочих и крестьян.

ян. Тот факт, что несмотря на общую неблагоприятную социально-экономическую ситуацию рубежа 80–90-х годов, на первый план вышли проблемы национального статуса хорватов и межэтнических отношений в тогдашней социалистической Хорватии в целом, вопрос о ее месте и роли в Федерации, свидетельствует о значимости этнонационального самоопределения¹.

В 1990 г. впервые за послевоенные десятилетия политические партии и организации Хорватии заявили о государственно-политическом устройстве республики на этнонациональной основе и провозгласили курс на ее суверенитет. Идеологи хорватского национализма, чьи работы появились на страницах таких ведущих общественно-политических изданий, как журнал «Эразмус», еженедельники «Недельна Далмация», «Данас», «Глобус» и др., стремились обосновать исторические права хорватов на национально-этническую самобытность и собственную государственность. Освободившись от идеологического и политического давления Союза коммунистов Югославии (СКЮ), хорватская политическая элита выбрала путь культивирования национальной идеи. Идеология братства и единства южнославянских народов была заменена концепцией этнонационального возрождения и создания самостоятельного государства.

Между тем хорватское общество психологически не было подготовлено к принятию демократических идей, оставаясь в целом приверженным групповым, коллективистским, общенациональным идеалам. Это объясняется, помимо прочего, запоздалой экономической модернизацией общества (только в 50-е годы был взят курс на индустриализацию страны) и тесными связями городского населения с полупатриархальным сельским, сохранившим во многом общинное сознание.

Лозунги этнической солидарности и национального единства, под которыми были проведены первые многопартийные выборы 1990 г., нашли в стране благодатную почву. Наиболее открыто и бескомпромиссно о приверженности национальным интересам заявила созданная в 1989 г. партия Хорватское демократическое сообщество во главе с Ф. Туджманом. Программа и политические лозунги новой партии оказались с легкостью восприняты широкими массами хорватского населения. Использование на предвыборных митингах до тех пор запрещенной национальной символики Хорватии (старого национального флага и герба), а также исполнение гимна,

которое в течение 70 лет находилось под запретом, обеспечили ХДС широчайшую популярность. Она подкреплялась активной поддержкой католической церкви и объяснялась также успешной пропагандой, основанной на резкой критике коммунистов и проводимой ими политики «сербской гегемонии». Сплотив общество вокруг новых национальных идеалов взамен рухнувших коммунистических, ХДС в соперничестве с другими партиями, умело используя общественные настроения и учитывая социальную структуру и политическую культуру общества, с первых шагов на политической сцене стала закладывать фундамент будущего авторитарного правления.

Обращаясь к социальному составу проголосовавших за ХДС в 1990 г. избирателей, нельзя не отметить, что, по данным социологических обследований и опросов, среди них преобладали рабочие разного уровня квалификации, а также служащие низшего и среднего звена (до 80%). Это было население, имевшее начальное и среднее образование (см. Табл. 1 и 2).

Такие социальные слои, по мнению известного хорватского социолога И. Жупаного, являются идеальной почвой для становления авторитарного режима. «Авторитаризм, – пишет он, – это добровольное подчинение людей патриархальному авторитету (все равно, отцу семьи или отцу нации) и преклонение перед иерархией... Корни авторитаризма лежат в аграрном немодернизированном обществе и традициях тоталитарных систем». Не менее благоприятна, по его мнению, для проявлений авторитаризма в современном индустриальном обществе незрелая рабочая Среда, порождающая склонность к «авторитаризму рабочего класса»².

Таблица 1

Род занятий и партийное предпочтение
(в процентах) (по результатам выборов 1990 г.)³

Род занятия:	Партии				
	ХДС	ПКХ-ПДИ	КНС	СПХ	СДП
Рабочие	39	17	23	25	33
сельские жители-- крестьяне	4	4	2	9	8
предприниматели	6	5	2	2	1
служащие	13	14	25	24	26

лица свободных профессий	10	25	19	13	10
военные	3	3	5	–	4
домохозяйки	7	8	4	4	7

Условные обозначения: КНС – Коалиция народного согласия; ПКХ–ПДИ – Партия коммунистов Хорватии и Партия демократических изменений; СДП – Сербская демократическая партия; СПХ – Социалистическая партия Хорватии.

Таблица 2

Образование и партийное предпочтение
(в процентах) (по результатам выборов 1990 г.)⁴

Образование	Партии			
	ХДС	КНС	ПКХ	СДП
до 8-го класса	28	20	13	19
профессионально-техническое	16	12	11	12
среднее техническое	39	32	40	47
высшее техническое	9	14	16	19
прочее высшее, научная степень	8	22	20	13

Характерно, что из всех партий, включенных в социологическое исследование, ХДС имеет самый низкий процент избирателей с высшим образованием. Интеллигенция, высшее и среднее чиновничество проголосовали в основном за Коалицию народного согласия (КНС) и партию коммунистов-реформаторов ПКХ–ПДИ. ХДС с самого начала имело социальную и политическую опору в низших и средних слоях общества, прежде всего в наиболее многочисленной рабочей среде.

Для голосовавших за ХДС избирателей наиболее привлекательными в его программе оказались две цели – независимость Хорватии и ее участие в интеграционных западноевропейских процессах, а такие понятия, как индивидуализм и частная инициатива, были полностью проигнорированы. Существенно большая часть избирателей

КНС, состоявшая в основном из представителей интеллигенции и чиновничества, выделила свободу и индивидуализм⁵. Очевидно, что проявившиеся в период выборов 1990 г. особенности культуры электората, соответствующие в общем и целом этапу незавершенной политико-культурной модернизации общества, не только повлияли на их исход, но и сказались на выборе курса дальнейшего развития Хорватии, предопределив в определенной степени и форму государственного устройства на начальном этапе ее независимого развития.

Хорватские политики отмечали, что Хорватское демократическое сообщество представляло собой на первых порах объединение национальной партийной номенклатуры (так, в ее рядах были спикер Скупщины СФРЮ С. Месич, видный партийный функционер И. Манолич и др.) и хорватских эмигрантских кругов, заинтересованных в выгодном размещении своего капитала в республике (назовем, например, бизнесмена из Канады Г. Шушака)⁶.

Председатель партии Ф. Туджман много лет занимал высокие военные посты в послевоенной Югославии. Являясь участником партизанского движения и соратником И. Броза Тито, Туджман был в свое время одним из самых молодых югославских генералов. После выхода в отставку в 60-е годы руководил Институтом истории рабочего движения, в 70-е – встал на сторону движения за расширение экономических и политических прав Хорватии, зародившегося в недрах СКЮ. Движение, получившее название «хорватской весны», выступало не только за расширение самостоятельности Хорватии, но и за сохранение ее национально-культурной самобытности, прежде всего языковой. В 1971 г. федеральное руководство обвинило участников движения в национализме. Ф. Туджман был смещен с занимаемых должностей и дважды подвергся репрессии (в 1972 и 1981 гг.). После выхода из заключения Туджман, не утративший связь с хорватской коммунистической политической элитой, становится своего рода связующей нитью между ней и национальной диаспорой в Северной Америке и Австралии. Последняя на всем протяжении своего существования являлась оплотом хорватского национализма, сохраняя все формы общественной жизни Хорватии (печатные органы, организации, клубы и т. п.), а также используя зародившуюся в средние века государственную символику. Для хорватских партийно-коммунистических деятелей, вступивших в новую партию, ХДС, присутствие в ней представителей эмигрант-

ских и диссидентских кругов служило признаком, свидетельствующим о непрерывности курса национального политического самоопределения⁷.

Вторая по популярности партия на выборах 1990 г. – Коалиция народного согласия (КНС) состояла из представителей умеренно левых сил (в Согласие вошли Хорватская христианско-демократическая, Социал-демократическая и Демократическая партии, а также Хорватский социально-либеральный союз). Несмотря на значительное сходство в политических программах ХДС и КНС (обе они декларировали приверженность общедемократическим ценностям и лозунгу защиты национальных интересов Хорватии и хорватов), первая из них в ходе избирательной кампании 1990 г. более решительно настаивала на принципе национального самоопределения вплоть до отделения, которое понималось как право моноэтничной общности на создание собственного государства. В программной декларации Учредительной скупщины ХДС, в частности, отмечалось: «Сообщество решительно стоит на той точке зрения, что отношения в государственном содружестве народов Югославии могут основываться только на последовательном уважении исторических прав хорватского народа, которые в новейшее время подтверждены решениями Антифашистского вече национального освобождения Югославии и Краевым (земельным) вече национального освобождения Хорватии (1942 и 1943 гг.) и указывают на право каждой нации, в том числе и хорватской, на самоопределение вплоть до отделения»⁸. В программных документах КНС возможность отделения упоминается лишь в качестве принципа. Основное внимание уделено там рассмотрению экономического и политического устройства единого конфедеративного государства.

В результате выборов в республиканские скупщины, состоявшихся в 1990 г., во всех республиках СФРЮ, за исключением Сербии и Черногории, к власти пришли некоммунистические национальные партии. Встав у руля правления, сторонники национальной идеи предприняли практические шаги по ее реализации. В то время как лидеры Сербии и Черногории настаивали на сохранении федерации, руководящие круги Словении и Хорватии выдвинули план конфедерации. Последняя должна была представлять собой добровольный союз суверенных государств, объединенных экономическими интересами и единой границей, а также общей целью вклю-

чения в европейские интеграционные процессы. Сербское руководство продолжало отстаивать прежнюю федеративную модель Югославии, утверждая, что все сербы должны жить в одном государстве. Именно это требование осложнило процесс мирного разъединения республик и во многом привело к военному конфликту. Белград, открыто заявивший о поддержке сербов в других республиках и прежде всего в Хорватии, усугубил противоречия между хорватами и сербами, живущими на территории Хорватии, создав у последних уверенность в правомочности их действий по созданию своей независимой республики⁹.

На страницах ведущих хорватских изданий неоднократно отмечалось, что антагонизм между сербским и хорватским политическими движениями выразался в стремлении хорватов к замкнутому этнонациональному государству, а сербов – к сохранению федерации, как формы, обеспечивавшей объединение этнических сербских территорий. Конфликт интересов уходит в прошлое и связан с особенностями расселения сербского и хорватского населения и формирования сербской и хорватской нации¹⁰.

В начале XX столетия Сербия, как считают хорватские историки, добилась успехов в государственном строительстве. Объединив значительные территории в результате балканских войн 1912–1913 гг., она превратилась в сильное государство на юге Европы, а после первой мировой войны стала ядром единой Югославии. В межвоенный период, однако, в ней наблюдалось усиление центробежных тенденций, и сербам пришлось отстаивать свои позиции в борьбе с национальными движениями хорватов и словенцев. Во время второй мировой войны было образовано марионеточное государство Хорватии во главе с вождем движения усташей А. Павеличем. Оно просуществовало с 1941 по 1945 гг. Послевоенное объединение южных славян долгое время казалось прочным и перспективным. Однако за фасадом социалистической федерации скрывались межэтнические противоречия, обусловленные этническими процессами¹¹.

На последнем, кризисном, этапе существования Югославии сербские руководители, согласно утверждениям, не раз появлявшимся на страницах хорватских изданий в начале 90-х годов, обратились к идее «Великой Сербии» (корни ее обнаруживаются в концепции сербского государственного деятеля середины XIX в. И. Гарашанина). Хорватские издания разоблачали планы лидера

коммунистической партии Сербии Слободана Милошевича по созданию крупного славянского государства на Балканах под патронатом Сербии¹². Утверждалось, что С. Милошевич реальными экономическими, а также пропагандистскими мерами подкреплял уверенность сербского населения Хорватии и других республик Югославии в их принадлежности к единому Сербскому государству. Политику С. Милошевича поддержали и Сербская Академия наук и искусств, и сербская православная церковь. Распространившиеся в широких слоях сербского народа представления о его нераздельности, а следовательно, неделимости территории его расселения, значительно усложнили процесс распада СФРЮ¹³.

В период проведения выборов 1990 г. сербское население Хорватии сплотилось вокруг Сербской Демократической партии (СДП). Как утверждали хорватские средства массовой информации, ее лидер Й. Рашкович согласовывал свои действия с сербским политическим руководством в Белграде. Основные требования партии заключались в сохранении федеративного устройства Югославии, а также создании широкой политической и территориальной сербской автономии в Хорватии. В декларации СДП, в частности, отмечалось: «Деление Хорватии по регионам устарело и не отвечает современным требованиям компактного проживания сербской нации. Мы настаиваем на таком административном делении, которое могло бы обеспечить целостность сербских районов республики»¹⁴.

Новое хорватское руководство, судя по всему, уделяло недостаточно внимания проблеме сербского населения республики. Сербам, наравне с другими этническими меньшинствами, предлагалась весьма ограниченная культурная автономия. Это, естественно, подогревало антихорватские и проюгославские настроения у сербов в Хорватии, полагавших, что они имеют не меньшие исторические основания претендовать на земли своего этнического расселения и обладают равными с хорватами правами на самоопределение.

Отметим, что массовое заселение сербами хорватских земель началось в XV–XVI вв., во времена их опустошения турецкими завоевателями. В XV–XVII столетии (1630 г.) сербы и вlahи, заселившие территорию, на которой была создана Хорватско-славонская Военная Граница, заключили договор с властвующей династией австрийского дома Габсбургов (в 1527 г. Сабор Хорватии избрал королем Фердинанда Габсбурга, чем подтвердил присоединение к

австрийскому королевскому дому) о предоставлении им определенного политического статуса и привилегий за службу по защите юго-восточных границ монархии. В дальнейшем Военная Граница превратилась в милитаризированную область, подчинявшуюся непосредственно Вене. После ликвидации Военной Границы и воссоединения с остальной частью Хорватии (в 1881 г.) ее сербское население противилось установлению хорватского государственного суверенитета, хотя и ограниченного Соглашением 1868 г. Многовековое существование Военной Границы как автономной области вне хорватской юрисдикции внесло в политический конфликт конца XX в. исторический аспект¹⁵.

По переписи 1990 г. сербы в Хорватии насчитывали 577 тыс. человек, что составляло примерно 12,2% от общей численности населения республики. Социологические обследования рубежа 80–90-х годов показывали, что большинство сербов, проживавших в Хорватии, в основном на территориях, входивших в состав Военной Границы, не хотели признавать себя ее гражданами в случае выхода республики из состава Федерации. Главная линия размежевания между хорватами и сербами прошла тогда по вопросу о будущей судьбе и возможности реорганизации СФРЮ. В 1990 г. 23% сербов и 6% хорватов, населявших Хорватию, высказались за унитарное Югославское государство; за сохранение федерации были 35% сербов и 7% хорватов; за конфедеративное устройство – 11% сербов и 64% хорватов, а за независимую Хорватию – 15% хорватов и 0,5% сербов¹⁶.

Первые межэтнические столкновения на территории республики происходили уже летом и осенью 1990 г. В период между принятием конституции Хорватии в декабре 1990 г. и решением о провозглашении ее суверенитета в феврале–марте 1991 г. сербы завершили начатый еще летом 1990 г. процесс создания Сербской автономной области (САО) Краины с центром в Книне (Северная Далмация) и второй САО Краина, включившей территории Западной и Восточной Славонии, которые находятся на юго-востоке республики в непосредственной близости от столицы г. Загреба.

В марте 1991 г. делегаты Скупщины общины Книн заявили об окончательном отделении от республики Хорватии и вхождении в состав югославской федерации. Такое же решение приняло Сербское национальное вече Славонии, Барани и Западного Срема. 19 декабря 1991 г. Учредительный съезд сербов провозгласил созда-

ние Республики Сербская Крайна (РСК) и принял ее конституцию. РСК охватывала одну четверть территории Хорватии, в нее вошли области Северной Далмации, восточной Лики, а также Кордун, Банья, вся Западная и часть Восточной Славонии. Книн был объявлен столицей Сербской республики.

Образование РСК являлось по существу ответной мерой на провозглашение в июне 1991 г. независимой Хорватии и ее выход из состава Югославской федерации. Этому предшествовал Майский референдум, на котором уже 94% населявших республику хорватов высказались за отделение от Югославии¹⁷. Как известно, спустя месяц после провозглашения Хорватией независимости, югославское руководство и командование Югославской народной армии (ЮНА) заявили о нарушении прав сербов в Хорватии и ввели войска на территорию республики. Война вышла за рамки внутреннего и ограниченного по масштабам столкновения, превратилась в конфликт длительный и кровопролитный, который вследствие распада СФРЮ стал и межгосударственным.

Военные условия не позволяли независимой Хорватии проявить себя в качестве демократического государства. Иначе говоря, война помешала естественному политическому развитию страны и способствовала возникновению в ней авторитарного режима.

Становление последнего нашло отражение в позиции, занятой проправительственной прессой, т. е. такими изданиями, как «Вечерни лист», «Слободна Далмация», «Вестник» и др. Печать и другие средства массовой информации (СМИ) прибегали к непомерному возвеличиванию государства и его руководителей. Особенно превозносились президент республики Ф. Туджман и хорватское руководство в целом. Президент сравнивался в СМИ не только с такими прославленными деятелями хорватской истории, как А. Старчевич и С. Радич, но даже уподоблялся Моисею, спасшему свой народ¹⁸.

Война и реальная угроза поражения, вызванная тем, что к середине 1991 г. сербы с помощью ЮНА держали под своим контролем треть республики, разруха и общие экономические проблемы в определенной мере сплотили массы хорватского населения вокруг идеи своего самостоятельного государства, сделав ее весьма популярной. В этих условиях президент республики Ф. Туджман приобретает в глазах общества харизматический облик «отца и спасителя нации», а правящая партия ХДС воспринимается не как одна из по-

литических организаций, а как подлинно «общенациональное движение»¹⁹.

Возможность демократического развития в Хорватии оказалась нереализованной не только из-за войны, но и вследствие отмеченных выше особенностей политической культуры. Ценности и приоритеты хорватского населения оставались во многом авторитарно-традиционными. Преобладало стереотипное представление о государстве как об «управляющем и карательном институте», стоящем над обществом и подчиняющем жизнь и деятельность граждан своим интересам²⁰. У значительной части хорватского населения новая власть отождествлялась с осуществлением «многовековой мечты хорватского народа» о своем государстве, что усиливало чувство преданности руководителям страны и обеспечивало лояльность и беспрекословное подчинение им всего общества. Характерным выражением этих настроений представляется следующее высказывание политического обозревателя сплитского еженедельника «Недельна Далмация»: «За небольшой период становления политического самосознания народа в полной мере выявилась и выросла личность президента республики д-ра Франьо Туджмана... Именно сейчас такой политический авторитет и нужен народу как никогда! Его защита – это защита демократии и воли нации»²¹.

В позиции общественно-политических изданий Хорватии начала 90-х годов могло проявляться, впрочем, разное отношение к политическому режиму в стране. Так, главные еженедельные издания – журнал «Данас», газеты «Глобус» и «Недельна Далмация» – существенно различались по своему подходу к происходящим событиям. «Данас», вплоть до закрытия властями в 1994 г., являлся оппозиционным леволиберальным органом печати, пользовавшимся поддержкой интеллигенции умеренной и левой ориентации. Журнал не скрывал своего критического взгляда на политику ХДС. «Глобус» – один из самых популярных еженедельников, занимал в национальном вопросе более правую позицию. Его, по некоторым сведениям, частично финансировала хорватская диаспора США и Канады. В рассчитанном на широкие слои общества «Глобусе» нередко проявлялись склонность к популизму и увлечение сенсациями. «Недельна Далмация», крупное региональное издание, поначалу не занимало какую-то определенную позицию, предоставляя место для публикаций представителям различных партий и направлений. После начала

широкомасштабной войны на территории республики и введенных в связи с этим мер по контролю за средствами массовой информации, еженедельник стал более лояльным к правительству.

Хотя ХДС и президент республики Ф. Туджман пришли к власти законным демократическим путем, условия войны, жестокого межнационального конфликта способствовали переменам, внутреннему перерождению правящей партии и института президентства. Характерно, что в первой партийной программе ХДС 1989 г. не содержится прямых националистических заявлений или требований²². Лишь в отдельных пунктах подчеркивается приверженность партии таким национальным ценностям, как язык и католическое вероисповедание. Однако в дальнейшем, на поднявшемся в Хорватии гребне националистических настроений, ХДС и ее лидер заняли более соответствующую их убеждению позицию, возглавив движение «национального возрождения». Таким образом, обеспечив себе у населения репутацию «общенационального лидера», президент и его партия приобретают практически неограниченные полномочия в сферах законодательной и исполнительной власти.

Левая оппозиция в лице партии коммунистов-реформаторов (СКХ–ПДИ) первой открыто назвала авторитарным стиль правления новой власти. Депутат от СКХ–ПДИ, впоследствии лидер Социал-демократической партии д-р Здравко Томац в еженедельнике «Недельна Далмация» писал: «Любая попытка оспорить какие-либо решения ХДС или любая попытка поиска иных решений, трактуется правительством не только как пустая трата времени, дилетантизм и непонимание исторической ситуации, но и как антихорватская политика... ХДС отождествляет свою партию и политику с “Хорватией” и практически не признает не только оппозицию, но и никакой иной взгляд на способы воплощения в жизнь политических целей и интересов хорватского народа»²³.

Критикуя стремление новой правящей партии занять те же политические и идеологические позиции в обществе, какие имел в свое время Союз коммунистов, М. Яйчинович в журнале «Данас» отмечал: «Новый режим имеет сходные черты с некоторыми, вероятно, самыми отталкивающими сторонами прежнего, в частности, проверкой на политическую благонадежность»²⁴.

Националистические настроения, долго сдерживавшиеся и наконец получившие свободу выражения, смели на некоторое время

все разумные доводы левых и умеренных политических сил. После того как война распространилась не только на Далмацию, Лику и район Кордун–Баньи–Посавины, но и на Западную и Восточную Славонию, произошло резкое смещение вправо позиции всех партий по национальному вопросу вне зависимости от их социально-политической ориентации.

Национальный подъем в стране требовал соответствующего идеологического оформления. Идея о государстве как о символе многовековой мечты хорватского народа легла в основу концепции «духовного обновления». Ключевая роль в ней отводилась также католической церкви.

Последний акцент появился в программе, выдвинутой ХДС, не случайно. Результаты социологических опросов показали, что эта партия в большей мере, чем другие крупные политические объединения, опиралась на электорат с выраженным конфессионально-религиозным сознанием (см. Табл. 3).

Таблица 3

Религиозные убеждения и политические симпатии
(в процентах)²⁵

Отношение к религии	Выбор партии				
	ХДС	КНС	ПКХ	ССХ	СДП
убежденный верующий	48	25	3	-	16
обычный верующий	40	36	12	26	26
неопределившийся	5	6	9	6	11
неверующий	7	22	70	65	37
противник религии	0,4	0,3	7	4	9

Условные обозначения: ССХ – Союз социалистов Хорватии.

Союз с католической церковью означал для президента Ф.Туджмана и ХДС освящение ее авторитетом их действий и решений, а также самого стиля правления. В свою очередь, демонстративная религиозность лидеров ХДС привлекла церковную иерархию Хорватии, и она открыто поддержала Туджмана и его партию на выборах 1990 г.

Придя к власти, ХДС использовала церковь как инструмент для дальнейшего укрепления своих позиций. С 1991 г. католическое вероисповедание практически признается государственным. Это подтверждалось не только участием в официальных церемониях высших церковных иерархов, таких, например, как кардинал Загребский Франьо Кухарич, но и намеренно демонстрируемой религиозностью руководителей государства, в том числе и самого президента. Многие церковные праздники были объявлены государственными и как бы «приватизированы» ХДС²⁶.

Такая политика руководства страны подвергалась критике на страницах немногих оппозиционных изданий. Так, католический священник Л. Винцентич в еженедельнике «Данас», выражая обеспокоенность и несогласие с наметившимися тенденциями, утверждал: «Во времена коммунизма путь в высшие политические сферы пролегал через “разрушение веры”, а сейчас по той же схеме идет “возвышение церкви”, что больше всего мешает тем верующим, которые в тяжелые годы коммунизма были верны своей совести»²⁷.

Проект «духовного обновления», предложенный обществу новой властью, предполагал не только возрождение религиозных ценностей, но и обращение к национальной культуре, усиление патриотических чувств. Важная роль в его осуществлении отводилась средствам массовой информации.

В разгар ожесточенных боев на территории Восточной Славонии за г. Вуковар осенью 1991 г. Сабором (парламентом) Хорватии, где ХДС имело большинство, был утвержден закон об «Информации в условиях военного времени», который ставил под контроль государства все СМИ, включая телевидение. Сложившаяся после этого ситуация на Хорватском радио и телевидении освещена в статье Р. Баришича в еженедельнике «Недельна Далмация». Автор акцентировал внимание на трудностях в работе тележурналистов, испытывающих сильное давление со стороны властных структур. Как указывал в беседе с журналистом тогдашний директор Хорватского телевидения Л. Лилич, жесткий контроль привел к резкому сокращению объема объективной информации. «Хорватскому телевидению, – говорил он, – не оставлено выбора; нам почти ежедневно приходится повторять одни и те же сюжеты и это оставляет впечатление слабой и монотонной информации, но если мы показываем

трагические сюжеты, то следуют обвинения в распространении пораженческих настроений»²⁸.

Проблема подконтрольности СМИ государству не сводится только к сужению прав и ограничению независимости прессы, радио и телевидения. Пропаганда в условиях межэтнического конфликта лишала людей права на собственное мнение, навязывая им некое отождествление с официальной точкой зрения.

Одна из особенностей югославского конфликта состояла в активном использовании обеими сторонами в пропаганде образов и символики времен второй мировой войны. В Хорватии это привело к оживлению легенды о Независимом Государстве Хорватии (НГХ), марионеточном профашистском режиме Анте Павелича, существовавшем в 1941–1944 гг. Усташи и домобраны (так назывались хорватские военизированные отряды, сформированные на основе призыва в годы второй мировой войны в НГХ) превозносились как национальные герои и пример для подражания. Миф о НГХ в период наиболее ожесточенных боев на территории республики и военных поражений хорватской армии стал настолько популярен в массовом сознании, что хорватское политическое руководство и президент страны неоднократно заявляли об оправданности действий режима А. Павелича и даже о некоторой политической преемственности между НГХ и современным хорватским государством. Ф. Туджман еще в феврале 1990 г., выступая на съезде ХДС, говорил: «Независимое Государство Хорватия не являлось только профашистским политическим режимом, — оно было выражением многовекового стремления хорватского народа к обретению своего государства»²⁹. На волне национализма в Хорватии появляются многочисленные ультраправые издания, и отдельные видные члены ХДС активно сотрудничали с некоторыми из них. Спикер парламента Т. Шекс и член правительства Т. Мерчер, например, публиковались и входили в редакционный совет крайне националистической газеты «Хорватский вестник», издававшейся в Винковцах³⁰.

Весь 1991 год прошел для Хорватии в борьбе за признание ее в мире. На фоне военных поражений реакция мирового сообщества приобретала решающее значение. В стране царил атмосфера уверенности, что международное признание окончательно утвердит хорватскую государственность и приведет к скорейшему завершению конфликта с помощью вмешательства миротворческих сил.

Расхождение между общественными настроениями внутри республики и отношением (отрицательным) мировой общественности к возрождению хорватского национализма, ассоциировавшегося с прогитлеровским режимом 40-х годов, поставило правящую партию Хорватии перед выбором – оставаться во главе радикального правонационалистического движения или занять более умеренную позицию, рискуя потерять некоторую часть поддержки в обществе. ХДС пошло на компромисс. В течение осени и зимы 1991 г. были осуществлены действия по укреплению режима, но одновременно государство в значительной мере отказалось от использования в пропаганде крайней националистической терминологии и публицистических штампов.

Однако принятые тогда же парламентом несколько декретов военного времени предоставили президенту расширенный пакет мер, которые могли применяться против отдельных граждан или группы лиц, обвиненных в мятеже и саботаже. Эти постановления большей частью общества были расценены как ответ на «антигосударственный терроризм мятежных элементов сербского населения Хорватии»³¹. Отчасти они использовались режимом против радикальных членов хорватской политической оппозиции.

Осенью 1991 г. хорватское руководство предприняло шаги для упрочения позиций правящей партии и создало на основе ее поддержки рядом политических организаций правительство «демократического единства». В него вошли, помимо членов ХДС, представители Демократической, Социально-либеральной и Христианско-демократической партий. Это событие в определенной мере способствовало укреплению позиций ХДС и лично Гуджмана, ознаменовав консолидацию правоцентристских политических сил. Создание нового правительства позволило также решительно выступить против тех оппозиционных партий, которые имели более националистическую платформу, привлекавшую к ним симпатии значительной части населения.

Неудачно спланированные действия хорватского руководства в начале войны (с ними в какой-то степени были связаны поражения молодой регулярной армии Хорватии) послужили поводом для резкой критики со стороны праворадикальной оппозиции, прежде всего Хорватской партии права (ХПП) во главе с Доброславом Парагой. Приверженец политических взглядов А. Павелича и НГХ, Парага настаивал на прямой преемственности между своей партией и Партией права А. Старчевича и Й. Франка, существовавшей в XIX –

начале XX в. Он оправдывал действия усташей во время второй мировой войны. Противопоставляя себя режиму Туджмана и обвиняя его в соглашательской политике и неумении вести военные действия, Д. Парага создал собственные незаконные военные формирования, так называемые «Хорватские освободительные силы»³².

Личность Параги стала ассоциироваться с образом настоящего защитника Хорватии, о его воинских подразделениях и их акциях ходили легенды. В создавшейся ситуации возникла угроза реального раскола в обществе, что могло привести к кризису и в ноябре 1991 г. Д. Парага арестовывается по обвинению в попытке организации мятежа в армии. Он и его соратники подверглись аресту в соответствии с новым хорватским законом, по которому полиция могла задерживать подозреваемых на определенный срок без предъявления доказательств вины³³.

Инцидент с председателем ХПП не привел к серьезным волнениям в стране, что прежде всего объясняется изменением международного положения Хорватии, ее признанием в мире – о поддержке ее независимости заявило мировое сообщество. Заинтересованность в скорейшей легитимизации своей страны отвлекла внимание хорватской общественности от действий праворадикальной оппозиции и реакции на них властей.

В январе 1992 г. Хорватию признало большинство западноевропейских стран. Наибольшее значение хорватское руководство и общество придавали позиции Германии. Признание России, последовавшее 17 февраля того же года, было воспринято с меньшим воодушевлением, в какой-то мере потому, что оно пришлось на период эскалации военных действий и совпадало с общей линией мирового сообщества, к тому времени уже провозгласившего Сербию агрессором. США признали Хорватию 7 апреля 1992 г.

Признание суверенной Хорватии государствами Западной Европы, США, Россией и другими странами стало козырной картой для ХДС на состоявшихся в 1992 г. внеочередных парламентских выборах, но не изменило настроения в обществе, которые оставались по преимуществу правонационалистическими. Характерно, что если в конце 1991 г. ХДС опасалось отстаивать свои националистические взгляды, выполняя условия западных стран, и тем самым потеряло часть традиционного электората, то в следующем году, уже после международного признания суверенитета Хорватии, пар-

тия попыталась восстановить прежние позиции и вновь доказать свое право на статус «самой хорватской партии»³⁴.

Одновременно выявились очевидные противоречия в ее политике. Под давлением мирового сообщества, поставившего условием признания соблюдения прав национальных меньшинств, 8 мая 1992 г. хорватским Сабором были приняты поправки к Конституционному закону о правах человека и правах этнических и национальных общностей и меньшинств. Новые дополнения к Конституции расширяли возможности последних, кроме того в них специально оговаривалось их право на политическую автономию (глава V); предусматривался также международный механизм наблюдения за выполнением новых положений Конституции³⁵.

Необходимо отметить некоторые изменения, произошедшие в хорватском обществе за два года, прошедшие со времени проведения первых парламентских выборов 1990 г. Процент голосов, поданных за ХДС осенью 1992 г., сократился, и увеличилась доля избирателей, проголосовавших за левоцентристские и центристские партии³⁶. В то же время, из данных социологических обследований, проведенных накануне выборов, следует, что настроения сторонников ХДС сместились в сторону праворадикализма. Среди предпочтительных ценностей доминировали такие консервативные идеалы, как христианство, возвращение к национальным обычаям и убежденность в том, что только почитание власти в обществе, школе и семье ведет к прогрессу. Избиратели ХДС продемонстрировали наиболее терпимое отношение к всевозможным проявлениям авторитаризма и склонны были оправдывать авторитарные действия правительства государственной необходимостью³⁷.

Различия в предпочтениях сторонников партий, отличающихся идеологической ориентацией и степенью приверженности к национализму, отчетливо просматриваются в ответах на вопросы социологических анкет. Так, избиратели, поддерживавшие левые и левоцентристские политические силы, продемонстрировали наибольшую озабоченность проблемой гармоничного сосуществования этнических групп и весьма незначительную заинтересованность в частной собственности, «духовном возрождении», национальном единстве и милитаризации. Приверженцы партий центра отдали предпочтение развитию частного предпринимательства и гармоничному сосуществованию национальностей. Электорат правых и правоцентрист-

ских объединений, прежде всего ХДС, на первое место поставил «духовное возрождение», национальное единство и усиление военной мощи государства³⁸.

Некоторое падение популярности ХДС в 1992 г. было связано, очевидно, в основном с нерешенностью экономических и социальных проблем. Стремясь противостоять этой тенденции, правящая партия утверждала, что она выполнила свое главное обещание – создать Хорватское государство, суверенное и признанное в мире. Партийная пропаганда настаивала на том, что именно ХДС сможет привести Хорватию к победоносному завершению войны и экономическому процветанию.

По преимуществу отрицательный резонанс в обществе вызвало дальнейшее сближение власти с католической церковью и еще большее подчинение последней интересам правящих кругов. Согласно проведенному в 1992 г. социологическому опросу, около 60% респондентов высказались за независимость церкви от государства³⁹. Еженедельник «Данас» продолжал резко обвинять ХДС в использовании авторитета церкви для своих политических целей, имея в виду прямую агитацию церкви за ХДС в период проведения выборной кампании 1992 г. При этом церковь выставляла себя в невыгодном свете, а противники ХДС должны были доказывать, что и они могут быть «хорошими хорватами» и «хорошими католиками». ХДС, по утверждению журнала, постаралось оживить отмирающие и непопулярные в современной католической церкви традиции безоговорочного подчинения светскому и церковному авторитету⁴⁰.

Стремление правящей партии к монополизации политической власти сопровождалось борьбой за признание ее демохристианским движением, охватывающим все такого рода партии. Объединение ХДС с некоторыми из них (Демохристианской партией С. Герцега) зимой 1992 г. было воспринято частью общественного мнения как прямая угроза многопартийной политической системе⁴¹.

Озабоченность у оппозиционно настроенных кругов вызывала не только линия на присоединение к партии, находящейся у власти, ряда небольших партий, но и другие связанные с этим изменения. Во время первых выборов 1990 г. церковь была провозглашена ХДС национальным символом хорватского народа в его борьбе с коммунистическим режимом и сербской гегемонией. К 1992 г. католическая иерархия превратилась в одну из организационных опор поли-

тического и социально-психологического диктата ХДС. В журнале «Данас» отмечалось, например, что так называемая «программа духовного обновления», навязанная государственными верхами, испугала «всех тех, кто имеет смелость думать и действительно жаждет духовности»⁴². Клерикализация общества, проводимая ХДС, опасна, по мнению автора статьи, выше уже упоминавшегося Л. Винченцича, тем, что подменяет истинно христианские ценности, являющиеся основой демохристианства в Европе и провозглашенные II Ватиканским Собором, религиозными положениями средневековой со всеми вытекающими из этого последствиями⁴³.

Окончательное закрепление правящей партии на правых позициях с прочным консервативным фундаментом нашло выражение в открытой демонстрации обществу некоторых других своих исторических симпатий и антипатий. Прежде всего это касается неприязни к коммунистическому режиму, которая широко пропагандировалась во время выборов в 1990-м и 1992 г. Антикоммунистическая настроенность ХДС и президента Ф. Туджмана проявилась в «своеобразном», по мнению прессы, праздновании в 1992 г. Дня антифашиста (22 июня). Несмотря на его провозглашение государственным праздником, власти допустили разрушение сотен партизанских памятников и прибегли к «изгнанию» из СМИ образа партизан-антифашистов, участвовавших в войне. Президент, по словам журналиста Д. Плевника из «Данас», «воздал почести погибшим хорватам, но только тем, которые пали в борьбе против монголов 750 лет назад»⁴⁴. То, что президент не обратился в этот день к народу, было расценено левой оппозицией как пропагандистский жест в преддверии выборов. «Туджман не мог допустить, – пишет Плевник, – чтобы Парага получил имидж большого приверженца “ушастешского режима”, чем он сам»⁴⁵. Поведение президента было расценено телевидением и общественными институтами как руководство к действию, и тему антифашистского движения в тот день почти не освещали. В некоторых городах (Осиек в Восточной Славонии) местные власти просто отказались праздновать День антифашиста и объявили его рабочим⁴⁶.

К 1993 г. военный конфликт на территории республики вошел в свою заключительную фазу, был локализован, и хотя 1/3 республики находилась под контролем сербов, стала очевидной возможность его мирного разрешения. Все это повлияло на ситуацию в обществе и

привело к некоторому спаду националистических настроений. На первый план вышли экономические проблемы, вопрос о положении отдельных регионов и наболевшая проблема беженцев. Подойдя к завершению национального строительства, создав государство на моноэтнической основе, хорватское общество оказалось перед дилеммой: идти ли путем демократизации к созданию правового либерально-демократического государства или остаться на позициях «деспотического» национального государственного устройства⁴⁷. За небольшой отрезок времени, прошедший с момента провозглашения республикой независимости, в обществе не могли произойти коренные социальные изменения, а война замедлила процесс его модернизации, создав дополнительное социальное напряжение.

С осени 1993 г. в Хорватии принимаются меры по укреплению экономики, разрабатывается план экономической стабилизации. Благодаря жесткой финансовой и валютной дисциплине хорватскому руководству удалось найти средства не только на создание и сохранение государственной машины и финансирование войны, но и на поддержание наводнивших страну беженцев. Удержание уровня инфляции в пределах однозначных чисел было оплачено резким падением уровня жизни и ростом безработицы. Определенная макроэкономическая стабильность обеспечивалась высокими ставками налогов и банковских учетных ставок, а также строгим ограничением невоенных расходов. Такая политика (в сочетании с некоторым сокращением военных расходов в 1993 г.) дала определенный результат и позволила ввести в 1994 г. новую устойчивую национальную денежную единицу — куну, поддержанную международным финансовым сообществом⁴⁸.

Проводя линию жесткой экономии, президент и правящая партия сполна использовали условия войны для консолидации общества и препятствовали росту в нем либеральных и демократических настроений. И в 1993–1994 гг. они выступали за продление режима так называемого «чрезвычайного положения». Рассчитывая на поддержку сплоченных рядов «национальных патриотов», пополнившихся беженцами и военными, опасавшимися послевоенной безработицы, правительство не спешило отказываться от силовых методов управления. Более того, на этапе выхода из войны они даже усилились. Цензурные ограничения на свободу слова и печати были дополнены гонениями на некоторые оппозиционные издания. Так, закрылся, как

отмечалось выше, еженедельник «Данас», прекратил существование журнал «Эразмус». Касаясь другой сферы, надо отметить, что участились случаи принудительного призыва в армию с помощью полиции, хотя в стране официально не были объявлены военное положение и всеобщая мобилизация. Подобные действия военных и другие формы нарушения прав человека отметил специальный наблюдатель ООН бывший премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий: «Правам человека в Хорватии угрожает расширение националистической идеологии, которая маргинализирует не только этнические меньшинства, но и тех хорватов, кто настроен критически по отношению к нынешней власти. Это особенно ощущает интеллигенция»⁴⁹.

Правящая партия пыталась сконцентрировать внимание общественности на своих заслугах в достижении основной цели – создании государства, упорно настаивая на своей незаменимости. Президент Туджман в интервью журналу «Данас» сказал следующее: «ХДС – это партия, которая выполнила историческую задачу по строительству государства и которая, надеюсь, в интересах хорватского народа еще долго будет ее выполнять... Взгляните на примеры других государств и убедитесь, что такие партии стояли во главе народов, десятилетиями получая одобрение избирателей, так как только они знали ответ на вызов истории»⁵⁰.

Процесс падения популярности ХДС в связи со снижением накала националистических настроений и из-за тяжелой экономической ситуации был задержан кризисом в соседней республике Босния и Герцеговина. Официально признав ее суверенитет, руководство в Загребе одно время пыталось использовать стремление части герцеговинских хорватов к объединению с Хорватией. Герцеговинская карта была пущена властями в ход для разжигания националистических настроений. Характерной можно считать попытку президента Туджмана доказать этническую и политическую общность герцеговинских хорватов с Хорватией, особо подчеркивая их роль в защите последней. «Именно герцеговинцы, – отмечал он, – были в первых рядах, разумеется со всеми остальными, в защите Родины. От Вуковара до Дубровника, Неретвы и Травника они внесли огромный вклад в победу над агрессором»⁵¹.

Авторитарный стиль и методы управления, свойственные президенту, а также расхождения в правящей партии по боснийско-герцеговинской проблеме привели в 1994 г. к расколу ХДС. От пар-

тии откололся так называемый «левый блок», состоящий из давних соратников Ф. Туджмана – С. Месича и Й. Манолича. Оба политика на страницах еженедельника «Глобус» подвергли президента и его политический курс резкой критике, указав на возрастающее влияние «герцеговинского лобби» и правого (националистического) крыла президентской команды. В интервью «Глобусу» Манолич заявил о намерениях президента решить проблему Герцеговины путем нарушения договоренностей между боснийскими хорватами и мусульманами. Критически оценил политику в стране С. Месич на страницах газеты «Ферал Трибун». Он акцентировал внимание на крайне авторитарных способах правления президента и даже обвинил его в причастности к военным преступлениям.

Создав свою партию – Хорватские независимые демократы (ХНД), – Манолич и Месич, видимо, рассчитывали на перемены в общественных настроениях и быстрое падение популярности ХДС с завершением активной фазы военных действий и в связи с экономическим кризисом. Однако эти ожидания в целом не оправдались⁵².

Хорватия оказалась едва ли не единственной страной в посткоммунистической Восточной Европе, где партии коммунистов-реформаторов и даже социал-демократы не находят поддержки в обществе. Правая идеологическая ориентация большей части хорватского населения давала возможность правящей партии, не изменяя своих политических приоритетов и форм правления, сохранять высокий политический рейтинг среди избирателей. Президент и глава ХДС Ф. Туджман продолжал рассматривать свою партию как «общехорватское народное движение», имеющее к тому же демохристианскую направленность⁵³.

Борьба хорватской нации за собственное самостоятельное государство привела не только к ее успеху, но и к установлению в Хорватии в начале 90-х годов политического режима с ограниченными гражданскими правами и свободами. Хотя формально Хорватская республика являлась правовым государством с соответствующей конституцией, демократическими институтами и атрибутами власти, однако на начальном этапе существования она вряд ли может быть отнесена к подлинно демократическим странам. Об этом недвусмысленно свидетельствуют материалы ведущих общественно-политических изданий Хорватии, рассмотренные в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: *Романенко С.А.* Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 248–291; *Он же.* Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы: итоги к концу XX в. // *Migracijske teme.* 1994. Br. 3–4. S. 225–250.

² *Županov J.* Dominantne vrednosti hrvatskog društva // *Erasmus (Zagreb).* 1993. Br. 2. S. 10–11.

³ *Grdesić.* Izbori u Hrvatskoj: birači, vrednovanja, preferencije // *Hrvatska u izborima 90h.* Zagreb, 1990. S. 70.

⁴ *Zagošek N.* Polarizacijske strukture. Obrasci političkih uvjerenja i hrvatske izbora 90h. // *Hrvatska u izborima...* S. 160.

⁵ *Ibid.* S. 162.

⁶ *Siber I.* Nacionalna, vrednosna i ideološka uvjetovanost stranačkog života. // *Hrvatska u izborima...* S. 107; *Danas (Zagreb).* 1991. 1. X.

⁷ *Danas.* 1991. 1. X.

⁸ *Milardović A.* Nove stranke Hrvatske 90h. *Bilij,* 1990. S. 67.

⁹ *Шмелев Б.* Причины распада Югославии // Балканы между прошлым и будущим. М., 1995. С. 38; *Milardović A.* Dokumenti državnosti Republike Hrvatske. Zagreb, 1992. S. 44–69, 94–109.

¹⁰ *Krušel Z.* Devet vekov strpljenja // *Nedjeljna Dalmacia (Split).* 1991. 15.XI. S. 5–6.

¹¹ См.: *Романенко С.А.* Югославия... С. 259–262.

¹² Там же.

¹³ *Bilandžić D.* Rat je počeo 1971 // *Danas.* 1991. 17.XII.

¹⁴ *Milardović A.* Nove stranke... S. 72.

¹⁵ Ср.: *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povjest hrvatskog naroda. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 80–83; *Дакух М.* Српска крајина. Историјски темељи и наставак. Книн, 1994.

¹⁶ Хорватия между войной и самостоятельностью. Загреб, 1991. С. 77.

¹⁷ *Markotic S.* Political division in Croatia // *RFL/RL. Research Report (Munich).* 1994. S. 10–11.

¹⁸ *Slobodna Dalmacia (Split).* 1991. 13.XI.

¹⁹ *Večernji list (Zagreb).* 1991. 2.XII.

²⁰ *Pusić V.* Utopije // *Erasmus.* 1994. Br. 6. С. 36.

²¹ *Jović J.* Godina prevrata // *Nedjeljna Dalmacia.* 1991. 13.IV. С. 10.

²² Što jest i što hoće HDZ. Zagreb, 1990. S. 19.

²³ *Tomac Z.* Za Hrvatsku još nije kasno // *Nedjeljna Dalmacia.* 1991. 14.IX. S. 14.

²⁴ *Jajcinović M.* Zabave sa pucanjem // *Danas.* 1991. 1.III. S. 21–22.

- ²⁵ *Siber I.* Op. cit. S. 112.
- ²⁶ *Vincentić L.* Prolazi li zaljubljenost // *Danas*. 1991. 14.VII. S. 24–25.
- ²⁷ *Ibidem*.
- ²⁸ *Barišić M.* Mediji i rat // *Nedjeljna Dalmacija*. 1991. 18.VIII. S. 22.
- ²⁹ *Pusić V.* Utopije // *Erasmus*. 1994. Br. 6. S. 37.
- ³⁰ *Ibid.* S. 38.
- ³¹ *Cohel L.J.* Broken Bonds: The Disintegration of Yugoslavia. Boulder, 1993. P. 34.
- ³² *Klaic V.* Hrvatski zatvoreni svi izlazi // *Globus (Zagreb)*. 1991. 21.XI. S. 15.
- ³³ *Paraga D.* Mi nisto ustaše // *Nedjeljna Dalmacija*. 1991. 19.XI. S. 9–10.
- ³⁴ *Goldstein S.* Hrvatska poslije sporazuma // *Erasmus*. 1994. Br. 6. S. 21.
- ³⁵ *Danas*. 1992. 26.V.
- ³⁶ *Siber I.* Structuring the Croatian Party Scene // *Politička misao (Zagreb)*. 1993. Br. 2. S. 27.
- ³⁷ *Ibid.* S. 28.
- ³⁸ *Lalović D.* Problemi konstitucije hrvatske pravne države // *Politička misao*. 1993. Br. 3. S. 28–29.
- ³⁹ *Vincentić L.* Komu izborni blagoslov // *Danas*. 1992. 6.VII. S. 16.
- ⁴⁰ *Ibid.* S. 17.
- ⁴¹ *Butković D.* Demokratsko profiliranje stranaka // *Nedjeljna Dalmacija*. 1992. 3.V. S. 13.
- ⁴² *Vincentić L.* Op. cit. S. 17.
- ⁴³ *Ibidem*.
- ⁴⁴ *Plevnik D.* Igre s povješću // *Danas*. 1993. 13.VIII. S. 20.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 21.
- ⁴⁶ *Ibidem*.
- ⁴⁷ *Lalović L.* Problemi Konstitucije... S. 31.
- ⁴⁸ *Moore P.* Changes in the Croatia Political Landscape // *RFL/RL*. Research Report. 1994. № 22. P. 8–10.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 10.
- ⁵⁰ *Tuđma F.* Hrvatska i svijet // *Danas*. 1993. 28.X. S. 21–22.
- ⁵¹ *Ibid.* S. 22.
- ⁵² *Globus*. 1994. 22.IV. P. 4–5.
- ⁵³ *Večernji list*. 1994. 17.V. H. 1.

XX век: смена политических режимов в венгерском государстве

Век XX представляет собой непрерывное противоборство демократических начал с диктаторскими, тоталитарными и авторитарными порядками. Завершающееся столетие в Венгрии характеризуется непрочностью позиций демократии и слабостью ее сил. Сторонники демократии в стране неоднократно в течение века пытались утвердиться, но, по сути дела, так и не смогли удержаться на венгерской политической сцене. На различных этапах истории Венгрии уходящего столетия демократия, как правило, терпела поражение в борьбе с политическими силами, стремившимися к установлению режима «твердой руки» или консервативного авторитарного правления.

Встает далеко не риторический вопрос: преобладание на протяжении XX в. не демократических, а авторитарных и даже диктаторских методов политического правления было результатом естественного развития венгерского общества, его внутренней потребностью или оно возникло вследствие каких-то чуждых, привнесенных извне обстоятельств? При тщательном анализе проблемы объективный исследователь подтвердит, что сложившийся в XX в. баланс демократических и антидемократических сил являлся не столько следствием органического внутреннего развития страны и ее политической системы, определялся не столько потребностью самого венгерского общества в силовых формах управления, сколько стал своеобразным результатом исторических катаклизмов, потрясавших Венгрию не раз за это столетие под влиянием внешних факторов. Именно последние приводили в действие механизмы, которые способствовали созданию и функционированию в стране временами далеко не демократических властных структур. Венгерское же общество, как правило, оказывалось не в состоянии противостоять этим недемократическим устремлениям, оградить себя от них.

Силы венгерской демократии в результате пронесшихся над страной исторических бурь две мировые войны, территориальные переделы, системные потрясения и коллизии и т. п. — оказались ме-

нее подготовленными и организованными нежели их противники. Сторонники демократического устройства общества, будучи стесненными международными факторами, либо искусственно отгороженными от структур мировой демократии, не имели реальных шансов на успех, были обречены на неудачу. Последствия двух глобальных военных конфликтов, пылавших в центральной части Европы, не замедлили сказаться на них. Не следует забывать и о том, что в условиях послевоенной разрухи всегда появляется потребность во власти «сильной руки», и демократия в таких случаях нередко оказывается оттесненной на задний план. Уместно напомнить, что именно так случилось в середине XIX в., после подавления венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., когда в стране у власти оказался австрийский неоабсолютизм, установивший жесткий баховский режим, как позднее определила его суть историческая литература. В 1867 г., с заключением австро-венгерского соглашения, на смену этому режиму пришел продолжительный период политического консенсуса – своеобразного примирения в верхах, – не приведшего к полной национальной независимости, но способствовавшего в условиях дуалистического правления определенному расцвету страны, ее экономики и культуры. Венгрия тогда прочно встала на путь модернизации и буржуазно-демократического развития. Разумеется, далеко не все и не сразу удалось осуществить в этом плане, сохранились определенные феодальные пережитки. Но направление развития было выбрано и четко обозначено – путь модернизации и прогресса. И хотя политическая система, по сути дела, оставалась авторитарной, именно тогда были достигнуты по тем временам весьма неплохие международные стандарты в деле буржуазно-демократического обустройства общественно-политической жизни в условиях монархии (функционировали политические партии, парламент, национальные меньшинства обладали широкими культурно-языковыми правами).

Начавшийся XX век унаследовал от предшествующего столетия монархию, открытую к восприятию демократических начал и тенденций, однако, вскоре эволюция в этом направлении оказалась надломленной. Обострились межнациональные противоречия, и относительная стабилизация общественно-политического развития с выстрелом в Сараево ушла в прошлое. Осложнение международной обстановки, первая мировая война, повлекшая за собой революци-

онное брожение, развал системы дуализма, расчленение многонациональной Австро-Венгрии на малые так называемые «национальные государства» – все это привело не только к нарушению веками сложившегося равновесия сил в центре Европы, но и превратило этот регион в плацдарм явного противоборства тоталитарных и демократических тенденций, оставляя весьма мало шансов для последних. Некогда мощное двуединое Австро-Венгерское государство исчезло с политической карты, возникла обстановка нестабильности как в Венгрии, так и во всей Европе. Последствия развала не замедлили сказаться, когда, спустя всего каких-то 20 лет, малые «национальные» государства Центральной Европы стали ареной нового столкновения крупнейших европейских держав, борющихся за расширение сферы своего влияния, – двух тоталитарных гигантов – гитлеровского и сталинского.

Противоречивая внешняя и сложная внутриполитическая ситуация в странах региона после первой мировой войны безусловно благоприятствовала выдвиганию на передний план явно антидемократических тенденций в политике, способствуя тем самым формированию и утверждению в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе и в Венгрии, диктаторских, тоталитарных или авторитарных по своему характеру режимов.

За то, что как после первой, так и после второй мировой войны в Венгрии не смогла утвердиться демократическая система правления, немалая доля вины лежит на политических деятелях великих западных держав и их дипломатии. При анализе взаимосвязей и причин, приведших к усилению в стране не демократических, а авторитарных тенденций (в конце и после первой мировой войны) нельзя не возложить историческую ответственность на тех, кто гордо именовал себя лидерами образцовой демократии, но, по сути дела, осуществлял свой диктат в центре Европы, исходя из собственных интересов, и тем самым сеял зерна нового раздора между странами и народами в этом регионе. Де-факто эти политики с пренебрежением отнеслись как к начальным (1918 г.), так и к последующим попыткам венгерских государственных деятелей демократизировать политическое устройство страны.

Исторические факты безусловно говорят не в пользу западной дипломатии, ибо именно диктат Антанты помешал утверждению и развитию в Венгрии демократических институтов, способствовал

установлению в стране коммунистической диктатуры от имени пролетариата (1919 г.). Вот некоторые конкретные факты.

В 1918 г. Венгрия стала Народной республикой, не только заявив о приверженности принципам демократии, но и реально установив демократические порядки, что подтверждается многочисленными юридическими актами, правовыми нормами и административно-управленческими принципами¹. Создавалась демократическая система власти, начали действовать соответствующие политические институты. Но молодая венгерская демократия во главе с графом Михаем Каройи не успела окрепнуть, как над ней нависла смертельная угроза в виде предъявленных Антантой несправедливых претензий и территориальных требований, на выполнение которых тогдашние буржуазные демократы никак не могли согласиться.

Судьба венгерской демократии была тогда принесена в жертву великодержавным интересам стран Антанты, стремившихся не столько к прочному справедливому миру, сколько к удовлетворению националистических амбиций отдельных политиков, способствовавших развалу Австро-Венгрии и образованию вокруг венгерского государства кольца Малой Антанты. Демократы в Венгрии были вынуждены отказаться от власти в стране и уступить ее силам, провозгласившим вслед за Советской Россией в марте 1919 г. диктатуру пролетариата и пытавшимся, опираясь на идеологию мировой революции, противостоять великодержавному диктату государствам Антанты.

Диктаторская сущность венгерской коммуны 1919 г. не вызывает сомнений даже если признать справедливый характер ряда ее преобразований в социальной сфере. Собственно она выражена в самом названии – пролетарская диктатура. Несмотря на трактовку этой разновидности правления как особой формы демократии, она все же являлась реальной диктатурой и имела те же характерные черты, что и аналогичный режим в Советской России. После 21 марта 1919 г., по существу, сразу же началось внедрение советской модели в венгерскую действительность, которое в условиях военного времени безусловно приводило к становлению весьма жесткого тоталитарного режима.

Кроме идеологических и политических причин возникновения этого режима, его породила социально-экономическая необходимость. Первая пролетарская диктатура была в истории Венгрии лишь кратковременным эпизодом, но она вызвала достаточно острую ответную реакцию со стороны ультраправых контрреволюци-

онных движений. Ожесточенное столкновение двух полярных, т. е. так или иначе крайних политических сил, привело сначала к красному, а затем белому террору (здесь нет надобности вникать в анализ несомненно существующих отличительных черт и особенностей этих экстремистских методов). Разгул красного (большевистского) и белого (офицерского) произвола в 1919–1920 гг. в определенных условиях мог бы стать началом становления более продолжительного явно тоталитарного режима правого или левого толка, но история распорядилась иначе.

На авансцену политической жизни страны была выдвинута (и опять-таки не без согласия и поддержки западных демократий) сильная личность, способная решительной рукой навести порядок в послевоенном хаосе. Победители считали необходимой для Венгрии такую фигуру, которая сумела бы контролировать внутривнутриполитическую ситуацию и в то же время подчинялась бы диктату Антанты. В итоге в 1920 г. у власти оказался новый правитель, Миклош Хорти, в качестве регента возглавлявший венгерское государство на протяжении 25 лет.

Относительно режима Хорти в советской и венгерской историографии некогда существовал устойчивый стереотип «хортистской диктатуры» и «хортистского фашизма» как особой разновидности тоталитарной диктатуры фашистского (чуть ли не прафашистского!) типа. Безусловно, в эпоху исторических катаклизмов и потрясений всегда возникает спрос на харизматическую личность, появляется потребность в сильной власти для наведения и поддержания общественного порядка. Хорти вззошел тогда на вершину политической власти Венгрии именно по этой причине. Он был в те годы единственным в стране человеком, располагавшим реальной общенациональной силой (это была армия под его командованием), к тому же его признавала Антанта. Власть Хорти, особенно на начальном этапе, несомненно, обладала рядом черт, которые роднили ее с режимом «твердой руки», однако, сложившаяся в итоге хортистская система (при том, что в ней присутствовали явные авторитарные признаки) все же не была тоталитарной². Разумеется, данный феномен власти требует еще дальнейшего изучения, но уже вполне очевидна ошибочность или предвзятость тех штампов и стереотипов, в которых хортизм выступал как фашистская, а следовательно, тоталитарная диктатура. Тем более несостоятельны, на наш взгляд, имевшие место

попытки представить межвоенную Венгрию чуть ли не в качестве прародины фашизма вообще.

Здесь необходимо дать некоторые разъяснения и обратить внимание как на понимание фашизма в русле коминтерновской идеологии, так и на представления нынешних западных теоретиков о критериях тоталитарных режимов. Известно, что о фашизме как «тоталитарной концентрации нашей воли» 22 июня 1925 г. впервые заговорил Бенито Муссолини, критикуя в парламенте оппозицию. Слово «тоталитаризм» ему тогда «подбросил» сподвижник, итальянский философ Джованни Джентиле. Дуче понравился термин и он нередко и весьма охотно говорил «о нашей тоталитарной воле». Антифашисты же понятие «тоталитаризм» использовали как синоним диктатуры. В 30-е годы XX в. западные публицисты пользовались этим же термином для характеристики сталинского режима в СССР, а после второй мировой войны распространили его и на характеристику политических режимов в странах советского блока³. В конце 80-х годов советские публицисты также признали сталинский режим 30–50-х годов тоталитарным, т.е. тотальной диктатурой. Несколько позже рамки тоталитаризма были расширены на все 70 лет политической системы советской эпохи.

Первые серьезные попытки выявить и систематизировать основные признаки тоталитарных режимов и выработать на этой основе обобщающее понятие «тоталитаризм» в 1954 г. предпринял профессор Гарвардского университета Карл Фридрих при подготовке своего доклада «Уникальный характер тоталитарного общества». Он сформулировал пять признаков, характеризующих тоталитарные режимы: 1) наличие официальной идеологии, которой все обязаны придерживаться; 2) единственная массовая партия, возглавляемая вождем и организованная строго по иерархическому принципу (стоящая над государством); 3) почти полный контроль партии и бюрократии над вооруженными силами в военное время; 4) аналогичный контроль партии над средствами массовой информации; 5) система репрессивного полицейского режима с использованием физического и психологического воздействия⁴.

Позже К. Фридрих в соавторстве с небезызвестным З. Бжезинским написал книгу «Тоталитарная диктатура и автократия», в которой было выделено еще одно сущностное измерение тоталитарной системы власти – централизованное бюрократическое руководство

экономикой (не предполагающее, однако, ее полного огосударствления – достаточно напомнить о примере Италии и Германии). Был уточнен и третий признак – контроль партии над вооруженными силами – как постоянный фактор режима независимо от мирного или военного времени. Эти общие признаки впоследствии шлифовались другими учеными, в частности Леонардом Шапиро (см.: Тоталитаризм (Лондон, 1972), где одним из критериев был назван, например, такой фактор, как контроль над личностью, включая моральные принципы каждого человека)⁵. Такие критерии тоталитаризма были характерны прежде всего для двух крупнейших государств континента – гитлеровского и сталинского режимов (не говоря в данном случае о самой родине фашизма, Италии). И хотя они создавались на базе отличающихся друг от друга правой и левой идеологий, их несомненно объединяли вышеназванные общие черты, выраженные в этих критериях, а также крайние радикальные принципы. В этой связи как гитлеровское государство – правое фашистское, так и сталинское – левое большевистское являлись одинаково тоталитарными, несмотря на то, что зиждились они на различных вариантах тоталитарной идеологии (на расовом национал-социализме и большевистско-интернационалистической классовой основе).

Все эти признаки и критерии, если их репродуцировать на межвоенные годы в Венгрии, не соответствуют характерным особенностям режима Хорти, и поэтому хортистский период венгерской истории вряд ли можно считать тоталитарным. В отношении хортизма считаю более объективной оценку академика И. Беренда, определившего его как «режим, заигрывающий с тоталитаризмом, ориентирующийся на Гитлера, но не порвавший ни с ограниченной парламентской системой, ни с лимитированными гражданскими правами, не прибегающий к фашистским массовым движениям»⁶. Разумеется, хортизм или хортистский период до сих пор еще недостаточно изучен, требует дальнейших строго научных исследований.

Салашистский же режим, пришедший на смену хортистскому, хотя и недолго существовавший, напротив, выделялся своими ярко выраженными тоталитарными чертами и, в сущности, копировал гитлеровскую систему.

Первые послевоенные годы в Венгрии вновь обнадежили сторонников демократии. Тогда казалась реальной перспектива становления и развития демократической политической системы, существ-

вовали все внешние атрибуты складывавшегося демократического устройства страны: реакционные политические объединения и организации покинули подмости истории, начала функционировать многопартийная демократическая система, проводились парламентские выборы... Но так было только на начальном этапе.

Демократия в Венгрии по ряду причин так и не сумела окрепнуть и утвердиться, ей не было суждено стать исторической реальностью, так как ход дальнейшего развития определяли не столько внутренние, сколько достаточно многозначительные внешние факторы. Дело в том, что в недрах формировавшегося тогда демократического строя в лице компартии с самого начала присутствовала такая политическая сила, которая пользовалась явным покровительством и всемерной поддержкой советских оккупационных органов, в дальнейшем находясь под воздействием сталинского тоталитаризма, стремилась к установлению в Венгрии своей абсолютной власти. Ею сразу же были развернуты действия по овладению ключевыми позициями в политике и экономике страны (прежде всего в силовых структурах власти), и она вскоре энергично начала борьбу за установление пролетарской диктатуры, вытесняя из властных структур своих прежних союзников – некоммунистические демократические партии новой Венгрии.

Здесь нельзя пройти мимо констатации того исторического факта, что (в отличие от гитлеровской Германии или сталинского СССР, где идеология являлась исходным моментом) Венгрия в конце 40-х–начале 50-х годов получила тоталитаризм в чистом, так сказать сталинском, варианте.

Узкая группа высшего партийного руководства во главе с Матяшем Ракоши предприняла все необходимые меры в интересах установления и утверждения тотальной партийной диктатуры советского типа, приступила к фактической ликвидации других партий так называемым способом «тактики салями». Ракошистский режим, стремительно утверждавшийся с 1947 г. и достигший своего расцвета в 1949–1953 гг., без всякого сомнения был тоталитарным. Он соответствовал всем упоминавшимся выше критериям подобной власти. Налицо была и официальная идеология, и монопартийность с соответствующей иерархией, полным контролем над обществом и всеми его институтами, с централизованной плановой экономикой. Следует, однако, отметить, что, несмотря на явно тотальный харак-

тер режима, вождь (в лице Ракоши) все же оставался удельным вассалом более могущественного диктатора. Ракоши не был полностью свободен в своем выборе, зачастую ему приходилось вынужденно реализовывать диктуемый И.В. Сталиным курс как во внутренней, так и во внешней политике страны.

Смерть Сталина и импульсы, получаемые с 1953 г. из Москвы, постепенно уменьшали напряженность и тяжесть того прежде такого большого груза, который нещадно давил на все венгерское общество. Силы, стремившиеся к некоторым минимальным послаблениям в условиях диктаторского режима, могли теперь предпринимать отдельные, хотя и ограниченные, меры в интересах прекращения ракошистского беззакония и произвола. Но происходило это опять-таки с дозволения нового советского руководства. Эти действия, связанные с именем Имре Надя, встретили, однако, неистовое сопротивление со стороны ракошистов. Предпринятая в 1953–1955 гг. первая попытка венгерских реформаторов несколько модифицировать советский тип социализма потерпела неудачу. Но остановить этот процесс, помешать стихийно возникшему стремлению масс хотя бы частично демократизировать режим в дальнейшем уже не удавалось. По сути впервые в рамках советского блока пытались создать «социализм с человеческим лицом», несколько либерализировать его. В итоге возник острейший политический кризис 1956 г., который поколебал устои самой системы во всем Европейском регионе.

Октябрьские события 1956 г. так или иначе вновь показали несомненное пробуждение демократических тенденций, явились попыткой венгерского общества вырваться из тоталитарного плена. Об этом позволяют судить хотя бы такие факты, как низвержение памятника восточному тирану, возрождение демократической многопартийности, выражение массовой решимости к обновлению, свободе и национальной независимости, проявление общенациональной солидарности. Эти и другие действия сил демократии столкнулись, однако, с жестоким противостоянием со стороны тоталитарной партийной верхушки, сопротивлявшейся любым переменам и даже частичным послаблениям в системе. Проявилось ее нежелание допустить какой-либо отход от ортодоксальных принципов единственно правильного социализма. Такое же сопротивление демонстрировали высшее политическое руководство и элитарные номенклатурные группы в СССР и других «братских странах реального социализма»

в отношении венгерских попыток что-либо изменить. В таких условиях первая в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы попытка частичной коррекции тоталитарной системы в сторону ее демократизации потерпела крах, столкнувшись с мощным вооруженным вмешательством извне в венгерские дела. Результаты известны и не требуют здесь специального освещения. Решимость советского руководства не допустить какого бы то ни было отхода Венгрии от «единственно верного» образца, «интернациональная солидарность» элиты подобных режимов в соседних странах в итоге решили судьбу частичной демократизации в Венгрии.

После ноября 1956 г. в Венгрии был восстановлен жесткий режим абсолютистской власти, характеризовавшийся жестокими расправами и репрессиями (в некоторых аспектах они сравнимы разве что с постреволюционным террором баховского режима середины XIX в. или же событиями 1919–1920 гг.). И все же вслед за кризисом тоталитаризма в Венгрии система тотальных диктаторских режимов в восточноевропейском регионе вступила в полосу всеобщего кризиса, который в дальнейшем продолжал углубляться и расширяться, придя к логическому завершению в начале 90-х годов.

Венгерское восстание 1956 г., пробудившее национальное самосознание народа и стремительно перераставшее в революционную борьбу за свободу и независимость страны, несмотря на незавершенность в то время этого процесса, послужило фактором, вынудившим новое политическое руководство Венгрии во главе с Я. Кадаром пойти на некоторые уступки, так или иначе ставшие неизбежными. В результате с начала – середины 60-х годов в Венгрии складывается режим, который, хотя и сохранял формы и атрибуты советского типа тоталитарной системы власти, но все же существенно отличался от прежнего ракошистско-сталинистского управления, державшего под пристальным контролем все ячейки и поры общества. Как известно, сложившаяся тогда в Венгрии система несколько отличалась от советского варианта и впоследствии нередко именовалась «кадаровским социализмом». Последний, благодаря тому, что после репрессий конца 1956 – начала 1963 г. оказался вынужденным обещать, а отчасти и реализовывать некоторые из демократических требований венгерских повстанцев 1956 года, и характеризовался определенным смягчением тоталитарного процесса, давящего на общество, а затем и некоторой либерализацией общественно-по-

литической жизни в 60–80-е годы, по праву завоевал такие эпитеты как «мягкая диктатура», «либеральный кадаровский режим» и т. п.

Эпоха кадаровского правления в Венгрии, разумеется, требует дальнейшего изучения, детального анализа ее глубинных сущностных черт с выделением этапов развития и определением характерных особенностей этого строя. Если считать с последними этапами развития режима Кадара – (а это необходимо) – то становится очевидным, что он явно эволюционировал в сторону некоторой демократизации системы, хотя и сохранил надзирательные функции за гражданами. Безусловно, вопреки утверждениям самих кадаровских политиков о «социалистической демократии», якобы основной характерной черте этого режима, следует учитывать, что такая категория во многом была формальной и имела мало общего с подлинной демократией. Правда, при сравнении с подобными режимами в других странах советского блока, она, несомненно, была наиболее либеральной. Так или иначе альтернативой режима могло быть только демократическое государство. Кстати, упомянутая эволюция здесь наблюдалась с 1968 г., когда режим шаг за шагом, постепенно сбрасывал с себя многие характерные черты чисто тоталитарного строя. И это особенно заметно, если сравнивать показатели кадаровского режима с идентичными параметрами в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Все это дает основание утверждать, что для характеристики политического строя кадаровской Венгрии 60–80-х годов в целом неприменимы такие классические классификации, как «тоталитарный режим» или «демократия». Вместе с тем в новейшей специальной литературе встречается попытка именовать кадаровский этап политического развития страны как «позднетоталитарную эпоху». И все же, нам представляется более точным и справедливым назвать последний период правления по своей сущности скорее авторитарным, развивающимся в направлении некоторой либерализации (правда, допускаясь с учетом возможного и в рамках дозволенного извне).

В целом же необходимо отметить, что в венгерской истории XX в. чередовались жесткие тоталитарные и более мягкие авторитарные режимы. Демократические же тенденции пробивали себе дорогу робко и лишь изредка, так сказать «на короткие дистанции». Суровые условия этого столетия не благоприятствовали утвержде-

нию демократического устройства страны. По нашему убеждению, годы сталинско-ракошистского правления составляли, несомненно, период тоталитаризма, равно как и годы нацизма и фашистской оккупации Венгрии. В то же время нам представляется правильным определять как авторитарные режимы 60–70-х годов в Венгрии, как и в большинстве других стран Центральной и Восточной Европы вплоть до смены в них общественной формации, поскольку они обладали чертами, характерными для авторитаризма (хотя в некоторых странах региона в отличие от Венгрии режимы сохранили свои основные тоталитарные черты – например, в Румынии и ГДР). Впрочем, к данной категории авторитарного политического устройства следует причислить и многие центральноевропейские режимы межвоенного периода. (Разумеется, сталинский режим в СССР или гитлеровский в Германии стоят особняком и безусловно принадлежат к группе классических тоталитарных режимов, хотя и различного толка.) Вместе с тем здесь уместно напомнить о том, что «эпоха Кадара» или «хортистский период» венгерской истории до сих пор исследованы далеко не полно и к тому же без достаточной степени исторической объективности. Они, несомненно, требуют более глубокого изучения, дифференцированного научного подхода, выявления их сущностных черт и характерных особенностей. Нет сомнения, что изучать их следует с учетом всей их исторической эволюции.

Целесообразно также обратить внимание на следующие обстоятельства. Говоря об авторитаризме, нельзя забывать о происхождении самого этого термина. В отличие от тотальной власти, базирующейся на подавлении личности и общественных организаций, авторитаризм предполагает наличие определенного авторитета (авторитарной личности), которого признают и которому подчиняются граждане и общество в целом. Обычно такие авторитеты олицетворяют верховную власть. Кроме них, как показывает историческая практика, определенные демократические ценности (например, конституция) или отдельные институты политической власти (парламент), также могут выполнять функцию властного авторитета. В венгерской истории источником или выразителем такого авторитета традиционно считались короли и Святая корона (она веками была символом верховной власти и сама по себе стала носителем необходимого почитания, авторитета). В этом смысле авторитарное правление в Венгрии имеет глубокие исторические корни и не обяза-

тельно носит отрицательный заряд. Следовательно, авторитаризм далеко не чужд венгерскому духу. Поэтому неудивительно, что в XX в. самые продолжительные периоды политической истории являлись по своему характеру авторитарными. Во всяком случае хортистский период (20–40-е годы), кадаровская эпоха (60–80-е годы) связаны именно с авторитарной формой общественно-политического правления.

Возвращаясь к кадаровской эпохе, не следует забывать, что даже такого типа «мягкая диктатура» (а точнее, авторитарное управление во главе с лидером ВСРП) унаследовала от предшествующего периода немало тоталитарных черт: единую официальную марксистско-ленинскую идеологию с ее «интернационализмом», который вопреки своему смысловому значению строго отгораживал «братские государства» друг от друга непроницаемыми границами; диктат одной – единственной партии, стоявшей по сути над государством и т. д. Сохранялись и другие компоненты тоталитарной эпохи, например, директивная плановая система руководства экономикой (до реформы экономического механизма в неизменном виде) или же система бюрократической цензуры; существовали также номенклатурные привилегии, сохранившиеся до самого конца эпохи, хотя, в соответствии с официальной идеологией, целью общественного развития являлось полное исчезновение классов; упомянем определенные преимущества для рабочего класса по сравнению с крестьянством или другими социальными группами. И все-таки, в позднекадаровские годы – и об этом также нельзя забывать – в Венгрии были предприняты хотя и недостаточно значительные, но реальные шаги в сторону демократизации (расширение экономических и политических прав населения), при том, что они осуществлялись в рамках системы, не угрожали ее существованию, а судьба «кадаровских экспериментов» часто зависела от отношения к ним «старшего брата». Последнее подтверждает, что анализ процессов эпохи будет достоверным лишь с учетом контекста международных взаимосвязей.

Новый порыв к демократии в Венгрии наблюдался уже после ухода Я. Кадара в конце 80-х годов, когда в результате политических и экономических послаблений, провозглашения принципов суверенитета страны и курса на правовое государство, с весны 1989 г. на политической сцене страны появились новые демократические движения и мини-партии, возобновляли свою деятельность

некоторые исторические партии демократического толка 40-х годов. В деле демократизации Венгрии основную роль играли однако не широкие массы (они по инерции еще безмолствовали, хотя, согласно социологическим опросам населения, выражали свое недовольство общественным строем)⁷, а отдельные личности и малочисленные элитарные и интеллигентские группы, имевшие различные убеждения, но единые в своих устремлениях к демократии. В итоге, на рубеже 80–90-х годов XX в. общественно-политическое развитие страны привело к восстановлению в ней политического плюрализма, возобновлению демократических традиций, к ренессансу парламентской демократии. При этом переход к плюралистической демократии (в отличие от некоторых других стран Центральной и Юго-Восточной Европы) Венгрия прошла в качестве лидера стремительно и исключительно мирным путем, в чем собственно и заключается одна из специфических особенностей процесса венгерской демократизации конца 80-х годов XX в.

На первых парламентских выборах, проходивших в 1990 г. на многопартийной основе, венгерские избиратели высказались за отказ от такого тоталитарно-авторитарного наследия прежней эпохи, как однопартийная власть. На политическую арену Венгрии снова вышли, а затем утвердились демократические силы. Тогда на выборах победу одержали умеренные демократы-прагматики во главе с Венгерским демократическим форумом, определившие себя впоследствии правоцентристской парламентской партией. Им на смену в 1994 г. пришли социалисты, также заявившие о своей приверженности демократическим ценностям и принципам, выступив, в частности, сторонниками парламентской многопартийности⁸. Т. е. можно говорить, что с начала 90-х годов в Венгрии снова восторжествовали принципы политической демократии. Они были подтверждены мирным характером перехода власти от левых к правоцентристам, а затем снова к левым политическим силам, при полном соблюдении правил парламентской демократии, что, безусловно, способствовало дальнейшему углублению в стране демократических порядков.

В первой половине 90-х годов в общественной жизни Венгрии уже существовала, таким образом, полная многопартийность (в 40-х годах она была неполной). Это означает, что в парламентских выборах на сей раз участвовали все венгерские политические силы, и избиратели имели возможность выбирать из них по законам полной

демократии. Следовательно, в конце XX в. в стране имеются условия дальнейшего ее продвижения на путях демократии, независимости и прогресса. Судя по результатам двух парламентских циклов, позиции крайних политических сил в Венгрии существенно ослабли – они не пользуются поддержкой населения страны.

Итак, противоборство диктаторских, авторитарных и демократических сил страны в конце тысячелетия снова выводит Венгрию на путь демократии. Ее опыт в целом показывает, что в XX в. тоталитарные режимы устанавливались главным образом в результате катаклизмов, переживаемых народами на том или ином отрезке истории – в основном после революций, войн или других потрясений. Авторитарные же системы выходили на политическую арену уже в более спокойные периоды. Однако, как первая, так и вторая разновидность политических режимов, несомненно, имеют свои внутренние этапы развития и собственные отличительные черты. Силы венгерской демократии в этом столетии в своих попытках утвердиться на политической сцене страны (1918 г., 1945 г., 1956 г., 1990 г.), в условиях противоборства с тоталитарными и авторитарными устремлениями (ставшими, к сожалению, преобладающими в завершающемся столетии) терпели поражение, могли удержаться у руля правления страной лишь на коротких исторических отрезках времени.

В первой половине 90-х годов началась новая эпоха национальной истории Венгрии, когда поиски демократии могут, наконец, завершиться успехом. Шансы для утверждения и продолжительного функционирования законов демократии ныне существенно возросли. Они зависят на сей раз от организованности и сплоченности венгерской демократической общественности. Международные детерминанты благоприятствуют этим демократическим устремлениям общества, которые могут стать преобладающими в нем в связи с ослабевшими позициями тоталитаризма и авторитаризма.

В рамках статьи, разумеется, удалось затронуть лишь самые общие проблемы тоталитаризма, авторитаризма и демократии в XX в. По понятным причинам мы не ставили задачу провести сравнительный анализ тоталитарных режимов того или другого этапа истории, равно как и авторитарного политического устройства периода хортизма и кадаризма. И тем не менее даже такое схематическое приближение к заданной теме (возможно, местами несколько упрощенное), по нашему мнению, обратит внимание на необходи-

мость дальнейшего детального исследования этого сложного комплекса проблем истории XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Csizmadia A., Kovács K., Asztalos L. Magyar állam-és jogtörténet.* Вр., 1981. 492–515 old.

² *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти // Новая и новейшая история. 1996. № 2.

³ Тоталитаризм, что это такое? (Исследования зарубежных политологов). М., 1993. Т. II. С.110–111.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 95–96.

⁶ *Berend T.Iván.* Válságos évek. Вр., 1983. 165. old.

⁷ *Шимон Я.* Исследование политической ориентации в Венгрии // Венгерский меридиан. 1990. № 4. С. 112–118.

⁸ Об этих переменах подробнее см. в исследованиях автора настоящей статьи, опубликованных в изданиях ИСБ РАН: «Восточная Европа на историческом переломе» (М., 1991); «Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям» (М., 1993); «Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии» (М., 1995); «Политический ландшафт в Восточной Европе» (М., 1997).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.М. Исламов.</i> Век тоталитаризма (Вместо предисловия)	3
<i>Тамаш Краус</i> (Венгрия). Сталинизм как историческое явление	30
<i>Иван Халас</i> (Словакия). Диктатуры белогвардейских генералов в период Гражданской войны в России. 1917–1921 гг.	41
<i>А.С. Стыкалин.</i> Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хортистского режима	52
<i>Ференц Мучи</i> (Венгрия). Венгерская социал-демократия об авторитарных режимах	72
<i>Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова.</i> Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: некоторые политические аспекты (По новым материалам архивов России)	80
<i>А.С. Стыкалин.</i> Политика сталинского режима по формированию общественного мнения за рубежом (Вторая половина 40-х годов)	94
<i>Карой Урбан</i> (Венгрия). Режим Ракоши: система политического произвола	127
<i>М.Ю. Чуканов.</i> Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. – «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени	140
<i>А.В. Будимир,</i> Хорватское национальное сознание в процессе Обретения государственной независимости (1990–1993) (По материалам ведущих общественно-политических изданий Хорватии)	196
<i>Б.Й. Желички.</i> XX век: смена политических режимов в венгерском государстве	221

**Авторитарные режимы
в Центральной и Восточной Европе
(1917–1990-е годы)**

Центральноевропейские исследования.

Выпуск 1.

М., 1999. 237 с.

Сборник подготовлен к печати
в редакционно-издательском отделе Института славяноведения РАН

Оригинал-макет, обложка – *М.И. Леньшина*

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 23.09.1999. Печ. л. 13,3. Тираж 300 экз. Заказ №

Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» ВОС. 129164 Москва, Маломосковская, 8

Авторитарные режимы